

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

том 1.
вып. 3, 4

Стр
7454

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Братъ Андрей Владиміровичъ

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпуски 3 и 4.

Одесса.

ТИПОГРАФІЯ Л. НИТЧЕ.

1868.

ТРОГАНОВ

2454

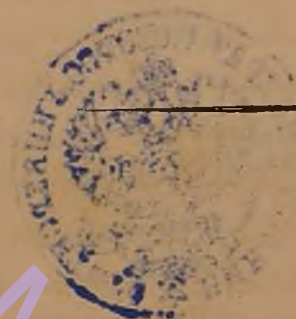
ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Одесса.

ТИПОГРАФІЯ Л. НИТЧЕ.

1868.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета.

Секретарь Совѣта В. Орловъ.

Ступор
7454

Исторія славянскихъ законодательствъ принадлежитъ къ числу наиболѣе молодыхъ наукъ. До второй четверти текущаго столѣтія являлись только слабыя попытки въ дѣлѣ объясненія юридическаго быта различныхъ славянскихъ племенъ. Открытіе и изданіе множества памятниковъ славянскихъ законодательствъ, вмѣстѣ съ опытами систематической ихъ разработки, принадлежатъ послѣднимъ двумъ — тремъ десятилѣтіямъ. Въ это время явились замѣчательныя историко-юридическія изслѣдованія, возбуждившія большой интересъ къ предмету; явилась даже возможность широкаго сравнительно-историческаго изученія славянскихъ законодательствъ. Труды Мацѣйовскаго, Палацкаго, Шафарика, Ирѣчка, Губе, Лелевеля, обоихъ Бантке и другихъ изслѣдователей славянской старины обогатили науку важными открытіями, уяснили многіе темные вопросы по исторіи юридическаго быта Славянъ, вообще положили прочныя основанія для науки исторіи славянскихъ законодательствъ.

Предметъ, впрочемъ, далеко еще не исчерпанъ: исторія славянскихъ законодательствъ только что начинаетъ получать строго научный характеръ. Множество памятниковъ и отдѣльныхъ вопросовъ по внутренней исторіи права остается доселѣ почти безъ всякой научной разработки. Исторію славянскихъ законодательствъ можно считать во многихъ отношеніяхъ не початымъ полемъ для изслѣдованій.

Если исторія древняго польскаго и чешскаго права достаточно выяснена трудами новѣйшихъ дѣятелей, то далеко не то нужно сказать о законодательствѣ южныхъ Славянъ. Опыты Палацкаго, Мацѣйовскаго, Рейца, Крстича и другихъ, если и уяснили многіе вопросы по исторіи сербскаго и хорватско-далматскаго права, то все таки не восполняютъ въ ней огромныхъ пробѣловъ. Масса драгоцѣнныхъ памятниковъ, открытыхъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ, обоими Шафариками, Миклошичемъ, Пуцичемъ и другими, представляетъ доселѣ сырой матеріалъ, безъ всякой критической разработки, — матеріалъ, который раскрываетъ все богатство и разнообразіе юридическихъ институтовъ глубокой древности, удерживавшихся въ нѣкоторыхъ сербскихъ и хорватскихъ земляхъ до нашихъ дней.

Къ числу пробѣловъ по исторіи славянскихъ законодательствъ въ особенности нужно отнести хорвато-далматское право. Можно указать на немногія изслѣдованія по исторіи отдѣльныхъ памятниковъ или юридическихъ институтовъ. Но такія изслѣдованія рѣшительно не объясняютъ послѣдовательнаго историческаго развитія хорвато-далматскаго законодательства. Изслѣдованы только позднѣйшіе переработанные уставы далматскаго Приморья (и то далеко не всѣ), въ которыхъ уже до значительной степени замѣтны чуждыя вліянія (Рейцъ, Венцель и др.). Между тѣмъ, такіе уставы, какъ Винодолскіе Законы или Полицкій Статутъ, весьма мало затронуты научной критикой, не смотря на то, что въ нихъ удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности. Объясняя древнее устройство общинъ хорватскихъ и далматскихъ, они могутъ служить также важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи другихъ славянскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и русскаго, коронящагося въ однихъ и тѣхъ же общеплеменныхъ славянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я желалъ бы хотъ приблизительно дать понятіе о предметѣ, далеко не лишенномъ интереса въ отношеніи къ древнему русскому праву. Нисколько не разчитывая изложить полную исторію хорвато-далматскаго права, — трудъ, едва ли исполнимый въ настоящее время, при рѣшительной недоступности многихъ хорватскихъ и далматскихъ уставовъ (напр. хотя уставовъ дубровницкихъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати), я поставилъ своей задачей рассмотреть въ особенности три типическіе устава: *Винодолскіе Законы*, *Законы града Загреба* и *Полицкій Статутъ* — драгоценные памятники славянской старины, въ которыхъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, по изстариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, при самомъ слабомъ вліяніи чуждыхъ источниковъ. Въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ общинная жизнь Славянъ представляется на различной ступени развитія. Винодолскіе Законы воспроизводятъ жизнь „кнежтва“, слагавшагося изъ нѣсколькихъ „обтипъ“, жупъ, — Законы града Загреба — жизнь отдѣльной жупы, съ ея центральнымъ мѣстомъ, градомъ. Въ обоихъ памятникахъ изслѣдователь находитъ уже довольно сложныя и развитыя формы общинной жизни Славянъ. Въ Полицкомъ Статутѣ мы, напротивъ, встрѣчаемся съ жупой, въ первичной ея формѣ, состоявшей изъ однихъ селъ, безъ всякихъ градовъ, весьма долго удерживавшей всѣ характеристическія особенности патриархальнаго быта старыхъ Славянъ. Изученіе законовъ винодолскихъ, загребскихъ и полицкихъ представляетъ для насъ интересъ значительной важности: въ нихъ мы найдемъ удовлетворительное разрѣшеніе множества темныхъ вопросовъ по исторіи русскаго (въ особенности эпохи

Русской Правды и мѣстныхъ законовъ) и другихъ славянскихъ законодательствъ. — Изложенію избранныхъ мною памятниковъ я предпослалъ обзоръ другихъ важнѣйшихъ памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства. Такимъ образомъ, нашъ очеркъ раздѣляется на слѣдующіе четыре отдѣла:

I. Общее обзоръ памятниковъ древняго хорвато-далматскаго законодательства.

II. Изслѣдованіе Винодолскихъ Законовъ.

III. Изслѣдованіе Законовъ града Загреба.

IV. Изслѣдованіе Полицкаго Статута.

Кромѣ исторіи самыхъ памятниковъ (съ указаніемъ на причины ихъ изданія, на источники, списки, порядокъ составленія памятниковъ, на существенныя ихъ отличія по внѣшней системѣ и содержанію), я старался изучить по источникамъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты внутренняго быта общинъ, обращая въ особенности вниманіе на учрежденія и порядки, по чему либо сходные съ учрежденіями по древнему русскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. При этомъ, имѣя дѣло съ отдѣльными юридическими институтами, я поставилъ главной своей цѣлью — изложить ихъ сущность и значеніе, на сколько они формулированы и затронуты въ самыхъ памятникахъ, обращаясь за объясненіемъ къ другимъ источникамъ лишь для болѣе отчетливаго пониманія и уясненія предмета. Сравнительное изученіе памятниковъ и отдѣльныхъ институтовъ по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ не входитъ въ нашу задачу, — иначе намъ пришлось бы излагать чуть ли не полную исторію славянскаго права.

Считаю не совсѣмъ лишнимъ привести здѣсь главнѣйшія *пособія и источники*, которыми можно пользоваться при изученіи древняго хорвато-далматскаго законодательства.

Печатные сборники хорвато-далматскихъ законовъ начинаются съ XVI столѣтія. Изъ древнѣйшихъ сборниковъ извѣстны въ настоящее время слѣдующіе:

Palatino, Libro, nel qual s'insegna a scriver ogni sorte lettera. Roma 1550.

— *Compendio del gran volume dell'arte del bene et leggriadramente scrivere tutte la sorti di lettere e caratteri*. Venetia 1588.

Statuta Jadertina cum omnibus reformationibus in hunc usque diem factis, additoque indice locupletissimo, nunc primum typis excusa. Venetia 1564.

Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici, sum tabula rubricarum. Venetiis. 1608.

Statuta insulae Curzubac. Ven. 1614. Въ 1643 и 1693 г. вышло

новое издание законовъ Корчулы съ добавленіями, подъ заглавіемъ: Liber Legum et Statutorum civitatis et insulae *Curzulae*.

Statuta civitatis *Cathari*. Ven. 1616 и 1715.

Statuta communitalis *Pagi*. Ven. 1637.

Statuta communitalis *Lesinae*. Ven. 1643.

Diversi publici Decreti, Terminationi, Privilegi et Indulti a favor della magnif. Communità della *Brazza*. In Undine. 1656.

Statuta municipalia ac Reformationes magnif. communitalis *Brachiae*. Utini. 1656.

Decreta communitalis *Brattiae*. Ven. 1656.

Ivan Lucio, Memorie istoriche di *Tragurio*. Ven. 1674.

Aloysio Pisani, Statuta et Reformationis civitatis *Tragurii*. Ven. 1708.

Privileggi della Provincia della *Cargna*. Ven. 1740.

Dolci Sebastiano, Monumenti storici della Provincia *Francescana di Ragusa*. Napoli 1744.

Farlati, Illyricum sacrum. Venetiis. 1751—69.

Analecta *Scepusia*. W. Wiednu. 1774.

Epitome del Privilegio e Rolo di *Makarska*, *Primorje* e *Craine*. In Venezia. 1794.

Исчисленные сборники составляютъ теперь библиографическую рѣдкость. Впрочемъ, болѣе важные памятники извлечены изъ нѣкоторыхъ старыхъ сборниковъ и помѣщены въ новѣйшихъ изданіяхъ Миклошича, Кукулевича и др. Въ настоящемъ столѣтіи открыто много новыхъ памятниковъ, мало извѣстныхъ въ прежнее время. Они помѣщены въ слѣдующихъ сборникахъ:

Kreglianovich, Memorie par la storia della *Dalmazia*. Zara. 1809.

Müller, Privilegium Regis Belae IV a 1258 Nobilibus de *Almissio* in *Dalmatia*. 1817.

Frajo Carraro Splitcanin, Archiv Capitolare di *Spalato*.

Brodthmann, Memorie politico-economiche di *Trieste*, *Istria*, *Dalmazia* e *Ragusa*. Ven. 1822.

Stulli Luca, Monumento da inalzarsi alla sacra, zesarska, regia, apostolica maesto di *Francesco I.* *Ragusa*. 1826.

P. I. Safarik, Monumenta *illyrica*. Praeae 1839.

— *Památky hlaholského pisemnictví*. V Praze. 1853. (12 хорватскихъ грамотъ XIV — XVI столѣт.).

Обреновичъ, Србскіи споменици или старе рисовулъ, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, далматински и дубровнички, кралева, царева банова. У Београду 1840.

Solitto Vincenzo, Documenti storici sull'Istria e la *Dalmazia*, raccolti a annotati. Ven. 1844.

Franceschi, Statuti prime leggi in *Ragosnizza*. 1235. Въ журн. *Dalmazia* 1845. № 22.

Batto, Documenti inediti riportanti il prospetto politico-economico-geographico, delle *comunita dalmatiche* nell'anno 1553. Ibid. 1845 — 47.

Wenzel, Beiträge zur Quellenkunde der dalmatischen Rechtsgeschichte im Mittelalter. (Статуты острововъ *Ластова*, *Мльта* и пр.). Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. I — III.

— Codex diplomaticus *Arpadinus* continuatus. Pest. 1860.

Liber de ordinamenti et de le usance della universitate del Comun de *Melida* fate e ordinate per tuti li homeni de quela isola in pubblico reggimento delo popolo. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. II.

Vercevic Vuko, Ustanova Gebraljska u Boki *Kotorskoj*. Въ Pravdonosa 1851.

Zakoni i ustanove *dalmatinskih hradovah*. Ibid. 1851 — 52.

Ian Kukuljevic Sakcinski, Arkiv za povestnicu jugoslavensku. I — V knih. U Zargebu. 1051 — 59.

— Орывокъ *Полицкаго Статута*. Въ соч. Кукулевича — Izvjestje o putovanju kroz *Dalmaziju*. 1857.

— Iura regni *Croatiae*, *Dalmatiae* et *Slavoniae*. I — VI Vol. Zagrabiæ. 1858 — 63.

— Conspectus monumentorum historicorum in manuscripto existentium, quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem *Slavorum meridionalium* tipis vulgari possent. Zagrabiæ. 1859.

— Monumenta historica *Slavorum meridionalium*. Povjestnj Spomenice juznih *Slavenah*. Knjiga I. *Listine Hrvatske* (acta croatica). U Zagrebu. 1863.

М. Банъ. Статутъ острова *Мльта*. Въ III книгѣ сборника — Дубровникъ 1852.

Tafel und Thomas, Griechische Original-Urkunden des Freistaates *Ragusa*. Въ Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. d. Wissensch. 1851, Mai-Heft.

Кнезь Медо Пучи, Споменици србски од 1395 до 1423. I — II. У Београду. 1858 — 62. (*Дубровницкія* грамоты и извлеченія изъ сборниковъ дубровницкихъ законовъ).

Fr. Miklosich, Monumenta serbica spectantia historiam *Serbiae*, *Bosnae*, *Ragusii*. Viennae 1858.

Ian Safarik, Попись акта принадлежащи къ исторіи Срба и осталь югославна, наодени се у цес. кр. Млетачкогъ генералномъ архиву. Въ Гласникъ дружт. срб. словесн., св. X. 1858. Отдѣльно — у Београду. 1858.

Ian Safarik, Србски исторійски споменици млетачкогъ архива. Ibid. 1859 — 62. Отдѣльно — Belgradi. 1860 — 62.

Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium. Rome 1863.

Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije, U Zagrebu. 1862.

Споменици изъ дубровачке архиве. У Београду. 1862.

Макушевъ, Законодательные памятники Дубровника. Въ его изслѣд. объ историч. памятникахъ Дубр. Спб. 1867. (См. ниже).

Отдѣльные памятники помещены также въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ; Србско-далматинскомъ магазинѣ (у Зандру), Гласникѣ дружства србске словесности (у Београду), Дубровникѣ, Коло (U Zandru), Sitzungsberichte der kaiserl. Akad. der Wissensch. (Wien), въ Чтеніяхъ въ Общест. истор. и древн. рос. и пр.

Наконецъ памятники, касающіеся хорвато-далматскаго законодательства, можно находить въ слѣдующихъ сборникахъ венгерскихъ и венеціанскихъ законовъ: *Schwandter* — Scriptores rerum hungaricarum (Wien 1746); *Iony-Facies juris Hung.* (Iena 1756); *Kaprinai* — Hungaria diplomatica (Vind. 1767); *Werbosz* — Corpus juris Hungarici; *Engel* — Monumenta Hungarica (1809); *Fejer* — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (Budae. 1829); Corpus decretorum juris Hungarici (1844 — 48); *Endlicher* — Rerum hungaricarum monumenta arpadiana (Sangali. 1848); *Szeremi Guörgey* — Monumenta Hungariae historica. (Pest. 1857 — 61); *Theiner* — Vetera monumenta historica sacram illustrantia Hungariam. (Romae. 1859); Volumen Statutorum, Legum ac jurium D. Venetorum (Venet. 1564, 1586, 1691, 1729); *Tafel u. Thomas* — Urkunden zur älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit Beziehung auf Byzanz und Levante (Wien 1856 — 58); Urkunden der Republik Venedig (Въ Fontes Rerum Austriacarum. Wien. 1857. III).

Изслѣдованія по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, главнымъ образомъ, принадлежатъ настоящему столѣтію. Изъ старыхъ сочиненій, касающихся этого предмета, намъ извѣстны только два:

Bona de Nicolai, Praxis judiciaria juxta stylum Curiae ragusanae. Ragusae 1784.

Engel, Staatsrechtliche Untersuchungen über Dalmatien, Croatien und Slavonien. Въ 11 томѣ большаго его сочиненія: Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien u. Slavonien. Halle 1798.

Не раньше второй четверти текущаго столѣтія появляются въ собственномъ смыслѣ историко-юридическія изслѣдованія по славянскимъ законодательствамъ. Начало систематической ихъ разработки положено Мацѣйовскимъ, въ двухъ извѣстныхъ его сочиненіяхъ:

Maciejowski, Historia prawodawstw Stowianskich. I — IV. Warszawa. 1832 — 35. Новое изданіе въ 6-ти томахъ появилось въ 1856 — 65.

— Pamiętniki o dziejach, pismienictwie i prawodawstwie Stowian. I — II. Spb. 1839.

Изслѣдованія Мацѣйовскаго въ особенности важны, какъ первые обстоятельные опыты сравнительно историческаго изученія славянскаго права. Въ этомъ случаѣ заслуга автора несомнѣнна. Изложеніе его отличается впрочемъ большою неполнотою: авторъ имѣлъ предъ собою слишкомъ широкое и мало обработанное поле изысканій, не могъ притомъ воспользоваться многими источниками, обнародованными только въ недавнее время. Въ особенности недостаточно и блѣдно изложена внѣшняя исторія славянскихъ законодательствъ; многіе весьма важные памятники даже вовсе не упомянуты авторомъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства Мацѣйовскій изложилъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о Винодольскихъ Законахъ, Крскомъ Статутѣ и городскихъ уставахъ далматскаго Приморья; почти только упомянуть Полицкій Статутъ — одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ славянской старины, заслуживающій самаго внимательнаго и всесторонняго изученія. Полнѣе изложена внутренняя исторія. Авторъ съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ здѣсь сравнительный методъ изученія памятниковъ, хотя далеко не исчерпалъ всего ихъ содержанія и не избѣжалъ многихъ совершенно произвольныхъ построеній и положеній по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ законодательствъ. (Главнѣйшіе недостатки сочиненія Мацѣйовскаго изложены весьма обстоятельно въ рецензіи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ „Pismo zbiórowe, wydane przez Iosafata Ohryzko“, т. I. Spb., 1859, стр. 374 — 490).

Почти одновременно съ Мацѣйовскимъ явились другіе изслѣдователи, обратившіе вниманіе на славянскую старину, старавшіеся объяснить древнѣйшіе памятники юридической жизни Славянъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства въ особенности важны изслѣдованія профессора Рейца:

Reutz, Die freien Landgemeinden von Zernohora, Poglizza und andere, ein Beitrag zur Kenntniss des südlichen Slavenstammes. Вѣ Dorpat. Jahrb. I. 1833.

— Verfassungs- und Rechts-Zustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter. Dorpat. 1841. Русскій переводъ, въ Сборникѣ историч. и статист. свѣд. о Россіи Валуева (II. 1845), подъ заглавіемъ: Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ. Итальянскій переводъ, въ журн. Dalmazia (1845, № 25), — Stato politico e giudiziario delle città marittime e delle isole dalmate nel medio evo, desunto dai loro statuti municipali.

Последнее изслѣдованіе доселѣ не потеряло значенія въ наукѣ. Въ немъ Рейцъ довольно полно и обстоятельно изложилъ постановленія далматскихъ статутовъ, известныхъ въ то время въ печати (Травы, Цары, Браццы, Себенико, Каттаро, Лезини и Корчулы), въ особенности разсмотрѣлъ государственное устройство, сословія, отношенія права гражданскаго, уголовного и процесса. Для насъ представляютъ особенный интересъ факты касательно чисто юридическихъ отношеній. Здѣсь большинство статутныхъ постановленій — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Изслѣдованіе Рейца тѣмъ болѣе важно, что самые статуты для насъ рѣшительно недоступны и на Западѣ принадлежатъ къ библиографическимъ рѣдкостямъ: трудъ Рейца представляетъ для насъ главное пособіе при изученіи далматскихъ городскихъ статутовъ.

Кромѣ исчисленныхъ сочиненій по исторіи хорватско-далматскаго законодательства, намъ извѣстны еще слѣдующія:

Russevich, De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae. 1830.

Schindler, Darstellung des Colonen- und Contadium-Wesens im Ragusaner Kreise. Вѣ Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit 1837. Bd. II — III.

О безвластіи, бывшемъ у Далмаціи, после паденія республики млетачке. Вѣ Србско-далматин. магазинѣ 1842, година 7.

Briglevich, De jure voti nobilibus in RR. Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae congregat. competente. Zagrabiae. 1843.

Delle femine dalmate e del loro rapporto coi maschi. Вѣ журн. Dalm. 1846, №№ 4, 35, 37.

Paton, Adriatische Briefe. Verwaltung Dalmatiens. Вѣ Allgem. Zeitung 1847, № 94.

Costruzione di strade in Dalmazia. Вѣ журн. Dalm. 1847, №№ 4, 37, 40.

Fejer, De comitatibus R. Hungariae. Budae. 1848.

Wenzel, Studien über den Entwicklungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola. Вѣ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 1849. Bd. IV и VII.

Chiudino, Statuto e regime municipale della città di Zara. Вѣ журн. Osservatore dalmato 1850, №№ 138, 148, 165, 171, 172.

Naredba o ustrojenju Ilirie. U Zagrebu. 1850.

Storia e legislazione municipale di Cattaro, nel medio evo. Вѣ Ossers. dalm. 1851, №№ 119, 123, 130.

Leggi ed uzi notabili del Comuni dalmati, nel medio evo. Ib. № 79 и 91.

Regime e statuto municipale di Curzola. Ib. № 17, 26, 39, 58.

Legislazione municipale di Sebenico, nel medio evo. Ib. №№ 95, 97, 102, 106.

Ivan Danilov, Knj'ga zakona poljickoga. Вѣ журн. Pravdonosa 1851 и 1852 г. Разобраны первыя 54 главы Полицкаго Статута.

P. Safarik, Krátka zpráva o Statutu Polickém. Вѣ Casop. cesk. 1854. Сербскій переводъ этой небольшой статьи помѣщенъ Поповичемъ въ Гласникѣ дружт. срб. словесн. IX. 1857.

Utiesenovic, Hauskommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker- und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes. Wien 1859 Рецензія — въ Рус. Бесѣдѣ 1859. IV.

Вельковичъ, О пороги. У Београду. 1860.

Майковъ, Судъ присяжныхъ у южныхъ Славянъ. Вѣ Русск. Словѣ. 1861.

Racki, Odlomci iz drzanvoga prava hrvatskoga za narodne dynastie. Вѣс. 1861.

Pravny pomery a původ kolonů se zvláštém ohledem na lihoslovany v stredoveku. Вѣ Památky archeologicke a mistopisne, Prag. V. dil. ses. 2. 1862.

Vojtech Frühauf, Rolnictvi slovanske, thrako-illyrské a germanské v nejs-tarsi dobe. Вѣ журн. Ziva 1864, № 1.

Свѣдѣнія о хорватскомъ правѣ можно находить въ сочиненіяхъ по исторіи и системѣ вепгерскаго и венеціанскаго права:

Kelemen, Historia juris Hungarici privati. Budae 1818.

Klein, Handbuch der Geschichte von Ungarn u. seiner Verfassung. Leipzig 1833.

Szlemenic, Elementa juris hungarici judicarii civilis. Posonii 1837.

Pusztay, Die Ungarn in ihrem Staats- u. Nationalwesen von 889 — 1842. Leipz. 1843.

Lustkindl, Das Ungarisch-Oesterreichische Staatsrecht. Wien 1863.

Déak, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht. Pest 1865.

Virozsil, Das Staats-Recht des Königreichs Ungarn. Pest 1865 — 66.

Contaremus, De magistratibus et republica Venetorum. Parisiis 1523—44.

Bregolini, Giurisprudenza civile secondo le leggi Venete. Vienna 1784.

Sclopis, Storia della legislazione italiana. Tor. 1840.

Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien. Leipz. 1847.

Manin, Della Veneta Giurisprudenza. Ven. 1848.

Roza, I feadi e i Comuni. Berg. 1854.

Emiliani Giudici, Storia politica del Municipi Italiani. 1855.

Albini, Storia della legislazione in Italia. Vigev. 1856.

Baschet, Les Archives de la République de Venise. Par. 1858.

Есть также несколько монографій по обычному праву хорватскихъ и далматскихъ общинъ:

Срблинъ, Обычаи мира при случаю убійства у общины рисаньской. Въ Магаз. далмат. 1844.

— Обычаи вѣрты у Рисну. Ib. 1845.

— О уговори сватбе и сватова у Рисну. Ib. 1848.

Д. Василевичъ, Описаніе, како треба мирити за мртву главу. Ibid. 1845.

Persic, Dalmatinska zenitba i pirovanie. Въ журн. Zora Dalmatinska 1845.

Luka Ilic, Narodni Slavonski obicaji. Zegreb. 1846.

Ljubic, Obicaji kod Morlakah u Dalmazii. U Zandru. 1846.

Raffaelli Urbano, Dei giudizj di sangue nel Circolo di Cattaro. Въ журн. Dalmazia 1846, № 17 и 18. Нѣмецкій переводъ — въ Illustriertes Familienbuch (Triest 1852).

Celakovsky, Slovanská právnická prislovi. Въ Casop. cesk. 1851.

— Mudroslovi národu Slovanského ve prislovich. V Praze. 1852 (Помѣщена и первая статья).

Valtazar Bogisic, Pravni obicaji u Slavena. Privatno pravo. U Zagrebu. 1867.

Важнымъ пособіемъ могутъ служить наконецъ сочиненія и монографіи по исторіи хорватскихъ и далматскихъ Славянъ:

Serafino Razzi, La storia di Raugia. Lucca 1596.

Lucius, De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami 1666.

— Historia di Dalmazia in particolare delle citte di Trau.

Freschot, Memorie storiche e geografiche de la Dalmatia. Bologna 1687.

Fresne, Illyricum vetus et novum. Pos. 1746.

Ferri Petri Barnabae, Commentarium in monumentum Arusianum. Patavii 1753.

Fortis, Dalmatien. Bern 1776.

Busching, La Dalmazia veneta. Della republica di Ragusa. Въ его сочин. Nuova geografia. Venn. 1777. Vol. XIII и XVIII.

Раичъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, найпаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Въ Виенѣ 1794. (Также въ Будиномъ Градѣ. 1823).

Engel, Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien. Halle 1798.

— Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien 1807.

Bartenstein, Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation in den kaiserlichen Erblanden. 1802.

Historische Nachricht von der Republic Ragusa und ihrem gegenwärtigen Zustande. Berlin 1802.

Ciccarelli, Observationi sull'isola della Brazza. Ven. 1802.

Appendini, Notizie storico critiche sulle antichita storia e letteratura de'Ragusei. Ragusa 1802 — 1803.

Mikoczi, Otiorum Croatiae liber unus. Opus posthumum. Budae 1806.

Allegret Philippi, De ragusina nobilitate.

Fejér, Dalmatiae cum R. Hung. nexus. Budae 1834.

Sermage, Die ursprüngliche Vereinigung der Königreiche Croatien, Dalmatien und Slavonien mit der Krone Ungarns. Въ Oesterr. Zeitung für Gesch. 1836, № 1 — 3. Отдѣльно — Wien 1836.

Eusebe Salvèrte, De la civilisation: Venise et Raguse. Paris 1837.

Harváth, Ueber Croatien als eine durch Unterjochung erworbene ungar. Provinz. Leipz. 1844.

Vukotinovich Farkas, R. Slavoniae erga Hungariam legalis correlatio. Zagreb. 1845.

Исторія общины Пастровичио (Pastrovicchio). Въ Магаз. далмат. 1845.

Niseteo, Municipio de'Riditi. Въ журн. Dalmazia 1845.

Franceschi, La Poglizza. Ibid. 1846 — 47.

Fejér et Gyurikovits, Responsa ad opera de Croatia et Slavonia. Zagrabiae 1847.

М. Банъ, Zercalo povestnice Dubrovacke. Въ сборн. Дубровникъ. II. 1851.

Maylath, Dalmatiens Verhältniss zu Ungarn, oder, wie war Dalmatien organisiert, als es faktisch zu Ungarn gehörte. Въ его соч. — Geschichte der Magyaren. II. 1852.

Гильбердинъ, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Москва 1855—59.

Dümmler, Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien. Въ Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wiss. 1856, XX Bd.

Пушчъ, Pojestnica Dubrovnica. U Zandru. 1856.

Майковъ, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва 1857.

Ранке, Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Перев. Бартенева. М. 1857.

La Croatie et la confédération Italienne. Paris 1859.

La Hongrie et les Slaves. Paris 1860.

Kvaternik, Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreichs Croatia zu der ungarischen St. Stephans Krone. Agram 1861.

Herm. Inceek, Aktenmässige Darstellung des Verhältnisse der griechisch nicht unirten Hierarchie in Oesterreich, dann der illirischen National-Congresse und Verhandlungen-Synode. 1861.

Tkalac, Hrvatska Povjestnica. Zagreb. 1861.

Déak, Denkschrift über das Verhältniss zwischen Ungarn und Croatien. Wien 1861.

Ladislau von Szalay, Zur Ungarisch-Kroatischen Frage. Pest 1863, — Geschichte Ungarns. 1866.

Макушевъ, Исслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867.

Fessler, Geschichte von Ungarn. Leipz. 1867.

ОТДѢЛЪ I.

Общее обозрѣніе памятниковъ древняго хорвато-далматскаго законодательства.

Историческое положеніе Хорватовъ, особенно со времени разрыва ихъ съ Сербамъ. Хорватское право до подчиненія Хорватовъ Коломану: древніе обычаи; первые письменные памятники — грамоты Термиміра и Мутиміра; вѣчевые уставы X вѣка и Книга Законовъ Сильвестра. Хорватское право съ XII вѣка: вопросъ объ отношеніи права хорватскаго къ венгерскому; вѣчевые уставы и грамоты жалованныя, судныя и пр. Мѣстные хорватскіе и далматскіе законы, въ особенности уставы Сеньи, Крка, Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья.

Хорваты составляютъ отдѣльную отрасль Славянъ, носящихъ теперь названіе *южныхъ* или *задунайскихъ*. До второй четверти X вѣка Хорваты вели съ Сербамъ общую историческую жизнь. Переселившись въ VII вѣкѣ изъ-подъ карпатскихъ горъ, они еще долго не оставляютъ дробной жизни мелкими автономическими союзами.

Столкновеніе и борьба Хорватовъ съ сильными сосѣдями (Франками, Болгарами, Византіей и пр.) рано оказываютъ вліяніе на исторію Славянъ хорватскихъ. Уже въ IX вѣкѣ, по словамъ Раича, старые «звѣрскіе» нравы Хорватовъ стали измѣняться къ лучшему. «Звѣрскія своя перемѣнившие нравы, учтивѣйшіи начали бывать, и толь добрые порядки въ государство свое вводили, якоже и въ прочей Европѣ» (Раича Исторія, кн. III. 59).

Разрывъ между Сербамъ и Хорватами начался вслѣдъ за подчиненіемъ Хорватовъ латинской церкви (со времени Сплитскаго собора 925 г. См. Гильфердинга Письма, I. 226—227). Оба народа пошли съ этихъ поръ по различнымъ историческимъ путямъ. Сербы еще долго, до второй половины XII вѣка, ведутъ малозвѣстную историческую жизнь, — подъ главенствомъ Византіи они знаютъ только свои жупы, свои сходки съ жупанами, безъ мысли о высшемъ политическомъ единствѣ народа. Не то находимъ у Хорватовъ. Уже въ X столѣтіи они образуютъ довольно обширное государство; уже въ это время они вступаютъ въ тѣсныя связи съ западными сосѣдями, незаметно подчиняются западно-европейской цивилизаціи. Исторія хорватская отражаетъ на себѣ съ X и слѣдующихъ вѣковъ всѣ главныя движенія въ исторической жизни европейскихъ народовъ.

Не смотря впрочемъ на раннія вѣдѣнія вліянія, Хорваты X и слѣдующихъ вѣковъ, въ своемъ внутреннемъ бытѣ, немногимъ разнились отъ другихъ южныхъ Славянъ. Въ X вѣкѣ земля хорватская обнимала федерацію *жупаній* (*zupanias* по Порфирородному), соответствующихъ германскимъ Гае, русскимъ волостямъ или жупамъ Сербовъ, Чеховъ и другихъ Славянъ. Во время Порфирородного, писавшаго между 925 и 959 г., Хорваты составляли 14 отдѣльныхъ жупъ. Изъ нихъ 11 союзовъ непосредственно зависѣли отъ великаго жупана — племеннаго главы или старшины хорватскаго народа. Таковы были жупы: Chlebiana (теперешній Гливно), Tzentzena (Цетина), Emota (Имота), Pieba (Пиева въ Босніи), Pesenta (Везента тамъ же), Parathalassia (Приморье), Brebera (Брибирь), Nona, Tnena (Книнь), Sigraga и Nina. Остальныя жупы хорватскія — Cribasa (Крбава), Litza и Gulzeka (Гадска) — составляли отдѣльное владѣніе, подчинявшееся банахъ, подъ общимъ главенствомъ великаго жупана (См. Кукулевича Iuga. I. 9). Извѣстіе Порфирородного о жупахъ хорватскихъ подтверждается болѣе древними свидѣтельствами, въ особенности грамотами Терпиміра 837 и Мутиміра 892, въ которыхъ упоминаются 11 жупановъ, зависѣвшихъ отъ хорватскихъ *duces* — великихъ жупановъ Порфирородного (Ibid. 5 и 6).

Дробная система волостей господствовала вездѣ, во всѣхъ частяхъ хорватской земли. Нарента (часть теперешней Далмаціи) дѣлилась при Порфирородномъ на три жупы — Растоцу, Мокру и Далену (Райчъ, часть II. 31). Общины, разсѣянныя по берегамъ и островамъ Приморья (Задръ, Трогиръ и пр.), составляли съ своими областями самостоятельные союзы, удерживавшіе или усвоившіе позже (напр. Дубровникъ) общинное устройство славянскихъ жупъ. По памятникамъ XI и XII вѣковъ, хорватская земля дробится на болѣе крупныя части, подъ названіемъ *банатствъ* (Croatia, Bosnia, Slavonia, Posiga или Pozega, Podrama, Albania и Srema или Rama); но въ каждой области удерживается по прежнему жупное устройство мѣстныхъ союзовъ и общинъ (См. въ Arkiv za povestn. jugos. II. 4, грамоту Петара Гумая 1080 г., въ которой сохранилось извѣстіе о 7 хорватскихъ банахъ, избравшихъ князей для цѣлой земли хорватской. О такихъ же 7 банахъ имѣемъ другое свидѣтельство начала XII вѣка. См. Kukul. Iuga I. 21 ср. Paura, кн. VI. 268).

Вся эта дробная система хорватскихъ жупъ представляла одно вѣдѣніе единство. Внутренняя рознь, преобладаніе областной жизни надъ государственной, по словамъ всѣхъ историковъ, изучавшихъ бытъ южныхъ Славянъ, составляло издавна и доселѣ составляетъ общее характеристическое явленіе въ жизни Сербовъ, Хорватовъ и другихъ южныхъ Славянъ (См. въ особенности сочиненіе Іована Хачича — Духъ народа Србскогъ, у Карловицы, 1858, гдѣ наглядно развита мысль объ исторической неспособности южныхъ Славянъ къ прочному сплоченію въ одно государственное тѣло). Хорватская исторія X — XI вѣковъ представляетъ много явленій, изъ которыхъ видно, что стремленіе хорватскихъ королей къ политическому объединенію Хорватовъ постоянно встрѣчало сильный отпоръ въ жупанахъ, въ самыхъ областяхъ и общинахъ (въ особенности приморскихъ) — *status in statu*, выработанныхъ средневѣковой жизнью Славянъ. Источники полны извѣстіями о борьбѣ общинъ и жупановъ хорватскихъ между собой и съ королями. Власть послѣднихъ часто была только номинальной; все значеніе въ государствѣ принадлежало магнатамъ.

управлявшимъ нерѣдко на наследственномъ правѣ своими жупами и областями. Еще въ IX вѣкѣ, говоритъ древній сербскій лѣтописецъ, «илирійскія жупанства и военачальства въ междоусобной брани забавляхуся, единъ другаго угѣсниваху, неколико князей воедино подчиняху» (См. Гласн. дружт. Срб. слов. V. 52). Жупаны, при всякомъ стремленіи хорватскихъ королей къ болѣе дѣйствительному главенству и власти, отказывали имъ по всякомъ подчиненіи, становились почти суверенными главами своихъ областей. Павлиміръ и въ особенности его сынъ Тѣшиміръ, по словамъ Райча, всю жизнь свою провели «въ присовѣтованіяхъ отступившихъ бановъ, но весь трудъ ихъ суетенъ бѣ» (Райчъ, кн. VI. 274, 275). Значеніе королей часто до того падало, что никто не хотѣлъ принимать ихъ званія. Иногда (напр. послѣ Счислава) государство много лѣтъ оставалось безъ общаго главы, — жупаны, сидѣвшіе по областямъ, пользовались вполне самостоятельной властью, кромѣ своихъ мѣстныхъ общинъ и сходовъ не признавали надъ собой никакой высшей власти общаго главы государства (О внутренней неурядицѣ и смутахъ въ хорватской землѣ до прекращенія туземной династіи королей см. у Райча III. 75, VI. 264, 267. VII. 355 и пр.).

Неурядица длилась до прекращенія туземной династіи хорватскихъ королей и подчиненія страны королямъ венгерскимъ. Въ 1102 г. Хорваты добровольно признали своимъ главою венгерскаго короля Коломана съ его потомствомъ. Они удержали неприкосновеннымъ свое внутреннее управленіе, свои изстаринныя права и обычаи (См. присягу Коломана, Iuga Kukul. I, 22; тамъ же помѣщены грамоты Коломана и позднѣйшихъ королей на права и вольности хорватскаго народа, — См. ib. 27, 29, 31 и пр. Объ историческомъ значеніи факта подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ см. новѣйшія изслѣдованія одного изъ хорватскихъ патриотовъ — La Croatie et le confédération Italienne Paris. 1859, также указанныя выше соч. Кватерника и Герм. Ирѣчка. Тотъ же вопросъ составляетъ спеціальныя предметъ изслѣдованій Фейера, Сермажа, Горвата, Вукотичовича, Деака и Шалаа). Союзъ хорватской земли съ Венгіей имѣлъ характеръ *Personalunion*. Хорваты вошли въ союзъ съ Венграми только вслѣдствіе добровольнаго признанія однихъ и тѣхъ же государей, не сливаясь съ ними въ одно цѣльное государство. Самостоятельное положеніе удерживали Хорваты до позднѣйшаго времени, не испытали такого сильнаго вѣдѣнія гнета и такихъ глубокихъ потрясеній и переворотовъ, въ народной жизни, какиѣ подверглись Сербы подъ игомъ турецкимъ или Славяне Балтійскіе, подавленные господствующей нѣмецкой «культурой и цивилизаціей».

Таково въ главныхъ чертахъ развитіе общественной жизни Хорватовъ. Раннее подчиненіе народа *чуждымъ вліяніямъ* безъ потерп національной самобытности, и долгое господство *внутренней розни*, при малой способности народа выработать изъ собственныхъ своихъ силъ и осуществить идею политическаго единства, — главныя явленія, опредѣлившія всю историческую судьбу Хорватовъ.

Тѣ же самыя начала неотразимо вліяли и на исторію хорватскаго права. Въ немъ рано начинается вліяніе чуждыхъ источниковъ, въ особенности права венеціанскаго и венгерскаго. Чуждыя вліянія отразились впрочемъ болѣе въ сферѣ публичныхъ, нежели строго юридическихъ отношеній. Здѣсь до новѣйшаго времени удерживалось много бытовыхъ началъ и порядковъ, возникшихъ изъ внутренней

жизни хорватского народа. Консервативность — главная черта хорватского законодательства. С другой стороны, долгое господство внутренней розни въ общественной жизни Хорватовъ отразилось въ развитіи *партикулярныхъ началъ* въ ихъ законодательствѣ. Мѣстные законы отдѣльныхъ земель, часто небольшихъ жупъ и общинъ, становятся съ XII и XIII вѣковъ главными источниками хорватско-далматского права. Въ немъ долго преобладали обычаи и законы областные, партикулярные, надъ общимъ законодательствомъ.

О древнихъ хорватскихъ *обычаяхъ* дошло до насъ мало извѣстій. Извѣстно только, что «обычаи предковъ» дѣйствовали у древнихъ Хорватовъ вмѣсто законовъ. По свидѣтельству мѣстныхъ историковъ, старые хорватскіе обычаи удерживались въ жизни до позднѣйшаго времени, часто безъ всякихъ измѣненій (См. напр. Ранча, кн. III. 52, 53). Истаринные обычаи послужили главной основой законодательныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени. Уставы Полицы, Винодола и другіе древнѣйшіе памятники хорватско-далматского законодательства находили въ старыхъ обычаяхъ главную основу и источникъ для большинства содержащихся въ нихъ постановленій.

Первые дошедшіе до насъ письменные памятники законодательства Хорватовъ принадлежатъ IX вѣку. Сюда относятся *грамоты* хорватскихъ князей Терпиміра 837 и Мутиміра 892 г. (Kukul. Jura I. 3 — 7). Обѣ грамоты касаются льготъ и преимуществъ, какими пользовался монастырь Салоны. Кромѣ уясненія отношеній церковныхъ, грамоты даютъ весьма важныя указанія на положеніе древнихъ хорватскихъ князей, вѣчъ, жупановъ и другихъ народныхъ старшинъ и главъ (*primates populi*).

Вообще говоря, Хорваты въ дѣлѣ законодательства значительно опередили другихъ Славянъ. У нихъ законы въ собственномъ смыслѣ, даже сборники законовъ, являются очень рано: Хорваты имѣли свою Правду чуть ли не пѣлымъ столѣтіемъ раньше изданія Русской Правды. Есть даже указанія, что въ X вѣкѣ Хорваты обладали уже старыми законами и статутами. Этотъ вѣкъ былъ эпохой появленія первыхъ сборниковъ хорватскихъ законовъ. Намъ извѣстны три памятника этого времени: два устава хорватскаго вѣча и Книга Законовъ короля Сильвестра.

Вѣчевые уставы явились въ эпоху отдѣленія Сербовъ отъ Хорватовъ (См. Kukul. Jura I. 8 — 12). Первый уставъ, изданный въ 914 г. на общей сходкѣ (*consilium*) въ Спалато, въ присутствіи хорватскаго князя Тамислава и римскихъ легатовъ, излагаетъ правила объ устройствѣ хорватской церкви, главнымъ образомъ трактуетъ о судѣ епископскомъ, также о личныхъ, имущественныхъ и другихъ правахъ духовенства; есть, кромѣ того, статьи съ общимъ характеромъ, напр. статья 14-я о порядкѣ наслѣдованія имущества. Нельзя не замѣтить значительнаго сходства этого перваго хорватскаго устава съ русскими уставами о церковныхъ судахъ временъ Владиміра и Ярослава. Хорватскій и русскіе уставы изданы были съ одинаковой цѣлью — упрочить положеніе зараждавшейся церкви, опредѣлить отношенія ея къ обществу. — Дополнительнымъ уставомъ 927 — 928 г., изданнымъ при томъ же князѣ, на соборѣ въ Спалато, опредѣлены округа (*diocesi*), подвѣдомственные хорватскимъ епископамъ. Въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ, между

прочимъ, несомнѣнное указаніе на старые статутные законы и обычаи хорватской земли (*cunctas provinciae antiquae consuetudines juxta moderamine perseverano, firmanavit, omnia secundum veterum Statuta in omnibus Ecclesiis Episcoporum privilegia redintegrari*).

Книга Законовъ короля Сильвестра не дошла до нашего времени. Въ дѣйствительности ея изданія (до 985 г.) не можетъ быть большихъ сомнѣній. Ранчъ, одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ сербскихъ историковъ прошлаго вѣка, прямо говоритъ, что «Сильвестръ краль XXX убо сѣдъ на престолъ отца своего Болеслава, дабы у подданныхъ поспрѣнность и власть свою сохранилъ, всякимъ прилежаніемъ старался чрезъ полезная права замѣшательства и неурядки исправити, книгу законовъ сочинити повелѣлъ» (Ранчъ, VI. 280). Можно привести много грамотъ XII и другихъ вѣковъ, въ которыхъ въ одинаковой мѣрѣ упоминаются древніе законы, дѣйствовавшіе вообще въ хорватской землѣ или въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Есть даже извѣстія о статутахъ нѣкоторыхъ городовъ славянскаго Приморья, изданныхъ еще въ византійскій періодъ (т. е. до IX столѣтія). Венеціанскій дожъ Орделафъ, предоставляя грамотою 1118 г. городу Арбе различныя права и преимущества, вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ древніе его обычаи и статуты, составленные еще при византійскихъ императорахъ и венгерскихъ короляхъ (*sub Imperatore Constantinopolitano et sub Rege Ungarum*. См. Kukul. Jura I. 28). Въ грамотѣ короля Гейзы 1143 г., данной всему хорватскому народу, находимъ слѣдующее мѣсто: «*lege antiquitas constituta cum vestro iudice uti permitam vos*», или въ грамотѣ Стефана III, 1169 г.: «*lege antiqua constituta vos uti permitam*» (Ib. 29, 31, 39 и пр.). Ничто не мѣшаетъ допустить, что здѣсь подъ старыми законами могли именно разумѣться законы Сильвестра, собравшаго въ одну книгу старые обычаи и законы, какъ это позже дѣлалось въ Винодолѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ. Кромѣ обычаевъ, книга Сильвестра могла имѣть своимъ источникомъ и мѣстные статуты (хоть напр. Абре), въ особенности приморскихъ общинъ, жившихъ по своимъ законамъ уже въ періодъ зависимости ихъ отъ византійскихъ императоровъ.

Время внутреннихъ смутъ, наполняющихъ весь XI вѣкъ, не благопріятствовало развитію хорватскаго законодательства. Можно указать только на нѣсколько жалованныхъ грамотъ этого времени, дававшихся въ особенности церквамъ и монастырямъ. Таковы грамоты Крезиміра 1071, Свимиміра 1076 и др. (См. Kukul. Jura I. 15, 16 и пр.).

Неурядица завершилась, какъ мы знаемъ, подчиненіемъ Хорватовъ королямъ венгерскимъ. Соединеніе хорватской земли съ Венгріей естественно должно было выдвинуть на первый планъ вопросъ объ *отношеніи права хорватскаго къ венгерскому*. Историки, смотрѣвшіе на союзъ Хорватовъ съ Венграми, какъ на полное подчиненіе народа слабаго другому болѣе сильному, полагаютъ, что самостоятельное развитіе хорватскаго права прекратилось въ силу зависимаго положенія Хорватовъ, — что съ XII вѣка юридическій ихъ бытъ всецѣло проникается началами венгерскаго права. Эта мысль ясно проглядываетъ въ слѣдующихъ словахъ Ранча: во всемъ *едино* стало между ними (Хорватами и Венграми) *право*, тако, яко нравн, одежды и языкъ общая обоимъ сдѣлалася, и фамили славныя Унгаровъ въ Хорвацію,

и вѣднѣ Хорватовъ въ Унгарію преселились, *едино право употребляюще*» (Ранчъ, кн. III. 78).

Нельзя вполне отвергать вліянія венгерскаго права на хорватское. Оно безъ сомнѣнія было, въ особенности отразилось въ отношеніяхъ жизни публичной; но отсюда, очевидно, еще нельзя заключать объ объединеніи, а тѣмъ болѣе о полномъ подчиненіи хорватскаго права венгерскому. Не нужно забывать широкой сферы юридическихъ отношеній, тѣхъ хорватское право развивалось вполне самостоятельно, почти помимо всякихъ внѣшнихъ вліяній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бѣгло просмотрѣть хорватскіе памятники: главной основой ихъ были не начала чуждаго права, но туземные законы и обычаи, изстари удерживавшіеся въ жизни хорватскаго народа.

Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи хорватскаго права къ венгерскому порѣшенъ точно и опредѣленно въ моментъ самаго союза обоихъ народовъ. Последующая исторія до новѣйшихъ временъ не представляетъ ни одного примѣра, чтобы этотъ вопросъ перерѣшался въ новомъ духѣ и направленіи.

Неприкосновенность туземныхъ обычаевъ и законовъ, гарантія изстариныхъ вольностей Хорватовъ, были *conditio sine qua non* подчиненія ихъ венгерскимъ королямъ, — ради сохраненія и упроченія за Хорватами старыхъ ихъ привилегій, короли постоянно давали имъ жалованныя грамоты. Едва ли можно указать хоть на одинъ примѣръ стремленія венгерскихъ королей стараго времени къ введенію въ хорватской землѣ чуждаго права и къ отмене національнаго. Всѣ старые памятники, напротивъ, говорятъ, что у Хорватовъ, на ряду съ мѣстными законами, постоянно и неизмѣнно дѣйствовали старые обычаи предковъ, иногда замѣнявшіе собой законы, — «*consuetudo pro lege valuit*», какъ выражается грамота Беллы IV, 1252 г., говоря о далматскихъ обычаяхъ (Kukul. Jura I. 68). Самъ Ранчъ признаетъ замѣчательную тождественность между юридическими обычаями древнихъ и новыхъ Хорватовъ: «Сербовъ и Хорватовъ обычаи мало въ чемъ отличны отъ древнихъ суть» (Ранчъ, III. 53), — явленіе, которое совершенно не мирится съ признаніемъ сильныхъ внѣшнихъ вліяній въ исторіи хорватскаго права. Та же мысль, какъ нельзя больше, подтверждается позднѣйшими наблюденіями надъ народнымъ юридическимъ бытомъ современныхъ Хорватовъ, доселѣ удерживающихъ въ жизни изстариные свои обычаи и порядки глубокой древности (См. въ особенности Bogišica Pravni obicaji и Slavena).

Вѣчевые уставы и грамоты разнаго рода — главныя формы общаго хорватскаго законодательства эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ.

Вѣчевые приговоры и постановленія, подъ общимъ названіемъ уставовъ и конституцій (*constitutiones*) хорватскихъ вѣчъ или соборовъ (*generale congregatio*), становятся главной формой общаго хорватскаго законодательства съ XII и особенно XIII столѣтій. Конституціи обнимаютъ множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ законодательства свѣтскаго и отчасти церковнаго. Многія изъ нихъ имѣютъ форму довольно объемистыхъ уставовъ или сводовъ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и пр. Открытіе и изданіе такихъ конституцій принадлежатъ въ особенности Кукулевичу. Въ Архивѣ южно-славянской исторіи онъ помѣстилъ нѣсколько соборныхъ

конституцій по церковнымъ дѣламъ, относящихся къ XIV—XVI вѣкамъ (Arkiv II. 79 — 90). Особенно интересны конституціи (съ XIII вѣка), помѣщенные въ другомъ сборникѣ Кукулевича — *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Они восполняютъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ исторіи хорватскаго права, содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для объясненія юридическаго быта древнихъ и новыхъ Хорватовъ.

Кромѣ конституцій, издавались по временамъ отдѣльныя законоположенія, въ формѣ грамотъ жалованныхъ, судебныхъ и другихъ.

Грамоты жалованныя давались королями всему хорватскому народу и отдѣльнымъ общинамъ на различныя права и преимущества. Общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же; кромѣ утвержденія старыхъ законовъ и обычаевъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала государственнаго устройства и управленія, касаются напр. выбора судей общинныхъ (городскихъ или сельскихъ, часто присяжныхъ), старшинъ (*majores, villici*) и другихъ должностныхъ лицъ; встрѣчаемъ положенія о податныхъ и другихъ льготахъ; есть статьи, трактующія объ отношеніяхъ права частнаго, въ особенности о наследствѣ (Kukul. Jura I. 31, 39 и т. д.).

Очень важный источникъ для изученія древняго хорватскаго права составляютъ *судныя грамоты (sudovi)*. Они даютъ интересныя указанія на старое судоустройство и на процессуальные порядки. Встрѣчаемъ также данныя по вопросу объ образованіи у Хорватовъ поземельныхъ отношеній, — дѣла по раздѣлу и отчужденію земель составляютъ главное содержаніе *sudovi* (Arkiv. I. 203 — 208).

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о *грамотахъ договорныхъ, уставныхъ* и другихъ официальныхъ актахъ и грамотахъ, дававшихся общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности при пожалованіи земель и въ другихъ случаяхъ. Сюда относятся также *частныя записи и договоры*, сходные съ русскими юридическими актами. Любопытный сборникъ такихъ грамотъ сдѣланъ Кукулевичемъ, въ *Monumenta historica Slavorum meridionalium*, хотя къ сожалѣнію акты, въ большинствѣ отпечатанные глаголицей, не для всѣхъ доступны. Много интересныхъ грамотъ находимъ также въ сборникахъ Миклошича, Пицича, Яна Шафарика и пр.

Перейдемъ теперь къ законодательнымъ памятникамъ отдѣльныхъ земель и общинъ хорватскихъ и далматскихъ.

У Хорватовъ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, жили по своимъ *партикулярнымъ* законамъ и обычаямъ, не только отдѣльныя области, но и часто небольшія общины, пользовавшіяся нѣрѣдко полной политической самостоятельностью. Многіе изъ мѣстныхъ уставовъ и статутовъ доселѣ недоступны для научныхъ изслѣдованій; но и тѣ матеріалы, какіе можно теперь имѣть подъ рукою, даютъ довольно полное понятіе о древнемъ хорватскомъ правѣ.

Къ извѣстнымъ намъ памятникамъ мѣстнаго хорвата-далматскаго законодательства принадлежатъ: *Законы града Загреба*, уставы областей, подчинявшихся съ второй половины XIII вѣка князьямъ изъ фамиліи Франгепановъ (*Законы Винодольскіе, Statutum Segniae* и *Статутъ острова Брка*), *уставы далматскаго Приморья и Полицій Статутъ*.

Основа исчисленныхъ памятниковъ принадлежитъ глубокой древности. Существенныя положенія статутовъ и законовъ коренятся въ одномъ источникѣ — древнихъ хорватскихъ обычаяхъ и законахъ; въ нихъ сохранилось множество институтовъ, бывшихъ когда-то въ обычаяхъ у всѣхъ Славянъ. Чуждыя вліянія болѣе замѣтны въ позднѣйшихъ переработанныхъ уставахъ поморскихъ общинъ и мало встрѣчаются въ уставахъ внутреннихъ областей (Винодола, Полицы и пр.).

Мы слѣдимъ здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о Статутахъ Сеньскомъ, Кркскомъ, также о законахъ Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья. Уставы Винодольскій, Загребскій и Полицкій мы рассмотримъ болѣе подробно въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

1. *Statutum Segniae*. Статутъ града Сенья (Segnia, Segna, Scen, Zengh) принадлежитъ къ одному циклу съ Винодольскими Законами. Градъ Сень, вмѣстѣ съ цѣлымъ Винодолемъ, островомъ Крккомъ и другими мѣстами, поступилъ во второй половинѣ XIII вѣка въ наследственное обладаніе отдѣльныхъ князей Франгепановъ (Frangepan), не переставая подчиняться верховной власти королей венгерскихъ (См. въ сборн. Кукулевича Jura, I. 71, и Arkiv, III. 169 — 171, грамоты короля Белы IV, данныя въ 1260 г. двумъ братьямъ Фридерiku и Варфомою Франгепанамъ съ ихъ потомствомъ на наследственное обладаніе Винодолемъ, Сени и Крккомъ). Подчиняясь однимъ и тѣмъ же князьямъ, Винодолъ и Сень жили по своимъ отдѣльнымъ обычаямъ и законамъ, — не видно, чтобы Винодольскіе Законы, издавныя въ 1288 г., дѣйствовали въ Сени, до изданія въ немъ отдѣльнаго сборника законовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значительнаго вліянія Винодольскихъ Законовъ на Сеньскій Статутъ, представляющій во многихъ положеніяхъ своихъ только дальнѣйшее развитіе институтовъ и началъ винодольскаго права.

Мы имѣемъ мало извѣстій о сеньскомъ правѣ до Статута. Въ Сени, какъ и въ другихъ хорватскихъ общинахъ, дѣйствовали обычай; позже являются и мѣстные законы. Статутъ ссылается на старые законы и обычай, какъ на главный свой источникъ.

Статутъ Сеньскій принадлежитъ 1388 г. Въ этомъ году, по желанію общины, поручено было пяти лицамъ, избраннымъ на вѣчь (congregatio), составить изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Статутъ, который за тѣмъ и утвержденъ народомъ на общей сходкѣ, состоявшей изъ rectoris, consiliiarii et fide digni viri civitatis Segniae (Arkiv, III. 155). Во второй половинѣ XV вѣка прибавлено было къ старому Статуту еще до 40 новыхъ статей. Въ этомъ видѣ и дошелъ до насъ Сеньскій Статутъ, представляющій своихъ двухъ разновременныхъ уставовъ. (См. Arkiv, III. 141 — 170). Въ первой его половинѣ (§§ 1 — 130) собраны старые законы; статьи позднѣйшаго происхожденія изложены во второй половинѣ сборника (§§ 131 — 168).

Явившись спустя столѣтіе послѣ Винодольскихъ Законовъ, Статутъ Сеньскій представляетъ много особенностей, главнымъ образомъ, въ постановленіяхъ, определяющихъ государственное устройство и отношенія между различными классами общества. Въ составъ Сеньскаго Статута различаются слѣдующія группы статей съ однородными узаконеніями:

а) *О привиллегіяхъ nobiles viri*, ст. 1 — 17: о податныхъ льготахъ, правѣ отъѣзда и другихъ преимуществахъ племичей.

б) *Объ общинныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ, officialis communis*, ст. 18—22: о вѣчѣ, consilium (изъ rectoris, nobiles viri et hominis), собиравшемся по вѣчевому колоколу (sonitus comparae) для суда, общественныхъ выборовъ и пр.; объ общинныхъ судьяхъ, приставахъ (naucleri vel pristai) и cancelarii (дьякахъ).

в) *О гражданскомъ правѣ*, ст. 23 — 26: о правахъ на вещи, о порядкѣ продажи племенщины, о выкупѣ по jus proximitalis aut vicinitatis и о давности.

г) *О судахъ и процессѣ*, ст. 27 — 42: о дворскомъ судѣ и officialis curiae (dovognici — тоже, что русскіе дѣтскіе и дворяне, состоявшіе при князьяхъ, или сербскіе дворскіе; rucso, pristavus, nuncius curiae); о вѣчевомъ судѣ, по звону, въ присутствіи судей стоящихъ и сидящихъ и пр.

е) *Объ уголовномъ правѣ*, ст. 43 — 95: о тѣлѣхъ, убійствѣ, ранахъ, личныхъ обидахъ, порчѣ вещей и пр. Система наказаній отличается особенной строгостью: Сеньскому Статуту извѣстны членовредительныя наказанія и повѣшеніе.

ф) *О государственныхъ повинностяхъ и въ заключеніе о преимуществахъ nobiles viri*, ст. 96 — 130.

Добавочныя статьи трактуютъ, главнымъ образомъ, объ общинномъ управленіи — о выборѣ vice-comites, vicarii, судей, приставовъ и т. п.

Простой просмотръ содержанія Сеньскаго Статута показываетъ все сходство и различіе его отъ Винодольскихъ Законовъ. Преобладаніе общинныхъ началъ въ администраціи надъ началомъ личнымъ, присутствіе старыхъ порядковъ (часто даже полнѣ развитыхъ въ сеньскомъ уставѣ, напр. jus proximitalis et vicinitatis) въ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовного и процесса — явленія, въ одинаковой мѣрѣ характеризующія оба устава. Съ другой стороны, Сеньскій Статутъ отличается болѣе системой, обработанностью отдѣльныхъ узаконеній, содержитъ также новыя постановленія, въ особенности по государственному и финансовому праву. Строгая уголовная политика и сословныя привилегіи племичей развились подъ вліяніемъ чуждыхъ источниковъ. Viri nobiles, впрочемъ, не исключительно господствуютъ въ своей общинѣ: въ вѣчѣ участвуютъ на ряду съ ними и простолюдины (homines — кметы Винодольскихъ Законовъ). Сеньскому и винодольскому уставамъ равно не извѣстны люди зависимые. Община обнимаетъ всѣ общественныя классы, безъ исключительнаго господства однихъ и порабоженія другихъ. Высшіе классы не выделяются изъ общины и не преобладаютъ въ ней, какъ это было въ другихъ, особенно приморскихъ, далматскихъ общинахъ, — винодольскіе и сеньскіе племенные люди составляли только главную земскую силу и опору общины.

2. *Статутъ острова Крка* (Krk, Veglium, Veglia, Velia, теперешній Cherso) — сборниковъ законовъ, изданныхъ въ различное время (Arkiv, II. 1852). Самые древніе законы принадлежатъ второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1388 году кркскіе

законы сведены въ одинъ сборникъ, въ который позже вошли также постановленія князей и вѣчевые приговоры. Со времени присоединенія острова къ Венеціи (въ XV столѣтіи), являются уставы венеціанскаго правительства 1483 и другихъ годовъ. Они также внесены были въ сборникъ крскихъ законовъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Статута острова Крка». Онъ представляетъ значительныя отступленія отъ винодольскаго устава. Особенно много измѣненій потерпѣло крское законодательство при венеціанскомъ господствѣ, когда въ Кркѣ введены были нѣкоторые изъ учреждений венеціанскихъ. Публичная жизнь подверглась наибольшимъ вліяніямъ и перемѣнамъ, хотя и здѣсь многое осталось не тронутымъ, напр. устройство вѣча, учрежденіе соковъ, сословныя отношенія и пр.

Такимъ образомъ, по Крскому Статуту, во главѣ управленія стоитъ князь, мѣсто котораго обыкновенно заступалъ княжій намѣстникъ. Власть князя въ Кркѣ получила уже значительный перевѣсъ надъ властью вѣчевой, что показываетъ напр. изданіе Статута по распоряженію одного князя, безъ согласія вѣча. Крское вѣче имѣло различный составъ. Иногда оно состояло изъ князя или его намѣстника, судей, вѣчниковъ и добрыхъ мужей; иногда же вмѣсто вѣчниковъ и мужей присутствуютъ на вѣчѣ князь, судьи и присяжники. Послѣдніе имѣли значеніе политическихъ прокаратуровъ и чешскихъ соковъ; они вѣчали искъ въ качествѣ публичныхъ обвинителей и являлись заступниками вдовъ и сиротъ. Крское вѣче до позднѣйшаго времени не теряло народнаго характера старыхъ славянскихъ сходокъ: на вѣчахъ присутствовали иногда и кметы — свободные простолюдины, допускавшіеся къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, въ противоположность общинамъ далматскаго Приморья, гдѣ преобладаніе племеней рано придадо сходкамъ аристократическій характеръ. Много старыхъ славянскихъ учреждений и порядковъ удержалось также въ сферѣ отношеній строго юридическихъ. Словомъ, не смотря на значительныя внѣшнія вліянія, Крскій Статутъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ памятниковъ, объясняющихъ устройство далматскихъ и хорватскихъ общинъ и содержащихъ много постановленій несомнѣнно славянскаго происхожденія.

3. *Статуты далматскаго Приморья.* Сербы и Хорваты, заявившіе въ VII вѣкѣ Приморье, первоначально зависѣли отъ Византіи. Въ IX столѣтіи Далмація освободилась отъ этой зависимости. Особенно замѣтную роль рано начинаютъ играть свободныя общины Приморья болѣею частью римскаго происхожденія, каковы Дубровникъ, Трогиръ, Сплѣтъ и др. Позже, съ наплывомъ славянскихъ элементовъ, старыя римскія муниципіи получаютъ во многомъ характеръ славянскихъ общинъ, — все Приморье слагается изъ свободныхъ общинъ и жупъ, по началу народонравства управлявшихся народными сходками и старшинами. Они подчиняются чуждымъ вліяніямъ, въ особенности со стороны Венеціи, когда стѣсненіе хорватскихъ королей принудило общины Приморья отдаться въ зависимость Венеціи. Съ XII вѣка — эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ — Приморье тянуло то къ Венгріи, то къ Венеціи, удерживавшей до новѣйшаго времени преобладающее вліяніе на цѣломъ Приморьѣ. Съ кампоформійскаго трактата Далмація съ другими хорватскими землями вошла въ составъ Австріи на общемъ положеніи австрійскихъ провинцій.

Общины далматскаго Приморья, въ особенности римскаго происхожденія, съ

незапамятныхъ временъ жили по своимъ отдѣльнымъ уставамъ и обычаямъ. Выше мы привели указаніе памятниковъ на древніе статуты г. Арбе, составленные еще въ византійскій періодъ (до IX вѣка). Тоже могло быть и въ другихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XII вѣка, какъ показываютъ памятники, далматскіе города обладали уже *старыми законами и статутами*, которые постоянно подтверждались правительствомъ тѣхъ государствъ, отъ которыхъ зависѣли общины. Въ первой четверти XII вѣка утверждены древніе статуты и законы *Травы* (Traguria, 1108 и 1124), *Арбе* (Arbum, 1118), *Спалато* (1124 и позже — 1199, 1207, 1388) и пр. См. Kukul Jura I. 26, 28 и т. д. Особенно XIII и XIV вѣка богаты грамотами, дававшимися отдѣльнымъ общинамъ хорватскимъ и далматскимъ на право жить по своимъ законамъ. Въ Jura Кукулевича помѣщены грамоты всѣхъ важнѣйшихъ общинъ — *Varazd* (1209), *Walkow* (въ Славоніи, 1231), *Verewce* (Verowitica, 1234), *Petrina* (1240), *Samobor* (Zumobor, 1242), *Cris* (Crisio, 1252 — 53), *Krapina* (1347), *Sibenik* (1357, 1358, 1383, 1390), *Kattaro* (1382), *Brachia* (1390), *Pagum* (1396) и др. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ старыхъ уставовъ и законовъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала городского устройства, говорятъ о податныхъ льготахъ, общинныхъ выборахъ въ различныя должности, о правахъ по суду и т. д., — начала, развитыя въ подробностяхъ статутными законами отдѣльныхъ общинъ.

Древнѣйшіе статуты не дошли до нашего времени. Теперь извѣстны только позднѣйшіе сборники законовъ, болѣею частью въ видѣ переработанныхъ статутъ XIII и слѣдующихъ вѣковъ. Одни изъ такихъ сборниковъ обнародованы позже въ печати, другіе составляютъ доселѣ достояніе мѣстныхъ архивовъ или вовсе затеряны, извѣстны по однимъ названіямъ.

Статуты, вошедшіе въ печатные сборники, принадлежатъ слѣдующимъ общинамъ:

а) *Рагосницъ* (Ragonsizza). Ей принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, самый древній сборникъ законовъ, сравнительно съ другими дошедшими до насъ сборниками мѣстныхъ далматскихъ законовъ (кроме Статута 1214 г. острова Корчулы, принадлежащаго къ циклу дубровницкаго законодательства). Статуты Рагосницы собраны въ одну книгу въ 1235 г. Въ печати они изданы въ новое время, — помѣщены въ журн. *Dalmazia* 1845, № 23, подъ заглавіемъ: *Statuti prime leggi in Ragonsizza 1235*.

б) *Сибенику* (Sibenik). Какъ видно изъ изслѣдованій Рейца, древній сборникъ статутъ Сибеника принадлежитъ 1292 г. Другое собраніе законовъ, принадлежащее позднѣйшему времени и сохранившееся до сихъ поръ, отпечатано въ Венеціи, въ 1608 г., подъ заглавіемъ: *Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici*. Законы начинаются съ 1319 г.

в) *Задру* (Zadar, Jadera). Сборникъ законовъ этой общины — *Statuta Jaderitina cum omnibus Reformationibus* (Venet. 1564) — содержитъ въ себѣ статуты 1305 и 1316 г. съ позднѣйшими реформациями.

д) *Браццъ* (Brattia, Brachia, Brazza). Эта община имѣла статуты раньше

1305 г., когда они были переработаны и изданы въ новомъ видѣ. Сборникъ 1305 г. отпечатанъ въ Утинѣ въ 1656 г. Въ томъ же году появились въ печати два сборника старыхъ декретовъ и другихъ законовъ (decreti, terminazioni, privilegi et indulti) Браццы. См. выше — источники хорватско-далматскаго законодательства.

е) *Баттаро* (Catharo). Въ дошедшемъ до насъ сборникѣ, отпечатанномъ въ Венеціи 1616 и 1715 г., статуты начинаются съ 1316 г.

г) *Травъ* (Trobir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Травы, отпечатанный въ Венеціи 1708 г., раздѣляется на три книги: Статутъ 1322, Законы 1420 и Реформаціи 1420 — 1581. Мы уже замѣтили, что Трава имѣла старые статуты еще въ началѣ XII вѣка; дошедшій до насъ сборникъ содержитъ позднѣйшіе статуты и законы, переработанные въ XIV — XVI столѣтіяхъ.

г) *Лезинъ* (Lesina). Статуты принадлежатъ 1331; явились въ печати въ 1643 (въ Венеціи).

h) *Пау* (Pag, Pagum). Древнѣйшіе статуты относятся къ 1396 г. (печатно изданы въ 1637 г., въ Венеціи).

Кромѣ печатныхъ сборниковъ, изданныхъ болѣею частью въ XVI — XVIII вѣкахъ, есть еще много другихъ сборниковъ и отдѣльныхъ статутовъ, доселѣ не обнаруженныхъ въ печати. Извѣстны, напр., древніе статуты: *Баставскій*, *Трсацскій*, *Новлянскій*, *Ирбичскій*, *Вепринацскій*, составленные на старомъ хорватскомъ языкѣ и хранящіеся въ городскихъ архивахъ (См. Arkiv I. 186; Гласникъ IX. 129; Мацѣйовск. Hist. I. 313). Имѣемъ также указанія на существованіе древнихъ законовъ другихъ общинъ — *Алмиссы*, *Новы*, *Арбе*, *Пола* и *Спалато* (См. Рейца Политич. устр. 8). Петеръ, въ своемъ сочиненіи — *Königreich Dalmatien* (IV. 33), упоминаетъ объ извѣстномъ ему сборникѣ древнихъ законовъ Спалато: *Statuta Spalatinae civitatis edita 1322*. Наконецъ законодательство *Дубровника* остается доселѣ мало доступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Кромѣ извѣстныхъ статутовъ *Ластова*, *Корчулы* и *Мальта*, находящихся нынѣ въ печати, да небольшихъ извлеченій изъ старыхъ дубровницкихъ законовъ, помѣщенныхъ въ Споменидахъ Срѣбскихъ Пулича и въ изслѣдованіяхъ Макушева, статуты и законы Дубровника доселѣ хранятся въ городскомъ архивѣ, безъ всякой возможности подвергнуть ихъ критической обработкѣ въ интересахъ научныхъ.

Источники упоминаютъ о слѣдующихъ памятникахъ дубровницкаго законодательства:

- a) *Liber Statutorum civitatis Rhacusii*, 1272.
- b) *Liber omnium Reformationum*, 1335.
- c) *Liber Legum civitatis Rhacusii dictus Viridis*, 1357.
- d) *Liber Croceus*, 1460.
- e) *Capitulare della Dogana grande* (таможенный уставъ). 1272, 1413.

f) Тетраги *вльч* (особенно прегать).

g) *Diversa Cancellariae*.

h) *Diversa Notariae*.

i) *Testamento Notariae*.

к) Писанія, повели, записи и книги — грамоты и акты *дипломатическіе* сношеній, грамоты *судныя*, *жалованныя*, наконецъ *частныя* записи по различнымъ дѣламъ.

Болѣе подробный обзоръ дубровницкихъ памятниковъ мы сдѣлали въ статьѣ — о государственномъ устройствѣ стараго Дубровника (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1867, декабрь).

главной основой устава 1288 г. Мы знаем также, что Хорваты, живя по дѣдовскимъ обычаямъ, уже въ X вѣкѣ имѣли книгу или сборникъ общихъ законовъ. Смуты слѣдующаго вѣка могли уничтожить непосредственное дѣйствіе устава; но самыя юридическія правила, развитыя старымъ уставомъ, могли долго удерживаться въ народномъ сознаніи, могли имѣть силу обычаевъ и такимъ образомъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ источниковъ позднѣйшихъ уставовъ, издававшихся въ отдѣльныхъ хорватскихъ земляхъ. Вѣчевыя рѣшенія можно также считать не мало важнымъ источникомъ мѣстныхъ хорватскихъ законовъ. Кромѣ общихъ хорватскихъ соборовъ, законодательная власть усвоилась у Хорватовъ также мѣстнымъ сходкамъ (купамъ, вичамъ) отдѣльныхъ земель и общинъ. Если право издавать законы принадлежало винодольскому купу въ концѣ XIII вѣка, то очевидно тоже право, даже въ большихъ объемахъ, могло существовать гораздо раньше, когда области и общины пользовались почти полной политической самостоятельностью. Винодольскіе Законы упоминаютъ, кромѣ того, о вѣчахъ общинныхъ по отдѣльнымъ городамъ и «инди». На такихъ вѣчахъ получали начало законы градовъ, на которые не рѣдко ссылается винодольскій уставъ (напр. въ § 76 и др.). Эти-то обычаи и законы винодольскихъ общинъ въ концѣ XIII вѣка собраны были въ одинъ уставъ, получили значеніе общихъ законовъ винодольскаго «кнежства».

Переходя къ болѣе подробному обзорѣ Винодольскихъ Законовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ исторіи составленія памятника и рассмотримъ его систему и содержаніе.

А. *Исторія составленія и система Винодольскихъ Законовъ.* Законы Винодольскіе открыты въ Новомъ и изданы А. Мужуравичемъ въ загребскомъ журналѣ «Kolo, clanci za literaturu, umetnost i narodni zivot» (III. 1843), откуда перепечатаны Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ (№ 4, 1846). Кромѣ списка Мужуравича, теперь извѣстенъ другой, болѣе исправный списокъ Винодольскихъ Законовъ, открытый въ недавнее время на островѣ Cherso (старомъ Кркѣ. См. Knjizevnik 1865. Roen IV. 571).

Мажуравичъ, руководясь неяснымъ указаніемъ открытаго имъ списка, относитъ изданіе Винодольскихъ Законовъ къ 1280 г. Мацѣйовскій, знакомый съ вновь найденнымъ спискомъ памятника, полагаетъ изданіе его между 1280 и 1288 г. (Hist. I. 313). Ближайшее знакомство съ памятникомъ по новому списку не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 1288 г. былъ дѣйствительно временемъ изданія Винодольскихъ Законовъ.

Введеніе къ памятнику знакомитъ насъ съ самымъ порядкомъ его составленія. Винодольскіе Законы представляютъ актъ одновременной законодательной дѣятельности народной сходки, купа или скупа. Люди винодольскіе, какъ говорится въ введеніи, желая старыя свои законы «сохранити на пуни», составили въ 1288 г. въ Новомъ Градѣ купъ изъ церковниковъ и людей мірскихъ, для «здраваго света» о составленіи и списаніи винодольскихъ законовъ. Въ присутствіи князя, сходка для того выбрала, въ качествѣ представителей девяти главныхъ градовъ винодольскихъ, до 40 старѣйшихъ (старѣйшихъ), наиболее свѣдущихъ въ мѣстныхъ законахъ. Къ выборнымъ старшинамъ принадлежали: дворянъ, 9 сатниковъ (по одному

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

Исторія составленія Винодольскихъ Законовъ. Общій характеръ ихъ по системѣ и содержанію. I. Государственное устройство по винодольскому уставу: значеніе общинъ и сословій — князей дружины и людей обнинскихъ (племенитыхъ людей и кметей); основныя начала устройства винодольскихъ общинъ; общинныя учрежденія — купъ и вича обнинскія, сатники, граштики и бусовиты; князь и княжіе люди — дворникъ, подвѣжнѣ и слуги; судоустройство — правда княжал и кметская, епископскій судъ; исполнительныя учрежденія — приставы и пр. II. Гражданское право: значеніе семьи и братчины (ближниковъ, племена, рода); вещное и наследственное право; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступленій и наказаній; понятіе вѣнченія; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ: поклетка, доказательства (признаніе, акты, свидѣтели простые и поротники, присяга, лицо и улики) и приговоръ.

Винодолъ, подъ собственнымъ именемъ, является въ исторіи съ XII вѣка. Впрочемъ, еще при Порфирородномъ, къ числу 14 хорватскихъ жупъ принадлежала отдѣльная жупа Vrebeга — позднѣйшій Брибиръ, который во время изданія Винодольскихъ Законовъ составлялъ одну изъ винодольскихъ общинъ. Занимая приморскую часть хорватской земли отъ теперешняго города Fiume до Novi, Винодолъ слагался изъ небольшихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой градъ и управлялась автономически, по примѣру псковскихъ и новгородскихъ общинъ. Сюда относились: Нови Градъ, Леденице, Брибиръ, Грпжане, Дривеникъ, Хрелинь (Хрилинь), Бакаръ, Трьсать, Гробникъ, Бѣлградъ и Которъ. Въ началѣ XII вѣка Винодолъ, вмѣстѣ съ другими хорватскими землями, подчинился королямъ венгерскимъ. Въ 1185 г., при распредѣленіи епископскихъ округовъ (parochiae), Винодолъ съ Новымъ Градомъ отчисленъ къ округу епископа Корбавскаго (Juga I. 33). Со второй половины слѣдующаго столѣтія Винодолъ, какъ мы видѣли, поступилъ въ наследственное владѣніе князей Франгепановъ.

До послѣдней четверти XIII вѣка Винодолъ не имѣлъ отдѣльнаго устава, жилъ по «законамъ своихъ отацъ и дедъ и всихъ прѣвыхъ». Законъ у всѣхъ южныхъ Славянъ означалъ обычай; у теперешнихъ Сербовъ и Албанцевъ доселѣ удерживается значеніе закона въ смыслѣ обычая (См. Вука Стеф. Караджича Рѣчникъ и Миклошича — Lexicon palacosloven. — graeco-latinum, Vindobonae, 1862 — 65, sub voce «законъ»). Такіе обычаи, «старе изкушене законе винодольске», послужили

отъ града), 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, провады и попы) и 15 мирскихъ лицъ. Каждый градъ имѣлъ 3 — 6 представителей. Имъ поручено было собрать законы всехъ винодолскихъ общинъ и списать ихъ въ одну книгу. Законы, составленные выборными «по волѣ оптинске и единымъ пристаненемъ и нареенемъ», утверждены купомъ цѣлаго Винодола. Положено было составить отдѣльные списки для каждого винодолскаго града.

Мажураничъ раздѣлилъ весь уставъ на 76 статей. При видимомъ отсутствіи правильной системы въ распредѣленіи статей, можно однакожъ различить въ уставѣ три большія группы постановленій. Въ каждой сведены статьи о предметахъ однородныхъ. Между такими группами, какъ и въ Русской Правдѣ, распредѣлены статьи, по своему содержанію не подходящія ни къ одной изъ трехъ большихъ группъ. Эти группы слѣдующія:

а) *Законы церковные*, ст. 1—5. Нужно замѣтить, что сборники средневѣковыхъ Славянъ по большей части представляютъ своды законовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Таковъ Законникъ Душановъ, отчасти Полицкій Статутъ и другіе памятники. Тоже самое видимъ и въ Винодолскихъ Законахъ: статьи, трактующія о церковныхъ дѣлахъ, обнимаютъ почти седьмую часть устава. Въ первыхъ пяти статьяхъ излагаются правила о порядкѣ взиманія и количествѣ судебныхъ и иныхъ пошлинъ и поборовъ въ пользу епископа съ церковей, монастырей, поповъ и мирскихъ людей. Сюда же относятся пять статей изъ слѣдующихъ группъ: о служебныхъ обязанностяхъ церковниковъ, о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ и людяхъ и о тѣхъ церковнаго имущества (ст. 15 — 17, 36, 58).

б) *Законы уголовные*, ст. 6—37: о разбоѣ, убійствѣ, насиліяхъ и наездахъ, членовреденіяхъ и личныхъ обидахъ, зажигательствѣ, тѣхъ и портѣ вещей. Подобно Русской Правдѣ, уголовные законы излагаются большею частію вмѣстѣ съ процессуальными постановленіями. Сюда же относятся четыре статьи изъ третьей группы: объ изнасилованіи, отравленіи, зажигательствѣ и измѣнѣ (56, 59, 62, 72).

в) *Законы по судопроизводству*, ст. 38 — 76: вообще объ искѣ, доказательствѣхъ и пр.

Статьи смѣшаннаго содержанія заключаютъ постановленія о наслѣдствѣ, братчинѣ, вѣчахъ и пр. (13, 14, 32 — 34, 55, 57, 58).

Винодолскіе Законы представляютъ сводъ постановленій, относящихся главнымъ образомъ къ уголовному праву и процессу. Ихъ можно назвать уставомъ *судебно-административнымъ*, служившимъ для руководства судей и правителей. Въ этомъ случаѣ Винодолскіе Законы вполне сходны съ Русской Правдой и другими памятниками. Въ нихъ все содержаніе возводится къ суду и администраціи; что не имѣло ближайшей связи съ судомъ, то по большей части держалось въ однихъ обычаяхъ.

Есть и другое сходство Винодолскихъ Законовъ съ Русскою Правдою. Оба памятника имѣли матеріальной своей задачей — опредѣлить пошлины и поборы, въ особенности съ суда, въ пользу князя и княжихъ людей, по Винодолскимъ Законамъ также въ пользу общины или ея старшинъ.

В. *Обозрѣніе содержанія Винодолскихъ Законовъ*. Они относятся по своему содержанію къ драгоценнымъ памятникамъ славянской старины. Исследователь найдетъ въ нихъ обстоятельную картину юридическаго быта старыхъ Хорватовъ, — картину, въ которой воспроизведенъ народный бытъ той исторической эпохи, когда народъ не успѣлъ еще усвоить себѣ болѣе развитыхъ формъ жизни, дробился на атомистическія части, продолжавшія изстаринную дробную жизнь мелкими союзами — общинами и жупами. Мы изложимъ государственное устройство, гражданское, уголовное право и процессъ, на сколько касается этихъ предметовъ винодолскій уставъ.

І. *Государственное устройство*. Въ Винодолскихъ Законахъ мы изучаемъ бытъ старыхъ славянскихъ жупъ, названныхъ въ Законахъ *обкинами*, *оптинами*. Винодолскія жупы уже потеряли крайности бытовой розни старыхъ славянскихъ жупъ: обтины сводятся къ болѣе полному единству, въ формѣ большой общины, носящей названіе *кнежства* или *оптины винодолской*. Каждая община имѣла свой градъ съ тянувшими къ нему селами. Общины — союзы съ характеромъ автономическимъ. Винодолскіе Законы и не заботятся о поддержаніи автономіи общинъ; она еще крѣпко держится въ обычаяхъ. Кромѣ законодательной власти, отправляемой народною сходкою, община имѣла огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла; общинные органы дѣйствуютъ совмѣстно и на ряду съ княземъ (ст. 14, 16, 17 и проч.); иногда община обходится и вовсе безъ князя, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ общины, напр. въ случаѣ споровъ между «обкинскими» людьми (31, 37, 48). Въ такихъ случаяхъ признавалось въ полной силѣ начало общиннаго самоуправления, — по внутреннимъ дѣламъ общинъ ихъ органы являлись главными дѣятелями, безъ прямаго вмѣшательства князей. Въ пользу общины идутъ судныя пошлины съ общинныхъ людей, часто безъ всякаго участія въ нихъ со стороны князя. Вообще говоря, внутреннія основы жизни винодолскихъ общинъ коренятся въ старомъ славянскомъ общинномъ бытѣ. Система круговой поруки (кличъ — помогайте!) развита Винодолскими Законами весьма подробно, какъ изстаринный народный обычай. Полная солидарность между отдѣльными членами общинъ указываетъ на всю внутреннюю крѣпость связей и отношеній, изъ какихъ слагался внутренний бытъ винодолскихъ общинъ (о круговой поруцѣ см. статьи 7 — 9, 23, 24, 29, 31, 50, 62).

Въ составъ винодолскихъ общинъ входятъ *люди обкинскіе* — *кмети*, *орачи* (тоже, что ратаи Русской Правды, старыхъ сербскихъ и польскихъ памятниковъ, — см. Гласникъ XV. 98; Miklos. Mon. 123; Helcel Pomniki, 289) и *пастыри*; къ обкинскимъ людямъ относятся также *племенитые люди*, *попы*, вообще *люди мирскіе* и *церковники*. Винодолскіе Законы не устанавливаютъ между ними рѣзкихъ различій съ сословнымъ характеромъ: «закону кметскому» подлежали одинаково всѣ, кто не причислялся къ княжескому двору.

Въ Винодолскихъ Законахъ фигурируютъ только два общественные разряда, съ болѣе замѣтнымъ сословнымъ характеромъ: *княжая дружина* (обитель) и *люди обкинскіе* (5, 17, 25, 36, 66). Княжѣ люди, служавники, пользовались иными гарантиями, люди обкинскіе иными. Различные порядки наблюдались напр. при

убійствъ, личныхъ обидахъ, татбъ и другихъ преступленійхъ, направленныхъ противъ книжнихъ людей и кметовъ, людей общинныхъ (29 — 31, 35, 36, 50 и пр.); но не дѣлалось особенныхъ различій между людьми племенными, кметями и другими разрядами. Между послѣдними еще въ полной мѣрѣ господствуетъ идея общиннаго равенства, безъ рѣзкихъ сословныхъ разграниченій.

Племенные люди, подобно кметямъ, составляли собственно фактическій разрядъ, имѣли въ своихъ общинахъ положеніе высшаго класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами предъ другими общинными людьми. Племенные люди упоминаются только въ трехъ мѣстахъ (5, 54, 75). Не видно, чтобы съ званіемъ племенныхъ людей соединялись какія либо исключительныя привилегіи; одно вступленіе въ княжіе люди давало племенчу болѣе льготное положеніе въ общинѣ.

Преобладаніе идеи общинной свободы и равенства высказывается по Винодольскимъ Законамъ и въ другомъ отношеніи. Имъ вовсе не извѣстно рабство: о челяди, въ смыслѣ рабовъ или зависимыхъ людей, нѣтъ ни слова въ Винодольскихъ Законахъ. Кметы составляли классъ вполне свободныхъ людей, — законъ положительно запрещалъ имъ, не только отдаваться въ частную зависимость, но даже вступать подъ обыкновенное покровительство монастыря или частныхъ лицъ (положить се за обарительника. ст. 17). Кметы — общее названіе городскихъ и сельскихъ жителей (орачей и пастырей). Замѣчательно, что въ уставѣ нѣтъ и намека на горожанъ, какъ отдѣльное сословіе: между жителями градовъ и *орачами* и *пастырями*, жившими «ванн из града» (66), не было никакихъ сословныхъ различій. Подъ общимъ названіемъ кметей, они подлежали одному и тому же кметскому закону, вообще пользовались правами обкинскихъ людей.

Внутреннее управленіе и устройство винодольской общины основывается на двойственности учреждений, изъ которыхъ слагалась винодольская *господа*. Все управленіе цѣлаго Винодола и отдѣльныхъ общинъ построилось на двухъ различныхъ началахъ: *началь общиннаго народоправства*, проявлявшагося въ учрежденіи народныхъ сходокъ и народныхъ старшинъ, и на *началь личномъ*, представителемъ котораго былъ князь и княжіе люди.

Винодольскій *купъ* (вкупъ) — общая народная сходка всѣхъ винодольскихъ общинъ (вспомнимъ литовскія купы или копы — учрежденія, вполне однородныя съ винодольскимъ купомъ). Купъ, на который сходились «винодольскіе люди» (народъ) изъ всѣхъ общинъ, имѣлъ значеніе, не только законодательнаго собранія, но и мѣста общиннаго суда, какъ это видно изъ 69-й статьи, говорящей о купѣ въ значеніи судебной сходки. Сходки мѣстныя, по городамъ и «пинди», назывались просто *вѣчами* (вече). Рѣшенія такихъ вѣчъ, обыкновенно собиравшихся по дѣламъ, «ке би пристояде к обтнини», не имѣли никакой силы, если на нихъ не присутствовалъ «кнезовъ человекъ» (57). Дальнѣйшихъ деталей по устройству сходокъ Винодольскіе Законы не касаются. Впрочемъ, введеніе къ уставу знакомить насъ съ составомъ, если не полного купа винодольскаго, то по крайней мѣрѣ его части, которой было поручено собраніе законовъ и составленіе винодольскаго устава. Сходка такая составила по выборному началу: въ ея составъ вошли

старѣйшины, какъ представители отдѣльныхъ винодольскихъ общинъ. Въ устройствѣ винодольскаго купа, какъ и вообще сходокъ у другихъ Славянъ, не имѣло мѣста начало народнаго представительства въ современномъ значеніи этого слова. Всѣ источники говорятъ, что старыя сходки Славянъ основывались на непосредственномъ участіи въ нихъ всѣхъ членовъ общинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участіе такое имѣло даже обязательный характеръ, если не для всего народа, то для его старшинъ, какъ это было напр. въ Полицѣ, въ которой кнези или катунары (сельскіе старшины) должны были всегда являться на общіе сборы и вѣча Полицы (см. ниже). Можетъ быть, на томъ же началѣ устроился и винодольскій купъ, по всему видно державшійся строго изстаринныхъ славянскихъ обычаевъ и порядковъ.

Народные старшины (старѣйшины) составляли другой органъ народоправства винодольскихъ общинъ. Винодольскіе Законы не ясно говорятъ, какія именно должностныя лица нужно относить къ разряду старшинъ. Изъ отдѣльныхъ статей устава можно впрочемъ съ достовѣрностью заключать, что значеніе народныхъ старшинъ имѣли, главнымъ образомъ, *сатники*, *граштики* и *бусовиты*. Они въ одинаковой мѣрѣ противопоставляются службникамъ и княжимъ людямъ, какъ учрежденія, отличавшіяся отъ нихъ въ особенности тѣмъ, что подлежали «закону и правдѣ кметской», а не правдѣ службниковъ, т. е. не относились къ должностнымъ лицамъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ князя (ст. 25). Въ особенности о сатникахъ можно несомнѣнно говорить, какъ о старшинахъ общинъ: въ такомъ именно значеніи они участвовали на законодательномъ купѣ 1288 г. Эти три должности упоминаются въ уставѣ болѣею частію вмѣстѣ (напр. въ ст. 25 и 26), изъ чего естественно заключать, что они разсматривались, какъ учрежденія однородныя. Видно также, что должности сатника, граштика и бусовита отправлялись временно, въ теченіи положенныхъ сроковъ, — уставъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ «изшастю их из офіція» (26). Труднѣе рѣшить вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ этими должностями, такъ какъ Винодольскіе Законы даютъ въ этомъ случаѣ очень мало объясненій.

Сатники, какъ и граштики, доселѣ удерживаются въ винодольскихъ городахъ, въ значеніи обыкновенныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ древнее время сатники несомнѣнно занимали совсѣмъ иное положеніе въ общинной администраціи. Изъ введенія къ Винодольскимъ Законамъ ясно видно, что сатники въ то время значили гораздо болѣе, чѣмъ простые полицейскіе чиновники. Они участвовали въ законодательномъ купѣ, какъ первые и главные общинные представители, — въ ряду выборныхъ, перечисленныхъ поименно, они поставлены выше судей, а извѣстно, какъ высоко цѣнилась должность судей у всѣхъ Славянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ старое время сатники (сѣтники) встрѣчались у большинства славянскихъ племенъ, въ особенности южныхъ, и при томъ всегда въ числѣ главныхъ народныхъ старшинъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 69. III, 180; Крстича Разсматриваніе о старымъ сръб. правамъ, въ Гласникѣ IX. 124). Высокое положеніе сатниковъ у южныхъ Славянъ видно изъ одной грамоты 1254 г., данной жупаномъ Холмскимъ Радославомъ Дубровнику: въ числѣ властей холмскихъ, присутствовавшихъ при составленіи грамоты, упоминается Воиславъ Радосевичъ, сѣтникъ имотскій, который «кметъ се за все лудие Радославе» (Miklos. Mon. 45). Въ сказаніи Діоклейскаго

Пресвитера XII вѣка встрѣчаемъ интересное указаніе на бановъ, князей и сатниковъ, какъ на должности, существовавшія въ отдѣльныхъ жупахъ: «satnike bise nad stotinu (сотней) ljudi da budu receni satnici s bani puku (народъ) suditi» (Arkiv za pov. jugost I. 20). Здѣсь сатникъ является старшиной надъ сотней (учрежденіе, извѣстное и древнему русскому праву). Есть впрочемъ основаніе ставить сатниковъ (по крайней мѣрѣ винодольскихъ) въ параллель съ нашими старшинами *посадниками*, въ особенности псковскими и новгородскими. Кромѣ замѣчательнаго сходства въ самыхъ названіяхъ (сатникъ = посадникъ), винодольскіе сатники и русскіе посадники сходны между собой и въ томъ отношеніи, что въ ряду общинныхъ должностей они играли въ равной мѣрѣ первенствующія роли: Винодольскіе Законы вовсе не упоминаютъ о другихъ народныхъ старшинахъ, которые бы стояли выше сатниковъ.

Значеніе *грашниковъ* и *бусовитовъ* неизвѣстно. Изъ приведенныхъ выше указаній можно только заключать, что они, подобно сатникамъ, зависѣли не отъ князя, но отъ общины, принадлежали къ числу общинныхъ должностей.

Таковы общинныя учрежденія Винодола конца XII вѣка. Не смотря на всю скудость данныхъ, объясняющихъ ихъ устройство, нельзя не замѣтить большаго сходства и сродства между ними и общинными учрежденіями старыхъ русскихъ уставовъ (Псковской судной грамоты въ особенности): внутреннее устройство винодольской общины во многомъ напоминаетъ старый Новгородъ и Псковъ, съ ихъ развитой системой народоправства, съ ихъ вѣчами, посадниками и другими народными старшинами.

Не меньше сходства найдемъ также въ положеніи *князя* и *княжескихъ людей* въ Винодолѣ и нашихъ сѣверныхъ общинахъ (Новгородъ и Псковъ). Хотя винодольскій уставъ далеко не исчерпываетъ этого вопроса, но и того, что въ немъ говорится о князѣ, достаточно для уясненія его отношеній къ общинѣ винодольской.

Кнезь винодольскій — не столько государь, сколько старшина, въ лицѣ своемъ объединявшій отдѣльныя общины. Онъ на каждомъ шагѣ сталкивается съ силой общины, съ ея сходкой и старшинами. Князь присутствуетъ на купѣ; но главная роль принадлежитъ здѣсь цѣлой общинѣ, людямъ винодольскимъ. Главную дѣятельность винодольскаго князя составляли разъѣзды по общинамъ, для производства суда, въ особенности по преступленіямъ (напр. разбою и пр.), имѣвшимъ мѣсто главнымъ образомъ между членами различныхъ общинъ (См. ниже). Вообще винодольскіе князья на дѣлѣ сходны съ князьями новгородскими, полицкими или дубровницкими. Вліяніе князя на главнѣйшія общинныя дѣла весьма слабо; преобладаніе до значительной степени остается за общиной, народомъ. Но въ положеніи винодольскихъ князей есть одна сторона, съ которой они существенно разнятся отъ народныхъ князей: въ Винодолѣ князь выдѣлялся изъ ряда другихъ общинныхъ учреждений, какъ отдѣльная власть, пользовавшаяся по крайней мѣрѣ *de jure* самостоятельнымъ положеніемъ. Франгепаны получили въ 1260 г. наследственную власть на Винодолъ, съ правомъ «tenendi et possidendi», какъ прежде владѣли Винодоломъ короли Венгерскіе. Въ случаѣ смерти какого либо князя безъ прямыхъ наследниковъ,

право владѣнія Винодоломъ переходить къ другимъ родственникамъ изъ фамиліи франгепановъ (Juga. I. 71). *Jus perennis* винодольскихъ князей составляетъ капитальное различіе ихъ отъ выборныхъ князей новгородскихъ и другихъ, вполне зависѣвшихъ отъ своихъ общинъ.

Княжескіе люди, служабники, находились въ непосредственной зависимости отъ князя. Изъ нихъ составлялся *кнежа дворъ* (или просто дворъ), *обитель* — дружина, всегда сопутствующая князю въ его разъѣздахъ по общинамъ. Винодольскіе Законы говорятъ о дворникѣ, слугахъ и другихъ княжескихъ людяхъ, не опредѣляя точно и подробно ихъ служебныхъ правъ и обязанностей.

Значеніе *дворника*, называющагося «дворникомъ всего Винодола», видно изъ самаго названія. Дворникъ соответствуетъ палатину (palatinus), означаетъ главу княжескаго двора. Винодольскій дворникъ равнозначителенъ съ dvornik'омъ сеньскимъ, двордръжицею, дворскимъ приставомъ или просто дворскимъ сербскихъ памятниковъ (Miklos. Mon. 178, 189, 202 и пр.).

Княжескіе люди, входившіе въ составъ двора, носили общее названіе *служабниковъ*, *слугъ*, *дворскихъ официаловъ* или просто *княжескихъ людей*. Они состояли при дворѣ, для личныхъ услугъ князю, для исполненія его порученій по суду и пр. Такое же значеніе имѣютъ *перманы*, которыхъ можно сравнивать напр. съ княжими отроками и дѣтскими Русской Правды.

Изъ княжескихъ людей избирались княземъ также *подкнежисины* — княжескіе наместники въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ это видно изъ позднѣйшихъ винодольскихъ грамотъ (См. Винод. Зак. въ Чтеніяхъ, стр. 40). Къ нимъ то нужно отнести требованіе Винодольскихъ Законовъ, чтобы на общинскомъ вѣчѣ всегда присутствовалъ княжій человекъ, въ значеніи представителя князя, блюстителя его интересовъ.

Двойственность администраціи общинной и княжеской представляетъ полнѣйшую аналогію съ такимъ же явленіемъ въ устройствѣ нашихъ свободныхъ общинъ. И у насъ, и въ Винодолѣ, община и ея непосредственные органы, вѣча и старшины, заслоняли собой значеніе князя и княжескихъ людей; но при всемъ томъ князь являлся уже отдѣльной властью, въ Винодолѣ даже наследственной, конкурировавшей съ властью общины. Винодольскій князь стоитъ выше народныхъ князей старыхъ Славянъ; въ немъ высказывается, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, глава государства, позднѣйшій русскій князь, смѣнившійся московскимъ царемъ.

Слѣды подобной же двойственности началъ замѣчаются въ *судостроительствѣ*. Винодольскіе Законы строго различаютъ «правду» кметскую (общинную) отъ правды дворской (княжеской), принимая вообще за правило, что одни винодольскіе люди судятся правдою и закономъ кметскимъ, другіе закономъ служабниковъ. Винодольскій уставъ признаетъ двѣ главныя формы суда: судъ или *правду княжескую* и правду общинную или *кметскую*, допуская епископскій судъ въ значеніи особаго при суда (для дѣлъ церковныхъ).

Винодольскіе Законы очень часто говорятъ о *судебной власти князя*. Указанія на нее даетъ напр. 30-я статья (остани ва осуду оном, в ком га кнез жоме

осудити) и др. Дворъ — главное мѣсто княжого суда. Судебныя дѣла (пра, тужба), требовавшія разбирательства князя, производились «предъ дворомъ», въ княжей палатѣ, «на полани» (вспомнимъ сѣни у князя — мѣсто княжого суда по Псков. судп. грам.), или въ другомъ мѣстѣ, особенно во время княжихъ разъѣздовъ по общинамъ (ст. 9, 22, 23, 47, 60 и пр.). Суду князя подлежали прежде всего служанники, люди княжие, бывшіе въ непосредственной зависимости отъ князя. Князю принадлежало право мести (матене) за убійство и обиды, наносимыя княжимъ людямъ; онъ вообще былъ непосредственнымъ ихъ судьей (ст. 29, 30, 35). Князю подсудны были также особенно важныя преступленія — измѣна, поджегъ, разбой и пр., по которымъ съ известными ограниченіями подлежали княжему суду люди племенные, церковники, кметы и иные винодолскіе люди (ст. 6, 7, 9, 12, 56, 62, 70, 76). Ограниченіе княжого суда высказывалось, главнымъ образомъ, въ различіи подсудности преступленій, смотря по мѣсту ихъ совершенія. За татьбу или зажигательство хлѣба въ полѣ, вообще за преступленія *въ града* или общины, пени всегда назначались въ пользу князя, т. е. другими словами, по такимъ преступленіямъ князь являлся главнымъ компетентнымъ судьей (ст. 8, 11); но тѣ же самыя преступленія, учиненныя въ градѣ, подлежали суду общинныхъ органовъ (14, 31, 37). Винодолскими Законами вполне известны основныя начала древняго славянскаго суда, — начала, въ силу которыхъ общины, по внутреннимъ своимъ дѣламъ, пользовались правомъ самосуда, предоставляя князьямъ судебную дѣятельность во внѣшнихъ отношеніяхъ общинъ, въ особенности при всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ между членами различныхъ общинъ (когда настояла надобность въ посредничествѣ равно обязательной для всѣхъ власти князя). Судебное посредничество князя могло имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда судъ общины оказывался неудовлетворительнымъ. Судъ князя получалъ тогда значеніе высшей апелляціонной инстанціи (какъ увидимъ, такое значеніе и дается ему въ уставѣ загребскомъ). — Княжій судъ производился, не только лично самымъ княземъ, но и людьми княжими, по «заповиди» князя (40, 61).

Судъ общинный, какъ ясно видно изъ Винодолскихъ Законовъ, былъ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Указаніе на него даютъ статьи, говорящія о судѣ «предъ дворомъ и инди (38, 51), о судебномъ купѣ (69), также о пеняхъ исключительно въ пользу общины (14, 31, 37, 48, 58). Главными органами правды кметской были купы. Для суда они собирались на «месту обычайномъ», въ особенности гдѣ обыкновенно производилась рота (присяга) по дѣламъ судебнымъ. На судебныхъ купкахъ, какъ и на всякихъ «обтинскихъ вѣчахъ», всегда присутствовалъ дворскій человекъ (69. Ср. 57). Для суда въ общинахъ назначались въ особенности судцы (судаць), бывшіе въ числѣ общинныхъ выборныхъ на законодательномъ вѣчѣ 1288 г. (отъ града Хрилина — Живина судац, изъ Църсата — Домпник судац). Сатники также упоминаются въ числѣ учреждений, имѣвшихъ участіе въ общинной администраціи и судѣ (61).

Наконецъ, намъ кажется, Винодолскіе Законы даютъ указаніе на присяжныхъ судей — «ротниковъ», производившихъ судъ предъ дворомъ, а можетъ быть, и на судебныхъ сходкахъ, какъ это было въ Дубровникѣ издавна. Дѣло въ томъ, что въ Винодолѣ позовники, т. е. лица, специально производившія позовъ, раздѣлялись

на простыхъ и присяжныхъ (65, 73): первые позывали предъ обыкновенныхъ судей, вторые — предъ присяжныхъ. Объ этихъ-то нослѣднихъ и говоритъ ст. 63: «И оште позовници имаю бити ротени и такое кмети имаю се позивати од всакога пред двором пред ротника». Впрочемъ, зная испорченность списка устава (по изданію Мажуранича), мы не можемъ считать своего положенія несомнѣнно вѣрнымъ. Очень можетъ быть, выраженіе «пред ротника» принадлежитъ къ числу испорченныхъ мѣстъ устава. Измѣнивъ это выраженіе въ другое, именно «през ротника» (черезъ ротника), мы дадимъ приведенной статьѣ иной смыслъ, далекій отъ указаній на присяжныхъ судей. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что Мацѣйовскій, въ переводѣ своемъ Винодолскихъ Законовъ (Hist. VI. 340), говори, что «kmetcie wzywaja sie na dwór przed przysieznika», совершенно произвольно объясняетъ значеніе послѣдняго, какъ урядника, «któgu przysięgami kieruje». Ни въ Винодолѣ, ни у другихъ Славянъ, сколько намъ извѣстно, никогда не было отдѣльныхъ чиновниковъ, специально назначавшихся для завѣдыванія присягами — дѣла, производившагося обыкновенными исполнительными лицами, напр. приставами, дѣтскими (по Русской Правдѣ) и пр. Ротниковъ, упоминающихся въ 73 статьѣ Винодолскихъ Законовъ, можно объяснять въ двоякомъ смыслѣ: какъ присяжныхъ судей и какъ «ротенихъ» позовниковъ. Мы больше склоняемся въ пользу перваго объясненія. Общій строй винодолскихъ градовъ, удерживавшихъ всѣ существенныя принадлежности старославянской общинной жизни, вполне допускалъ существованіе въ Винодолѣ суда присяжныхъ — института глубокой старины, когда-то составлявшего общую принадлежность всѣхъ Славянъ и очень долго удерживавшагося у большинства южныхъ племенъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ.

О епископскомъ судѣ упоминается только мимоходомъ (ст. 3). Ему подлежать «попы и жакни» (діаконы), — ихъ *дуи* или *зирешене* (собственно церковныя преступленія) судятся епископомъ, имѣющимъ право на взиманіе съ нихъ судебныхъ пеней (осуд). Нужно замѣтить, что въ Винодолѣ духовенство не такъ рѣзко отдѣлялось отъ другихъ общественныхъ разрядовъ, какъ это было напр. у Сербовъ и другихъ Славянъ. Церковники допускались къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, могли являться на народныя сходки, подлежали общественнымъ повинностямъ, напр. обязаны были отправлять сторожевую повинность (15) и пр. Съ другой стороны, община и князь значительно ограничивали церковную юрисдикцію. По Винодолскимъ Законамъ, безъ воли общины и князя «ни един жакан не море приети стихреди кнежтва» (должности священника); за нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей (т. е. если не служить ежедневно «машу и свете други офицій»), попъ подлежитъ пени въ пользу общины и князя (о епископѣ нѣтъ ни слова), да и вообще люди церковные подлежатъ «правдѣ» князя, наравнѣ съ людьми племенитыми, кметями и другими винодолскими людьми (См. 16, 58, 75).

Къ исполнительнымъ должностямъ по суду и администраціи относились: приставы, перманы, слуги, послы, арсалы (послы отъ двора) и позовники. Подобно отрокамъ, дѣтскимъ и другимъ сходнымъ учрежденіямъ Русской Правды, они состояли при князѣ и другихъ должностныхъ лицахъ, для исполненія различныхъ судебныхъ дѣйствій и другихъ порученій (5, 19, 30, 48 — 51, 53, 65 и пр.).

Винодолскими Законами извѣстно наконецъ учрежденіе, сходное съ чешскими

соками и ябедниками Правды. Имъ дается характеръ судебный и вѣсть фискаль-
ный. Соки не только разыскивали пропажу и преслѣдовали частныя преступленія,
въ качествѣ публичныхъ обвинителей, но и открывали злоупотребленія по службѣ,
въ особенности тамъ, гдѣ дѣла касались княжихъ доходовъ и имущества. За «ос-
таченъе» они получали особенную плату (цину или ликуф), но съ тѣмъ, чтобы
остаченъе было доказано; иначе клеветнику грозитъ та же пеня, которой подвергся-
бы обвиненный при дѣйствительности поклепа (45, 46, 60).

II. *Гражданское право.* Винодольскіе Законы даютъ нѣсколько очень интерес-
ныхъ указаній на отношенія семейныя, имущественныя, наследственныя, также на
обязательства. Вездѣ мы найдемъ учрежденія и порядки глубокой древности, по
многому объясняющіе юридическій бытъ Славянъ. Мы приведемъ главнѣйшія изъ
такихъ указаній.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе, ясно представляющееся
въ Винодольскихъ Законахъ между простой *семьей* и *семейной общиной*, сходной съ
сербской задругой и полицкой вервью, дружиной. Семья противопоставляется *ближ-
кимъ, роду, племени, братчинѣ*. Отецъ съ своими *реди*, собственно наследниками,
составляютъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, *обитель* (обителью называлась и княжняя
дружина). Отецъ, сынъ, братья и другія лица могутъ также жить въ болѣе об-
ширномъ союзѣ, — подъ общимъ титуломъ братчины, рода, племени или ближ-
ковъ, могутъ сообща владѣть *зборомъ* — общимъ семейнымъ имуществомъ, или
стоять «*всак по себи*», раздѣлиться «*мею собомъ*». До раздѣла удерживается меж-
ду членами полная солидарность, — начало круговой поруки было главной осно-
вой союза ближиковъ. Ближикъ, племя, родъ винодольскаго устава, подобно верви
Правды и Полицкаго Статута, играютъ главную роль въ ученіи о дикой вирѣ
(вражбѣ Винодольскихъ Законовъ): обязанность платить дикую виру лежитъ пре-
жде всего на ближикахъ преступника (если онъ уклоняется отъ наказанія). Наша
вервь и винодольскіе ближики — въ этомъ случаѣ тождественныя учрежденія (13,
31, 29, 62, 67).

По *вещному праву* встречаемъ только нѣсколько указаній. *Ричъ, благо* —
общее названіе имущества. Винодольскимъ Закономъ извѣстно имущество движимое
и недвижимое (*гиле* и *лемиле*, собственно *имине*, т. е. земли, виноградники, кучи
и другая недвижимость), благопріобрѣтенное и наследственное, въ особенности *благо
очино* и *материно*. Благо можетъ состоять на правѣ полной собственности и про-
стаго владѣнія; *свое*, иногда и *пошишѣно*, означало имущество, состоявшее на
правѣ полной собственности; но подъ *пошишѣномъ* иногда разумѣется и имущест-
во, бывшее въ простомъ пользованіи (по залогу и пр.). Имущество общее, *зборъ*,
противопоставляется частному. Упоминаются также вещи княжія, церковныя, племен-
ныхъ людей, кметей и проч. Изъ способовъ пріобрѣтенія правъ на вещи извѣстны
находка и договоры (завези). Вещныя права строго охраняются закономъ отъ на-
рушеній; безъ суда нельзя брать насильно чужой вещи, но «*пошишѣно та слобод-
но и мирно уживай тере държи*». Ученіе о правахъ на вещи вообще коренится
въ старыхъ обычаяхъ (14, 32, 45, 51, 55, 76 и пр.).

Наследственное право имѣетъ строгій семейный характеръ. Право «аредитати»

усвояется «*дицамъ*», прежде всего сыновьямъ, а если ихъ нѣтъ, то дочерямъ.
Этими лицами и ограничивался кругъ *реди* (наследниковъ), прямо отличающихся
отъ ближиковъ и племени: если вовсе нѣтъ *реди*, имущество считается вымороч-
нымъ (*ошастно*), отходить къ князю, какъ и по Русской Правдѣ. Изъ винодоль-
скаго устава видно также, что въ его время благо могло быть *за душу суено*, что
указывается по крайней мѣрѣ на зародышъ завѣщательнаго порядка наследованія
имущества (31 — 37, 76).

Изложенный порядокъ наследованія имущества, очевидно, имѣлъ силу только
въ такомъ случаѣ, когда «*стое всак по себи и раздѣлени есу мею собомъ*». Задруг-
ная жизнь, какъ она развилась у Хорватовъ, Сербовъ и другихъ Славянъ, услов-
лила иные порядки въ отношеніяхъ имущественныхъ и наследственныхъ. «По за-
кону въкожизныхъ боговъ», будета имъ оба въ *едно власти*, чи се *раздѣлита
ровну мѣру*», — основной законъ задругной жизни Славянъ, такъ мѣтко форму-
лированный чешскимъ сказаніемъ о судѣ Любуши. Въ задругѣ собственно нѣтъ
мѣста наследственному праву. Раздѣлъ задруги — первый моментъ, съ котораго
начиналось для расходившихся членовъ задруги дѣйствіе наследственнаго права на
общемъ основаніи. На этотъ-то моментъ указываютъ Винодольскіе Законы, говоря
о братчинѣ, которая «*или сбор мею собу, държана е дати десетину на пунѣ*» (13).
Сборъ, общее имущество братчины, дѣлится между ея наличными членами, при чемъ
на нихъ лежитъ обязанность выдѣлить десятину, десятую часть имущества, вѣро-
ятно — въ пользу церкви, а можетъ, и государства (десятина въ Полицѣ при-
надлежала къ числу государственныхъ доходовъ; тоже могло быть и въ Винодолѣ).
Нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе къ сбору (при его раздѣлѣ) ближиковъ, вы-
шедшихъ изъ союза, стоящихъ «*всак по себи*». Изъ самаго существа дѣла выте-
кало возвращеніе на нихъ, какъ на лицъ *чужихъ* въ отношеніи къ союзу, изъ кото-
раго они вышли, — право на участіе въ сборѣ ограничивалось только *наличны-
ми* членами союза, состоявшими въ немъ въ моментъ его раздѣла. Въ свою оче-
редь, братчина и отдѣльные ея члены, ближики, не имѣли никакого дѣла къ иму-
ществу лица, вышедшаго изъ союза, не причислялись къ числу его *реди*, такъ что,
если не было у него дѣтей, то по его смерти имущество становилось вымороч-
нымъ, по Винодольскимъ Законамъ отходило не къ ближикамъ, но къ князю. Из-
ложенныя начала въ старое время имѣли силу у всѣхъ Славянъ, а у южныхъ
удерживаются доселѣ безъ особенно важныхъ измѣненій (См. Bogisic Pravni
obisaji, стр. 162 и слѣд.).

Ученіе объ *обязательствахъ* не развито Винодольскими Законами во всѣхъ
его деталяхъ. Объ обязательствахъ личныхъ нѣтъ ни слова, — уставъ трактуетъ
только объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договоровъ по имуществу, именно о
купль — продажѣ, дареніи и такъ называемомъ *дугѣ*. Въ понятіе послѣдняго вхо-
дитъ ссуда и заемъ вещей и денегъ, съ залогомъ и безъ него: въ послѣднемъ
случаѣ дугъ называется *кърденче* (отъ итальянскаго *credenza*). Предметомъ догово-
ровъ можетъ быть *ричъ* (собственно имущество движимое, вещь, *res*) и *имине* —
земля, виноградникъ, куча и другіе виды имущества, принадлежащихъ жозлину на
правѣ *пошишѣна*. Право вступать въ обязательства предоставлялось двору, двор-
скимъ людямъ и всѣмъ людямъ обкинскимъ. Главнымъ условіемъ дѣйствительности

договоровъ было совершение ихъ въ присутствіи «сведоковъ» (да то е било предъ оми сведоки то е учинено); не видно, чтобы требовалось еще совершение ихъ на письмѣ, — упоминаются одни «квадрни» — торговые книги, принимавшія за доказательство въ спорахъ между торговцами. Впрочемъ, и свидѣтели требуются только при большой цѣнности договоровъ (свыше 10 или 20 солиновъ); по малымъ дѣламъ допускались договоры и безъ свидѣтелей. Въ случаѣ споровъ по нимъ, дѣло рѣшалось по присягѣ истца. Касательно взысканій по обязательствамъ встрѣчаемъ правило, запрещающее искать судебнымъ путемъ долги съ дворскихъ людей раньше года со времени «изснѣста с тога офиція» (42—44 63 76).

III. *Право уголовное.* Оно развито въ Винодольскихъ Законахъ гораздо полнѣе и отчетливѣе другихъ отраслей права. И здѣсь, правда, встрѣчаемъ не рѣдко одни памеки на институты, коренившіеся въ обычаяхъ и мало затронутые законодательствомъ; но за то есть пропасть вполне развитыхъ установлений, принадлежащихъ самой глубокой древности. Исследователь найдетъ въ этомъ случаѣ огромное сходство между винодольскимъ уставомъ и напр. Русской Правдой или другими старославянскими уставами, — сходство, которое нужно считать не дѣломъ простаго случая, но результатомъ правильного развитія однихъ и тѣхъ-же общеплеменныхъ порядковъ и обычаевъ.

1. *Преступленіе*, по ученію Винодольскихъ Законовъ, не вполне еще утратило *частный* характеръ. Въ понятіе преступленія входитъ прежде всего *школа* или *худоба* — дѣйствіе, соединенное съ матеріальнымъ вредомъ для отдѣльных лицъ; *кривина* — неправда прежде всего противъ правъ лица и потому уже общества. Винодольскіе Законы трактуютъ, въ большинствѣ своихъ статей, только о преступленіяхъ противъ правъ личныхъ и имущественныхъ; ученіе о преступленіяхъ государственныхъ почти только въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Винодольскіе Законы разсматривали преступленіе исключительно съ частной точки зрѣнія: пмъ уже извѣстна внутренняя преступность дѣйствій, идущихъ въ разрѣзъ съ нравственными началами, — дѣйствій, въ особенности характеризующихъ названіемъ *зрешене*, *дуг*, *грих*. Въ разбоѣ или дѣйствіяхъ «предавацевъ» (измѣнниковъ) Законы видятъ зло (зло творене или створене) — правонарушеніе, вредное какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльных лицъ (7, 21. 24. 41. 56. 60. 66).

Подобно тому, какъ преступленіе не получило еще строгаго юридическаго понятія, опредѣлялось по отдѣльнымъ, болѣе вѣшнимъ, нежели внутреннимъ, признакамъ, такъ и понятіе о преступникѣ и *уголовномъ вѣнненіи* не сложилось еще въ строго опредѣленную и законченную формулу. Подъ преступникомъ разумѣется *шкодникъ* (шкодникъ), *кривацъ*, *свирешени*, *злотворцъ* или *злочинацъ* — термны, соотвѣтствующіе названіямъ самаго преступленія. Шкоднику вѣнялось преступленіе, школа, по нѣсколькимъ началамъ, составлявшимъ по крайней мѣрѣ въ зародышѣхъ ученіе Винодольскихъ Законовъ объ уголовномъ вѣнненіи. Злой умыселъ упоминается только мимоходомъ (27, 64). *Зла воля* шкодника мало принималась во вниманіе при опредѣленіи наказуемости его школы, — въ винодольскомъ уставѣ нѣтъ ни одной статьи, въ которой сколько нибудь опредѣленно говорилось бы о различіи между преступнымъ дѣйствіемъ случайнымъ (безъ злаго умысла) и преступленіемъ,

совершеннымъ въ злой волѣ. Подобно Русской Правдѣ, винодольскій уставъ принималъ главными моментами наказуемости и вѣнненія преступленій, не столько внутренніе, сколько вѣшніе ихъ признаки. Такимъ образомъ, уставъ довольно категорически рѣшаетъ вопросъ о преступленіяхъ, учиненныхъ *първо* и *вете*, облагая преступленія повторенныя болѣе тяжкими наказаніями, сравнительно съ преступленіями, учиненными впервые (59, 62). Не дѣлается различія между взрослымъ и малолѣтнимъ шкодникомъ, между главнымъ зачинщикомъ и простыми участниками (62). Съ другой стороны, винодольскому уставу извѣстно, по крайней мѣрѣ отчасти, ученіе о состояніи *необходимой обороны*: убійство разбойника или татя на шкодѣ оставалось безнаказаннымъ, если онъ сопротивлялся, не отдаваясь добровольно въ руки настигшихъ его на преступленія (71). Преступленіе опредѣлялось также, смотря по характеру и свойству *нарушенныхъ правъ и интересовъ*, какъ и по общественному положенію въ особенности обиженнаго (25, 29 — 31, 25 и пр.). Есть и другія различія, напр. между преступленіями *ночными* и *дневными*, учиненными на полѣ или въ градѣ, — между преступленіемъ съ *ключемъ* (о помощи, со стороны обиженнаго) или безъ него. Наконецъ, отвѣтственность по преступленіямъ падала, не только на самаго виновнаго, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на *стороннихъ*: ближники и община, въ силу круговой поруки, несли повинность платежа пеней, въ особенности при уклоненіи преступника отъ наказанія (напр. 29, 31). Всѣ такія явленія, въ болѣе или меньшей степени, повторяются въ другихъ старославянскихъ уставахъ, не достигшихъ, вообще говоря, до полнаго развитія ученія объ уголовномъ вѣнненіи.

Въ ученіи о преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ, исчерпывающихъ по Русской Правдѣ всю область уголовного права, винодольскій уставъ не многимъ отличается отъ этого памятника. Убійство, разбой, членоврежденія, побои и другія личныя обиды, татѣя и порча чужихъ вещей — преступленія, развитыя винодольскимъ уставомъ рѣшительно въ духѣ Русской Правды. Къ новымъ явленіямъ, не извѣстнымъ послѣдней, относятся: измѣна, преступленія по должности, жесвидѣтельство, изнасилованіе женщинъ, отравленіе и наконецъ преступленія церковныя.

а) *Убійство* (убойство). Винодольскій уставъ опредѣляетъ сущность этого института въ духѣ Правды, различаетъ убійство княжихъ людей и кметовъ, — людей, подлежащихъ правдѣ и закону кметскому, съ установленіемъ различныхъ наказаній за тѣхъ или другихъ. Статьи Правды: «аще оубьють татя на своемъ дворѣ», вполне соответствуетъ статья Винодольскихъ Законовъ: «оште ако разбойника звѣрху мое шкоди наиду въ ноти» (71). Правда и Законы не подвергаютъ никакой отвѣтственности убійство по нуждѣ, напр. при поимкѣ и сопротивленіи татей и разбойниковъ. По словамъ Винодольскихъ Законовъ, если я найду разбойника на моей шкодѣ въ то время, когда «мнѣ школу чинеть», и не могу взять его живьемъ, или его не знаю (чтобы можно было послѣ звать его на судъ) и убью его, то ни въ какомъ случаѣ не подлежу за то суду (у ниедной ричи ни мам се осудити) и никто не можетъ выступить противъ меня (съ обвиненіемъ). Вражда винодольская вполне соответствуетъ дикой вирѣ Правды, какъ и осудъ — простой вирѣ. Въ ученіи о наказаніяхъ мы скажемъ подробнѣе о сущности вражды и осуди.

Особые виды убійства составляютъ отравленіе и разбой.

а) *Тварници* (отравители), пойманные въ первый разъ на злодѣяніи, подлежатъ ответственности на равнѣ съ простыми убійцами. При вторичномъ обвиненіи они выдаются князю на потокъ, — «гдѣ кнезъ ю кашити гай по негѣ воли» (59).

б) *Разбой* (рубани, иногда сила) отличается отъ убійства, какъ преступное дѣйствіе, нарушавшее личныя и имущественныя права, совмѣщавшее въ себѣ убійство и грабежъ, или отнятіе чужаго имущества. Разбой можетъ быть произведенъ «на пути и ниди», безразлично называется рубани и сила. Иногда впрочемъ рубани и сила имѣютъ значеніе двухъ различныхъ институтовъ — собственно разбоя (рубани) и грабежа (сила). Въ такомъ значеніи говорится о нихъ въ 66-й статьѣ о свидѣтельскихъ показаніяхъ орачей и пастырей, допускаемыхъ въ свидѣтели «тако в рубани, тако въ силахъ». Значеніе силы объясняется въ особенности закономъ о личбѣ (*vadum*), имѣвшей мѣсто и при силѣ (39): личба допускалась только въ вещныхъ искахъ, когда какимъ либо образомъ — грабежемъ или иначе — нарушены имущественныя права отдѣльных лицъ, — при убійствѣ и разбоѣ имѣло мѣсто другія процессуальныя дѣйствія (о рубани и силѣ см. 11, 39, 66, 71).

в) *Членоврежденія и личныя обиды* (уражене, ранене, біене, бранене, стучене и пр.). Винодольскіе Законы различаютъ, подобно Правдѣ, поврежденіе членовъ (никъ уд усикал или схабил тако, да би од тога не могал прити на прьво здраве), нанесеніе ранъ, нобоевъ и толчковъ (стучене) отъ простой брани (бранене, псость езика) и другихъ обидъ. Подобно убійству, членоврежденія и обиды различаются, смотря по общественному положенію обиженнаго. Напр., за уражене княжихъ людей положенъ потокъ, за другія обиды — 50 либръ общественной пени съ частною полувирой; напротивъ, за обиды кметей платится только 2 либра. Усиленные пени назначены также за обиды, наносимыя женщинамъ. Изнасилованіе, по количеству пени, уравнивается съ убійствомъ, сверженіе ховерлицы (женскаго головнаго убора) мужчиной — съ разбоемъ. Обиды послѣдняго рода между одними женщинами наказываются обыкновеной пеней (18, 25, 27, 28, 30, 56).

Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдѣльных лицъ упоминаются татьба, грабежъ, зажигательство и порча чужихъ вещей.

а) *Татьба* (татба). Винодольскіе Законы различаютъ татьбу, смотря по времени и мѣсту ея совершенія, также по состоянію обиженнаго.

Большой татьбой считается татьба, учиненная «в ноти», — татьба дневная, наказывавшаяся меньшими пенями. Съ дневной татьбой уравнивается впрочемъ и ночная, если, при открытіи тата на преступленіи или вообще при открытіи школы, не събѣланъ былъ кличъ (помагайте). Тать «клицанный» равнозначителенъ съ татемъ приличнымъ или лицованнымъ другихъ старославянскихъ законодательствъ (о татьбѣ дневной и ночной, съ кличемъ и безъ него, см. 7 и 8).

Различается, далѣе, татьба «в граду», въ особенности татьба градскаго «храма», отъ татьбы въ пристанищѣ (пристаніи) винодольскомъ, на полѣ и вообще вѣдъ града (украдъ в оспку никъ скотъ, воля на гумну жито, воля ва улицы, в мести, гдѣ се храняю пчеле, мед). Градская татьба (кромѣ храма) считается малой татьбой и

оплачивается одинаковой пеней, будетъ ли она учинена днемъ или ночью, съ кличемъ или безъ клича; пеня съ градской татьбы идетъ общинѣ. Татьба вѣдъ града относилась къ роду большой татьбы, особенно если учинена ночью и былъ при ней кличъ о помощи, — пеня съ такой татьбы идетъ князю. Тать градскаго храма рѣшительно напоминаетъ «кромъ каго» или «храмскаго татя» Псковской судной грамоты: въ винодольскомъ и псковскомъ уставѣ разумѣется здѣсь одинъ и тотъ же институтъ кражи, совершенной въ храмѣ — мѣстѣ храненія общинной казны (7, 8, 11, 37).

По принадлежности воровскихъ вещей, винодольскій уставъ различаетъ татьбу вещей, принадлежащихъ князю, двору и вообще службникамъ, отъ татьбы кметской. За послѣднюю назначается «школа дупла» (двойное вознагражденіе противъ стоимости вещей воровскихъ); татьба вещей княжихъ и дворскихъ оплачивается всемеро. Съ кражей дворской сравниена кража вещей церковныхъ и монастырскихъ (35, 36, 50).

б) *Грабежъ* (сила). Сюда относится отнятіе и насильное завладѣніе чужой вещью. Грабежъ наказывается на равнѣ съ татьбой (7, 71). Какъ мы видѣли, полъ силой разумѣется иногда и разбой. Она употребляется также въ значеніи чешскаго *hrdost* — *насилія безъ грабежа*; въ такомъ смыслѣ и изнасилованіе женщинъ иногда называется силой (ако би ки учинил силу жени).

в) *Истребленіе и порча чужихъ вещей*. Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, отличаютъ зажигательство (пожгане) отъ другихъ видовъ истребленія и порчи вещей. Подъ пожгане разумѣется зажигательство дома, храма, скотнаго двора и пр. (ако би ки положилъ въ кутю огань или храмъ воля в ничіи осик); за пожгане угрожаетъ высшая мѣра наказаній (100 либръ или потокъ). Упоминается «разбіеніе» храма, вмѣстѣ съ кражей и отдѣльно отъ нея (7, 62).

Кромѣ преступленій противъ личныхъ и имущественныхъ правъ отдѣльных лицъ, Винодольскіе Законы говорятъ также о преступленіяхъ съ характеромъ *публичности*: измѣнѣ и преступленіяхъ по должности.

а) *«Предавацы»* господина князя натурайскаго считаются лихими людьми. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываетъ зло — правонарушеніе съ общественнымъ характеромъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что Винодольскимъ Закономъ едва ли былъ извѣстенъ институтъ *измѣны* въ позднѣйшемъ значеніи политическаго преступленія. Въ дѣйствіяхъ предавацовъ нужно видѣть правонарушеніе, направленное прежде всего *лично* противъ самаго князя. Предавцы наказывались не строже отравителей и поджигателей: въ то время, когда послѣднимъ грозилъ сожженіе (за отравленіе), осужденіе на смерть, наказаніе предавцовъ зависѣло отъ воли князя. Онъ могъ ихъ наказывать, но могъ и вовсе освободить отъ наказанія (70).

б) Такой же характеръ дается *преступленіямъ приставовъ* въ ихъ служебной дѣятельности. Уставъ говоритъ, во 1-хъ, о *вымогательствѣ* приставомъ съ тяжущихся судебныхъ платежей, сверхъ установленной закономъ таксы, и во 2-хъ, о *ложивыхъ показаніяхъ* пристава предъ судомъ. Въ обоихъ случаяхъ приставъ наказывается прежде всего за «кривину», частную школу. *Фалсо* приставовъ

уравнивается съ *лжесвидѣтельствомъ* частныхъ лицъ, дающихъ на судъ показанія въ качествѣ свидѣтелей (48, 51, 52).

Отдѣльный видъ преступленій по должности составляютъ *преступленія церковныя* (дуг. згрѣшене), въ особенности нарушеніе поповскихъ «офицій» (3, 58).

2. Сущность *наказанія*, какъ и преступленія, опредѣляется также прежде всего съ частной точки зрѣнія. Старый частный характеръ наказанія проглядываетъ въ самомъ названіи его — *матене* (29, 31, 70), что означаетъ мечь, воздаяніе за «шкоду» равносильной шкодой, вредомъ. Общественная власть *мститъ* виновнику преступленія, на манеръ частныхъ отмстниковъ стараго времени. *Пена, осуд, банд, рачени*, употребляются также въ значеніи наказанія вообще, иногда только денежныхъ пеней (3, 24, 25, 30, 59, 74, 75 и пр.).

Матене — прежде всего общее названіе наказаній. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. 31) названіе матене дается и денежнымъ пенямъ. Но оно имѣетъ и болѣе специальный смыслъ, относится къ наказаніямъ, касающимся *личности* виновнаго; сюда въ особенности принадлежитъ наказаніе, въ существѣ своемъ вполне сходное съ потокомъ Правды. *Платежи денежные*, специально называвшіеся осуд, пена, банд и пр., составили второй видъ наказаній. Матене и осуд — два основные вида наказаній, на которыхъ строится все ученіе Винодольскихъ Законовъ о наказаніяхъ по преступленіямъ.

а) Къ наказаніямъ, поражающимъ *личность преступника*, Винодольскіе Законы относятъ въ особенности: осужденіе на животъ и смерть, также выдачу преступника въ «пуну область» князя — тоже, что потокъ Правды. Матене, въ обоихъ видахъ, состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на смерть или выданнаго на произволъ князя и другихъ лицъ.

а) *Осужденіе на смертную казнь* (осуд на животъ и на смьрт). О немъ говорится въ двухъ статьяхъ: о тварницахъ и пожгане (59, 62). Въ обоихъ случаяхъ преступникъ, впервые обвиненный въ преступленіи, подлежитъ осуди на смерть, если не имѣетъ средствъ для уплаты денежной пени, положенной въ законъ за отравленіе и зажигательство: отравитель подвергается *сожженію* (се сажга), зажигатель — «осуди на животъ». За вторичнымъ поджегомъ и отравленіемъ слѣдуетъ вмѣсто денежной пени смертная казнь (поджигателя) и выдача (отравителя) на произволъ князя.

б) *Потокъ*. Значеніе потока имѣетъ выдача преступника въ «пуну область» (власть) князя, который могъ учинить надъ нимъ «матене на свою волю». Потокъ подлежать въ особенности предавацы князя и убійцы княжихъ людей; тоже наказаніе положено за членоврежденія, наносимыя княжимъ людямъ, иногда и за повторенныя преступленія (отравленіе); наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, когда присужденные къ денежной пенѣ не имѣли средствъ къ ея уплатѣ, князь «вадь нихъ животи море учинити волю свою, ча буде ему драго». Въ понятіе потока входило также изгнаніе въ чужую землю; съ «сгонникомъ» запрещалось имѣть никакихъ сношеній, давать ему «исти, или пити, или ину ку поможь, воля светъ». Сгонникомъ объявлялся въ особенности преступникъ, скрывшійся въ другую землю и этимъ заставившій

своихъ ближиковъ или общину платить вмѣсто него виру; при поимкѣ его, предоставлялось князю или *другому вмѣсто него* — учинить матене по своему желанію, «учинити когоди матене буте хотилъ» (12, 29 — 31, 59, 70, 74).

б) По Винодольскимъ Законамъ, потокъ всегда соединялся съ *грабежомъ*: матене распространялось на личность и имущество преступника, — вмѣстѣ съ выдачею его въ полную власть князя, все его имущество подвергалось конфискаціи въ пользу князя. Такимъ образомъ, предаваецъ выдавался на потокъ князю, который могъ учинить «матене зверху негъ и зверху негова блага (имущества) на свою волю». Значеніе *самостоятельнаго* наказанія дается грабежу въ статьяхъ о «фалстѣ» (ложномъ показаніи на судѣ) пристава, также объ общинныхъ вѣчахъ, учреждавшихся безъ княжяго челоуѣка: въ обоихъ случаяхъ виновные «згубляю все свое благо, ча се гибле и не гибле». Конфискованное имущество отдается князю (51, 57, 70).

Осужденіе на животъ и смерть, потокъ и грабежъ, составляютъ чрезвычайныя наказанія, поражающія особенно тяжкія преступленія. Между ними замѣчается самая тѣсная связь; они входятъ въ понятіе одного и того же института *матене*, суть которой заключалась въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на животъ и смерть или къ выдачѣ въ полную власть князя, вмѣстѣ съ грабежомъ всего его имущества. Различіе между ними заключалось только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ опредѣлялъ родъ и характеръ матене, указывая видъ самаго наказанія (осудъ на животъ и смерть, сожженіе), въ другихъ предоставлялось самому князю, въ каждомъ данномъ случаѣ, опредѣлить степень и видъ наказанія.

с) *Денегныя взысканія* были различны и назывались *пена, осудъ, рачени, бандъ, вражба, заговори и завези*. Ученіе Винодольскихъ Законовъ о композиціяхъ даетъ много интересныхъ указаній на общій характеръ и многія детали этого несомнѣнно изстариннаго общеславянскаго института. Въ то время, какъ напр. Русская Правда излагаетъ неясное и неполное ученіе о вирахъ и продажахъ, Винодольскіе Законы содержатъ вполне развитую систему композицій, въ главномъ не отступая отъ основныхъ положеній, одинаково развитыхъ всѣми славянскими законодательствами.

Въ Винодольскихъ Законахъ строго опредѣлена система пеней *общественныхъ* и *частныхъ*, указаны начала, въ силу которыхъ устанавливаются различныя общественныя пени, слѣдовавшія князю, общинѣ и иной «господѣ» и взимавшіяся съ виновныхъ и людей стороннихъ (дкая вира, вражба), — «осуди, завези и заговори», или частныя пени и вознагражденіе за шкоду, кривину, вообще за частный убытокъ и вредъ, возникающій изъ преступленій.

а) *Пени общественныя*. Винодольскій уставъ ясно показываетъ, что пени общественныя вмѣстѣ съ частными составляли одинъ нераздѣльный институтъ: въ понятіе осуди, или пени, входило вознагражденіе, не только въ пользу князя или общины, но и лицъ обиженныхъ. Въ Законахъ говорится иногда, что виновный платитъ такую то пеню, а за тѣмъ уже она раздѣляется между княземъ и лицомъ

оближеннымъ (напр. 27). Иногда названіе осуди, въ значеніи главнаго платежа, дается по преимуществу частному вознагражденію, — пеня общественная получаетъ характеръ платежа придаточнаго (31). Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касается непосредственно частныхъ лицъ (измѣна), назначается не денежное взысканіе, но выдача виновнаго на потокъ (70).

Осудъ Законовъ рѣшительно напоминаетъ собой виру и продажу Правды. Подобно Правдѣ, различающей четыре отдѣльные вида виры — въ 80 (двойная вира), 40, 12 и 5 гривенъ, Законы также говорятъ о четырехъ видахъ осуди, назначавшейся въ количествахъ .р. (100), .м. (50), .кд. (24) и .л. (2) либровъ (либра — венеціанская монета, заключающая въ себѣ 20 солдиновъ, или нынѣшнихъ 12 крейцеровъ серебр.). Различіе между обоими порядками можно видѣть лишь въ томъ, что Правда назначаетъ свои четыре пени, главнымъ образомъ, за убійство, устанавливая впрочемъ соотвѣтственные четыре пени (40, 20, 12 и 3 гр.) и за другія болѣе важныя преступленія (увѣчья, личные обиды и пр.), Законы пошли дальше, приняли четыре пени за общія нормы денежныхъ взысканій (общественныхъ) по всѣмъ родамъ преступленій.

Винодолскіе Законы руководятся различными началами, при опредѣленіи количества пеней за тѣ или другія преступленія. Естественно требовать, чтобы преступленіе облагалось тѣмъ болѣе пенью, чѣмъ важнѣе и выше нарушенныя имъ интересы и права частныя и общественныя. Пени различались также, смотря по мѣсту и времени совершенія преступленій. Татьба внѣ града, какъ и татьба «храма» (кримская татьба Пск. суд. гр.) въ градѣ, облагалась высшими пенями сравнительно съ градской татьбой. По времени совершенія преступленій, татьба полевая или сельская, также татьба и разбіеніе (разрушеніе) градскаго храма, учиненныя днемъ, значительно различались, по количеству пени, отъ тѣхъ же преступленій, учиненныхъ ночью, — кража ночная вообще оплачивалась болѣе пенью, нежели кража дневная. Иногда и ночныя преступленія наказывались не одинаковыми пенями, смотря по тому, слѣланъ ли былъ кличъ о помощи (помогайте) при ихъ открытіи, или нѣтъ. Это начало не вполне выдержано: городская татьба подлежала одинаковой пени — съ кличемъ и безъ него. — Можно наконецъ замѣтить вліяніе сословныхъ различій на болѣе или меньшее количество пеней. Это начало, развитое до значительной степени въ Русской Правдѣ и другихъ старославянскихъ уставахъ, стоитъ далеко не на первомъ планѣ въ Законахъ Винодолскихъ. Вліяніе его отразилось главнымъ образомъ въ ученіи о наказаніяхъ за убійство, личные обиды и татьбу; но и здѣсь дѣлается различіе только между служабниками (княжими людьми) и кметями, — другіе общественные разряды подводились къ тому или другому классу, смотря по подчиненію ихъ «закону и правдѣ кметской», или закону служабниковъ (25, 29 — 31).

На основаніи изложенныхъ началъ Винодолскіе Законы устанавливаютъ слѣдующій рядъ общественныхъ пеней:

1. Столибровая пеня, соотвѣтствующая двойной или 80-ти гривенной вирѣ Правды. Она назначена за зажигательство и отравленіе — наиболѣе тяжкія преступления, учиненныя въ первый разъ (59, 62).

2) Пятидесятилибровая пеня (40 — гривенная вира Правды). Она назначается за разбой, ночную татьбу внѣ града (съ кличемъ), за изнасилованіе женщины, за насиліе въ винодолской пристани за побой и раны, наносимыя княжими людьми (6 — 8, 11, 12, 30, 48, 56).

3) 24-хъ либровая пеня (12 грив. вира Пр.) упоминается, какъ наказаніе за татьбу въ пристани винодолской (11).

4) Двухлибровая пеня (5 грив. вира Пр.) — обыкновенная общественная пеня по остальнымъ преступленіямъ. Сюда относятся въ особенности: ночная (безъ клича) и дневная татьба внѣ града, также градская татьба, безъ различія дневной отъ ночной; побой, раны и другія личные обиды между кметями; личные обиды, наносимыя женщинамъ; убійство кметей (7, 8, 25, 28, 31, 37).

Къ разряду общественныхъ пеней нужно также относить особую осуду (въ 2 либра), платившуюся въ пользу епископа по дѣламъ церковнымъ (3).

Пени общественныя иногда идутъ одному князю, иногда одной общинѣ, или дѣлятся «наполь» — между княземъ и общиной, градомъ. Иногда просто говорится, что пени «гре оптини, а пол господи онога града, гдѣ буде то учинено» (14). Различіе между пенями княжими и общинными встрѣчаемъ въ большинствѣ южнославянскихъ уставовъ стараго времени. Законы Загребскіе, какъ увидимъ, говорятъ только объ общинной пени. По Статуту Полицкому, пени идутъ въ пользу тѣхъ учреждений и лицъ, которые рѣшали данное судное дѣло — въ пользу общины, если судъ производился на вѣчѣ, или въ пользу князя съ его судцами, или наконецъ въ пользу судей — ротниковъ. Такое же правило имѣетъ силу въ Винодолскихъ Законахъ: осуду получаетъ князь или община, смотря по тому, производилось ли дѣло предъ дворомъ, или на сходкѣ, предъ общинными судьями.

Право князя на пени ясно высказано въ двухъ статьяхъ Законовъ: надъ «банди, заговорн и завези» имѣетъ князь полную «власть», т. е. право располагать ими по своей волѣ; всѣ завези, назначенныя княземъ властью своей или общиной, «будите негъ и нему да имаю прити» (55, 75). Здѣсь утверждается одно изъ существенныхъ правъ князя — право суда, или, говоря точнѣе, право на доходы съ суда. Подлѣ такого права князя стояло также не менѣе самостоятельное право общины на судные доходы, о которомъ говорится напр. въ 14 статьѣ: завези «оптински воля и влашши» (частные, установленные самими сторонами) слѣдуютъ общинѣ, пополамъ съ господой (судцами, сатниками и пр.) того града, гдѣ учинено преступленіе.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ о границахъ между княжескимъ и общиннымъ правомъ на полученіе осуди, — вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны другіе, не менѣе важные вопросы, напр. о судебной компетентности, о власти князя и объ отношеніи его къ общинамъ. Послѣднихъ вопросовъ мы уже слегка касались, говоря о судоустройствѣ по Винодолскимъ Законамъ. Здѣсь мы изложимъ нѣсколько соображеній о правѣ князя и общины на полученіе пеней съ преступниковъ.

Статьи, трактующія объ общественныхъ пеняхъ, даютъ довольно ясныя указанія на тѣ общія причины, по которымъ одни пени всегда отчисляются къ князю, другія — къ общиннымъ.

Въ пользу князя идутъ пени, во 1-хъ, съ убійства *княжихъ людей*, съ наносимыхъ имъ членоврежденій, личныхъ обидъ и пр. (29, 30). Законъ службниковъ, между прочимъ, состоялъ въ томъ, что они подлежали суду князя, въ пользу котораго и шли общественныя пени за наносимыя имъ обиды и оскорбленія.

Во 2-хъ, въ пользу князя идутъ пени съ татя, который «украд в осину ники *скот*, воля гумну *жито*, воля ва уаниця, гди се схраню пчеле, *меда*» (8), также съ татбы въ *пристанищъ* *винодольскомъ* и въ *градскомъ храмъ*, тогда какъ татба *въ граду* вообще оплачивается пенями въ пользу «оптина града, гди се та татба учине» (37). Кража скота, жита, меда, т. е. вообще предметовъ *сельской жизни*, противопоставляется кражѣ *градской*: первая составляетъ доходную статью князя, вторая — общины. Къ княжескимъ доходамъ относится также пеня съ татбы въ пристанищъ и храмъ — учрежденій, составлявшихъ *общую* принадлежность общинъ и бывшихъ въ распоряженіи князя.

Въ 3-хъ, князей пеней облагались: *дорожный* разбой (рубани на пути или гди инди) и другія преступленія, нарушавшія *земскій миръ* (каковы измѣна и зажигательство) или противныя *нравственнымъ интересамъ* (изнасилованіе) и пр.

Наконецъ въ 4-хъ, князь получалъ пени въ такихъ случаяхъ, когда обиженный, не удовлетворившись судомъ общины, обращался къ непосредственному суду князя.

Сводя приведенныя данныя къ одному знаменателю, мы видимъ, что преступленія, бывшія доходной статьей князя, имѣютъ слѣдующіе общіе признаки:

а) Принадлежность къ *княжеской дружинѣ* лицъ, противъ которыхъ направлено преступленіе, — преступленія людей «обкинскихъ» могутъ облагаться княжескими пенями, если сами стороны обратятся къ князю разбирательству.

б) Совершеніе преступленія *въ граду* — на пути (разбой), въ осину, пристанищъ и пр., также въ мѣстахъ, составлявшихъ *общее* достояніе общинъ.

в) Особенная *тяжесть* преступленія, безъ различія лицъ, противъ которыхъ оно направлено, и мѣста, гдѣ совершено.

Последнее начало всегда и вездѣ получало силу, чуть только возникала общая власть, представителями которой становились князья, обязанные охранять *земскій миръ* и наказывать направленные противъ него преступленія. Здѣсь проявляется важное значеніе княжеской власти, какъ объединяющаго элемента въ составъ союзныхъ общинъ.

Первые два признака, напротивъ, говорятъ о силѣ и крѣпости самыхъ общинъ, куда въ обыкновенныхъ случаяхъ еще мало проникала власть князей, — имъ непосредственно подчинялись только лица, находившіяся въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ. Внутри себя общины пользовались полнымъ правомъ самосуда:

преступленія, совершенныя внутри общинъ и направленные непосредственно противъ ихъ членовъ, вызывали реакцію самихъ общинъ и потому составляли ихъ доходную статью (убійство кметей, городская татба, — 31, 37). Ничто не мѣшало обиженному обратиться отъ суда общины къ суду князю, особенно если онъ не удовлетворялся первымъ; но это нисколько не уменьшало общаго значенія самосуда общинъ.

По началу личному объясняются совмѣстныя права князя и общины на нѣкоторыя пени — съ приставовъ и поповъ, при обвиненіи ихъ въ нарушеніи служебныхъ обязанностей (48, 58). Какъ лица, не исключительно принадлежавшія къ общинѣ, они уплачивали пени на «пол» между общиной и княземъ.

Изложеннымъ началамъ противорѣчатъ, повидимому, нѣкоторыя статьи *Винодольскихъ Законовъ*, говорящія о пеняхъ въ пользу князя съ личныхъ обидъ и ссоръ «мею кмети» (25), съ оскорбленія женщинъ и другихъ маловажныхъ преступленій (27, 28), безъ всякихъ указаній на развитые въ другихъ статьяхъ признаки личные и иные (различія по лицамъ, мѣсту и тяжести преступленій). Дѣло въ томъ, что *Винодольскіе Законы* наполнены множествомъ недомолвокъ и темныхъ мѣстъ, которыя чуть не въ каждой статьѣ и строкѣ попадаютъ въ Русской Правдѣ и требуютъ тщательнаго соображенія ихъ съ цѣлымъ уставомъ, въ особенности съ такими его положеніями, гдѣ яснѣе высказаны общія начала и воззрѣнія, проникающія собой всѣ отдѣльныя казуистическія статьи устава. Къ такимъ казуистическимъ статьямъ, безспорно, нужно относить и только что указанныя мѣста *Винодольскихъ Законовъ*. Въ статьѣ объ обидахъ «мею кмети» можно видѣть не больше, какъ извлеченіе изъ княжаго приговора на данный случай (когда кмети отъ своихъ судей обратились къ князю). Эта и другія ей подобныя статьи легко объясняются въ смыслѣ изложенныхъ мной началъ, лежащихъ въ основѣ ученія *Винодольскихъ Законовъ*, какъ о власти князя и объ отношеніяхъ его къ общинамъ по суду и управленію, такъ и объ общественныхъ пеняхъ за уголовныя преступленія, — не противорѣчатъ положенію о различіи пеней княжихъ и общинныхъ, смотри по общественному положенію лицъ, по мѣсту совершенія преступленій и по большей или меньшей ихъ тяжести.

Пеня общественная уплачивается самымъ кривцомъ. Но бываютъ случаи, когда обязанность платить пеню можетъ падать и на другихъ лицъ. *Винодольскіе Законы* относятъ сюда такіе случаи, когда виновный уйдетъ, «ако убигне и не могъ се ети». Такимъ образомъ, если скрывался убійца княжаго человека, князь взыскивалъ *вражду* (дикую виру Правды) съ «племене» скрывшагося убійцы. Какъ наказаніе самага убійцы предоставлялось вообще усмотрѣнію князя, такъ и вражда опредѣлялась княземъ, по «заговору» (соглашенію) съ племенемъ убійцы, обязаннымъ уплачивать только половину взысканія (другая берется изъ имущества преступника). Такимъ же образомъ князь получалъ вражду при зажигательствѣ, если преступникъ скрывался и не могъ быть пойманъ (29, 62). Право на вражду усвоится и общинѣ — въ случаѣ убійства кметя или кого либо изъ «рода» кметей: половина вражды уплачивается близкими, другая наследниками (реди) убійцы (31). Обязанность платить вражду лежитъ на близкихъ и реди до поимки

преступника; впрочемъ, если преступникъ пойманъ послѣ совершения «направы», т. е. постановленія приговора и взысканія пени, то послѣдняя уже не возвращалась тѣмъ, кто ее уплатилъ (29, 31). Вражда обнимала собой, не только пеню общественную, но и частную. Это ясно видно изъ постановленія о враждѣ за убійство кметей: Винодольскіе Законы, подобно Загребскимъ, вмѣняють въ обязанность ближикамъ уплачивать и частное вознагражденіе, вмѣстѣ съ пеней общественной (31). Это правило рѣшительно въ духѣ старославянскаго права и не оправдываетъ вывода нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что общины никогда не вмѣнялось въ обязанность уплачивать частное вознагражденіе (См. Ланге — Исслѣдов. объ уголов. пр. Р. Правды, 100). Правила уставовъ винодольскаго и загребскаго ясно показываютъ, что законъ уже въ старое время одинаково защищалъ права общества и частныхъ лицъ, — что, въ случаѣ нарушенія ихъ, считалось одинаково важнымъ и необходимымъ удовлетвореніе общества и обиженной стороны, все равно, слѣдуетъ ли удовлетвореніе со стороны самаго преступника, или (въ силу круговой поруки) его общины и семьи. Начало такое необходимо вытекаетъ изъ цѣлой системы уголовного права Русской Правды и вообще всѣхъ древнихъ славянскихъ законодательствъ. Оно только яснѣе и нагляднѣе развито винодольскимъ и загребскимъ уставами.

Повинность вражды была однимъ изъ проявленій *круговой поруки* — главной основы общиннаго устройства у всѣхъ Славянъ. Члены общины (семейныхъ и территориальныхъ — безразлично) обязаны были, въ случаѣ какой либо шкоды, помогать и выдавать преступниковъ или платить вмѣсто нихъ виру. *Кличъ* (валай) — помогайте — вполне извѣстенъ Винодольскимъ Законамъ: «всаки море звати — помогайте, ако види делаютъ ники зло» (24). Съ обязанностью являться на кличъ естественнo, должна была также соединяться повинность дикой виры, при неявкѣ сосѣдей на кличъ или невыдачѣ ими виновнаго (о кличѣ см. 7 — 9, 23, 24). По Винодольскимъ Законамъ, повинность вражды падаетъ прежде всего на ближниковъ (вервь Правды) и реди, или семью виновнаго. Если этотъ не имѣлъ ближниковъ, или, что одно и то же, не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ «сам по себѣ», то по общему началу круговой поруки, повинность вражды перелагалась на общину территориальную, къ которой принадлежалъ преступникъ. Впрочемъ, этотъ случай не предусмотрѣнъ Винодольскими Законами; но рѣшающее его правило — въ духѣ славянскихъ законодательствъ, въ особенности подробно развито Поллицкимъ Статутомъ и Душановымъ Законникомъ — памятниками, основанными на изстаринныхъ общеславянскихъ обычаяхъ.

Замѣтимъ наконецъ, что вражда имѣла мѣсто, не только при убійствѣ, но и при зажигательствѣ, татьбѣ и другихъ преступленіяхъ (кличъ о помощи допускался при всякомъ «злѣ»), какъ это напр. было и по старочешскому праву. Чешская дикая вира, подъ общимъ названіемъ *venditio* (*venditio hominum*), раздѣлялась на *hlavu* (собственно дикая вира Правды), *svod* (при татьбѣ), *nárok* (при разбоѣ и грабежѣ), *podoperné* (при членоврежденіяхъ и ранахъ) и *hrdost* (при простомъ насилии, безъ грабежа).

β) *Пени частныя*. По всякимъ преступленіямъ противъ личныхъ и имуществ-

венныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, взыскивалось вмѣстѣ съ общественной пеней, также частное вознагражденіе въ пользу обиженнаго, а по убійству — въ пользу дѣтей убитаго пополамъ съ его ближиками (31). Частная пеня бралась, не только въ такомъ случаѣ, когда преступникъ былъ на лицо, но и, какъ мы видѣли, при взысканіи вражды.

Частныя пени раздѣлялись на нѣсколько видовъ, смотря по роду самыхъ преступленій. Преступленія противъ личныхъ правъ облагались иными пенями, преступленія противъ правъ имущественныхъ — иными: въ обоихъ случаяхъ установлялась различная система частныхъ пеней.

Пени за убійство, раны, побои и другія личныя обиды назначались самымъ закономъ въ точно опредѣленномъ количествѣ. Винодольскіе Законы устанавливаютъ здѣсь такую же постепенность взысканій, какъ и при опредѣленіи пеней общественныхъ:

1) *Столибровая пеня* — главнымъ образомъ, за убійство кметей. Пеня за княжихъ людей назначалась самымъ княземъ.

2) *Пятидесятилибровая пеня* — за изнасилованіе женщинъ. За сверженіе мужчиной ховерлицы (покрывача) съ головы женщины положена пеня въ 48 либръ.

3) *25-ти либровая пеня* — за побои и раны, наносимыя княжимъ людямъ.

4) *Двухлибровая пеня* — вообще за безчестіе: «кто неподобно рече или ствар буде говорити никому мужу воля никой жени».

Обиды уплачивались иногда *натурой*, вмѣсто уплаты деньгами. За побои, раны и другія личныя обиды между кметями, обиженный получалъ двухъ барановъ и «ликарию» (льчьебное Правды); точно также двѣ овцы получала женщина, если другая сбрасывала съ нее головной покровъ (25, 27, 28, 30, 31, 56).

Отношеніе частныхъ пеней къ общественнымъ было различно. Одни пени, напр. за убійство кметей или безчестіе женщинъ, значительно превышали пени общественныя, составляли главную часть осуди или вражды; пеня княжая или общинная составляла какъ бы придаточный платежъ (за убійство кметей назначалась частная пеня въ 100 либръ, общинная — только въ 2 либра; за безчестіе женщины получала 48 либръ, при княжей пенѣ въ 2 либра). Другія пени (за изнасилованіе и «неподобну ствар») уравниваются съ вирой или составляютъ ея половину (полувирье Правды). Полувирье назначается за раны и личныя обиды княжихъ людей (28, 30, 56 и др.).

Частное вознагражденіе по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ устанавливается на нѣмъ основаніи — соразмѣрно съ цѣною воровскихъ или испорченныхъ вещей, вообще смотря по шкодѣ, также по общественному положенію лицъ, которыхъ права нарушены. При татьбѣ кметь беретъ «шкоду дуплу» (въ другомъ мѣстѣ — «од еднoгo .в.»), т. е. вдвое больше противъ личнаго; княжій дворъ и служабники — *всемеро* (од еднoгo .г.). Поджигатель платитъ вообще «шкоду» частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ поджога (8, 35, 36, 50, 62).

Винодольскіе Законы не опредѣляютъ «цѣны» за воровство и порчу вещей, какъ это мы видимъ напр. въ Русской Правдѣ, устанавливающей разъ навсегда опредѣленныя нормы частнаго вознагражденія по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Виновный, по Законамъ, платитъ вдвое или въ семь разъ больше противъ поличнаго, вообще «шкodu»; но при этомъ не опредѣляется, кто и какъ именно оцѣняетъ škodu и назначаетъ сообразное съ ней количество частной пени. Можно думать, что если дикая вира въ нѣкоторыхъ случаяхъ (за княжескихъ людей) опредѣлялась судьей, именно княземъ, по договору (заговору) его съ тѣми, кто долженъ платить виру, то такой же самый порядокъ могъ быть общимъ правиломъ и при назначеніи татѣбныхъ и иныхъ пеней, не опредѣлявшихся точно закономъ. Къ такимъ пенямъ, количество которыхъ не опредѣлялось закономъ, нужно въ особенности примѣнять названія — *завези*, *заговори* и *рачени*, упоминающіяся въ числѣ судебныхъ пеней (14, 55, 75). Они имѣли значеніе пеней, опредѣлявшихся не закономъ, но договоромъ или соглашеніемъ (заговор, завез—отсюда и самое названіе пеней) сторонъ съ судьей. Какъ видно изъ указанныхъ статей, завези могъ назначать князь и общинные судьи, смотря по подсудности дѣлъ, подлежавшихъ суду княжескому или общинному.

д) Упоминаются наконецъ взысканія по преступленіямъ противъ *должности*. Приставъ, взявшій съ тяжущихся излишнюю плату за помощь на судѣ, лишается (въ видѣ штрафа) одного вола или платитъ осудъ (50 либръ), въ пользу князя и общины пополамъ; за ложное показаніе на судѣ онъ лишается всего имущества и удаляется съ должности (48, 51). Подобнымъ образомъ, попъ, не исполняющій своихъ «офицій», теряетъ вола въ пользу князя и общины (58).

Такова система наказаній Винодольскихъ Законовъ. Она складывается изъ матене и осуди — главныхъ наказаній, къ которымъ можно возвести всѣ отдѣльныя ихъ виды.

Матене состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго «на животъ и смерть» или къ выдачѣ на произволъ князя. Въ такомъ смыслѣ матене назначается, какъ возмездіе за особенно важныя преступленія — измѣну, убійство и членоврежденія княжескихъ людей, за нѣкоторыя повторенныя преступленія — отравленіе и зажигательство; матене допускается также въ значеніи замѣны денежныхъ взысканій, при несостоятельности виновнаго къ ихъ уплатѣ.

Осудъ имѣла значеніе денежнаго выкупа за частную «шкodu» и общественное «зло». По количеству осуди общественной и частной, преступленія, не влекушія за собой матене, группируются въ три главные вида:

а) Отравленіе и зажигательство, учиненныя впервые; изнасилованіе женщинъ, убійство кметовъ и личныя обиды княжескихъ людей;

б) разбой, грабежъ и ночная татѣба въ града (съ кличемъ);

γ) личныя обиды кметей и вообще безчестіе безъ побоевъ; градская татѣба вообще и татѣба дневная (и ночная, безъ клича) въ града.

IV. *Процессъ*. Винодольскіе Законы, въ большинствѣ своихъ статей, представ-

ляютъ большую аналогію съ старорусскими судными грамотами, по преимуществу излагающими правила судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы имѣли главной своей цѣлью — установить точныя правила по преимуществу обвинительнаго суда (*правды, направи, иногда осуди*), безъ особыхъ различій между процессомъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы не представляютъ такихъ рѣзкихъ особенностей въ процессѣ по отдѣльнымъ родамъ дѣлъ, какими вообще отличается процессъ Правды. Казуистическія статьи попадаются и въ Винодольскихъ Законахъ; по наряду съ ними усиливаются общія положенія (напр. въ ученіи объ искѣ, доказательствахъ и пр.), дающія отдѣльнымъ процессуальнымъ дѣйствіямъ болѣе опредѣленный и законченный характеръ. Вообще процессъ Законовъ отличается еще патриархальной простотой и несложностью формъ: нѣкоторыя части процесса, напр. личба (*vadium*), могли производиться, между прочимъ, предъ сатникомъ или его женой, «какъ би сатникъ оуде не билъ». Самый судъ имѣлъ посредническій характеръ; судьи какъ бы только присутствовали на судѣ, — наиболѣе дѣятельная роль принадлежала самымъ тяжущимся.

Стороны носятъ различныя названія. *Страна* — общее названіе истца и отвѣтника. Истецъ также называется *парац*, отвѣтникъ — супротивъ, *супротивникъ, страна супротивна, държан, осваен, остачен* (7, 28, 47, 48, 51 — 53, 56, 60, 68). Каждый могъ, не только лично являться на судѣ, но и посылать вмѣсто себя *одветника (одговорника)*. Послѣдній получаетъ, за свое *одговорене*, отъ пригласившей его стороны плату по узаконенной таксѣ, — за большое дѣло не больше 10 содиновъ, за малое — 5 сода. Отговорникъ долженъ принадлежать къ одному состоянію съ своей стороной: кметъ, безъ дозволенія двора, не могъ быть отвѣтникомъ племенитаго чловека и на оборотъ (10, 54).

Винодольскимъ Законамъ не извѣстны ограниченія *права судебной защиты*, встрѣчающіяся въ Правдѣ и другихъ древнихъ уставахъ Славянъ. Не развитъ институтъ холопства, винодольскій уставъ вовсе не касается вопроса о положеніи холоповъ въ сферѣ суда, — вопроса, отрицательно рѣшаемаго Правдой. Можетъ быть, право судебной защиты не было доступно для однихъ стонниковъ, стоявшихъ какъ бы внѣ закона, лишенныхъ всякой правоспособности.

Съ другой стороны, Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, допускаютъ «правду», не только противъ виновнаго, но и противъ другихъ лицъ. Ближники, иногда и община (территориальная), призывались къ суду, для отвѣта по дѣламъ своихъ членовъ, лично уклонявшихся отъ суда и наказанія (см. о дикой вирѣ).

Процессъ, какъ и въ Русской Правдѣ, могъ вчиняться, или вслѣдствіе поимки виновнаго на преступленіи, съ *знаменемъ, тратомъ* (лицомъ Правды), или въ слѣдствіе *тужбы, остаченія* (поклопа). Въ обоихъ случаяхъ устанавливались различныя процессуальныя порядки.

Поимка преступника съ знаменемъ должна была всегда сопровождаться *кличемъ* — *помагайте*. Людямъ, сходявшимся на кличъ, показывалось лицо и самъ преступникъ, который вслѣдъ за тѣмъ представлялся въ судѣ (по 14 статьѣ, не дальше трехъ дней должно представить поличное въ судѣ). Дѣло рѣшалось на судѣ, безъ особеннаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «верованихъ»

сведоковъ», которымъ послѣ клича дѣлалось объявление (*показане*) о шкодѣ. Показанія обиженнаго и сведоковъ были главной основой суда надъ лицами, пойманными съ знаменемъ (23, 41). Такой же самый порядокъ суда «лицованныхъ» преступниковъ, съ немногими исключеніями, былъ издавна въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. О немъ говоритъ Русская Правда, старые чешскіе и другіе памятники славянскихъ законодательствъ (Данге Изслѣд. 256 Ирѣчка Slav. pr. I. 188. II. 223).

Тужба и *остаченъе* (иногда *притча*, *пра*) соответствуютъ поклёпу Правды, чешскому *пароку* или литовскому *соченью*. *Пра* и *притча* означали собственно иски и дѣла гражданскія; но иногда и акты вчинанія процесса по уголовнымъ дѣламъ называются *пра*. Большею же частію, уголовный поклёпъ носитъ названіе *тужбы* и *остаченъя* (9, 22, 23, 27, 48, 53 и пр.). Въ *тужбѣ* нужно видѣть первый актъ вчинанія процесса противъ нелицованнаго преступника, не пойманнаго съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія. По Винодольскимъ Законамъ, гдѣ нѣтъ *тужбы*, тамъ нѣтъ и суда (кади не би била *тужба*, нѣ едав *осуд*). Никого нельзя принуждать къ вчинанію *тужбы*: она предоставляется свободной волѣ каждаго (ш нега добру волю); начатую *тужбу* слѣдуетъ «на коначъ припелати» (38). Всякая *тужба* должна быть доказана; иначе за нее грозитъ пеня, какой подлежалъ бы обвиненный при дѣйствительности *остаченъя* (60).

Винодольскій уставъ не говоритъ подробно объ отдѣльных *поклёпныхъ актахъ*. Изъ соображенія отдѣльных статей видно, что къ такимъ актамъ относились: указане стороннимъ людямъ и суду шкody и лицъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе и обвиненіе въ ея совершеніи, — осмотръ шкody и вызовъ отвѣтчика къ суду. Къ предварительнымъ судебнымъ дѣйствіямъ въ гражданскомъ процессѣ относится главнымъ образомъ позовъ; въ вещныхъ искахъ допускается такъ называемая *личба*.

Указане соответствуетъ *оповѣди* (*opoved*) чешскаго права, *заповѣди* Правды, и состояло въ заявленіи стороннимъ людямъ и суду о шкодѣ. Если сосѣди созывались, посредствомъ клича, при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. Объявленіе такое, посредствомъ клича (заклича Правды) сосѣдей, было существенной принадлежностью процесса у всѣхъ Славянъ; указанія на него встрѣчаемъ также въ винодольскомъ уставѣ. Кромѣ клича сосѣдей, обиженный долженъ былъ заявлять о своей шкодѣ суду. «Я теби показую таково од таково ричи, или: тебѣ лим, да таково е учинил таковоу рич», — обыкновенная формула первоначальной *тужбы* истца или сока, заявлявшаго предъ судомъ о шкодѣ и ея виновникѣ (60).

Для осмотра шкody, по заявленной *тужбѣ* и *остаченью*, судъ отряжалъ пристава; показанія его на судѣ принимались послѣ въ число основанийъ судебного приговора. Приставъ получалъ особое вознагражденіе за свой трудъ; если при осмотрѣ оказывалось, что поличное малой цѣны (напр. мало говеда, мелкій скотъ) не обрѣталось въ цѣлости, то оно отдавалось приставу, а хозяинъ «ишти свое правди» (48 — 50).

О позовѣ мало говорятъ Винодольскіе Законы. Извѣстно только, что для про-

изводства позововъ назначались особыя лица, подъ названіемъ позовниковъ (65, 73); но какъ и въ какихъ формахъ производился самый позовъ, — объ этомъ ничего не извѣстно.

Винодольскіе Законы упоминаютъ еще о *личбѣ*, какъ объ отдѣльномъ процессуальномъ дѣйствіи, не указывая впрочемъ на сущность этого учрежденія. *Личба* можетъ имѣть мѣсто предъ княземъ и всякимъ его офиціаломъ, также предъ сатникомъ, а въ его небытность, — и предъ его женой. Лица, предъ которыми производится *личба*, получаютъ осудъ отъ сторонъ (не больше 6-ти либръ). Исслѣдователи видятъ въ *личбѣ* сходство съ судебнымъ закладомъ — чешскимъ *vdání*, *vadium*, *traditio* или *assignatio* другихъ законодательствъ. (См. Винод. Зак. 39, 61. Объ общемъ значеніи этого учрежденія у Славянъ см. Ирѣчка Slav. pr. I. 178—181. II. 217 — 222; Мацѣйовскаго Hist. I. 243. III. 275 — 279; Шафарика O Wzdání. въ Casop. cesk. 1844, стр. 385 — 399).

Болѣе подробно развито ученіе о *судебныхъ доказательствахъ* (показане). Винодольскіе Законы относятъ къ нимъ собственное признаніе, письменные акты, показанія свидѣтелей, присягу, поличное и улики, въ значеніи главныхъ и вспомогательныхъ средствъ судебной защиты. Въ особенности ученіе о свидѣтеляхъ (простыхъ сведокахъ и поротникахъ), ротѣ и лицѣ построено на началахъ, одинаково развитыхъ Русскою Правдою и другими памятниками славянскихъ законодательствъ. Собственно въ одномъ пунктѣ замѣтно значительное отступленіе Винодольскихъ Законовъ отъ Правды; въ нихъ нѣтъ ни слова объ *ордалияхъ*, развитыхъ въ особенности древнимъ законодательствомъ русскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Изъ хорватскихъ памятниковъ мы встрѣтили указанія на божьи суды, впрочемъ какъ уже на отжившій свое время институтъ, только въ грамотахъ XIII вѣка (1231 и др. годовъ), отмѣнявшихъ вездѣ обычай судебныхъ поединковъ (*Kukuljevića Jura* I. 57. 113 и пр.). Нѣтъ сомнѣнія, что у Хорватовъ, какъ и у всѣхъ Славянъ, въ старое время были въ обычаѣ и другіе виды *ордалий* (жельзо, вода); въ позднѣйшихъ уставахъ нѣкоторыхъ далматскихъ общинъ, вмѣсто *ордалий*, упоминаются муки, въ общемъ значеніи пытокъ (Рейца Политич. устр. 22, 193).

Мы скажемъ объ отдѣльныхъ родахъ судебныхъ доказательствъ, насколько они развиты въ Винодольскихъ Законахъ.

а) *Собственное признаніе*. Сюда относится слѣдующее правило Законовъ: подсудимый, при допросѣ (пристава или истца) — «е тако, воля ній», можетъ сознаться въ своей винѣ, но можетъ и отречься, «повидати волянъ е, воля таити» (21). Признанію дается вполне свободный характеръ; къ нему нельзя никого принуждать насильно.

б) *Письменные акты*. Упоминаются одни «квадрни», — торговые книги, входившія въ число доказательствъ по спорамъ между торговцами. Книгамъ не дается, впрочемъ, полной доказательной силы; при нихъ требуются еще свидѣтели, а по долгамъ меньшей важности (до 50 либръ) дозволяется подкрѣплять книги присягой (44).

в) *Свидѣтели* (сведоки, свидоци, свидоцтво). Этотъ родъ судебныхъ

доказательствъ особенно подробно развитъ винодольскимъ уставомъ, придававшимъ свидѣльскимъ показаніямъ весьма важное значеніе въ процессѣ по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Показанія свидѣтелей, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, имѣютъ полную доказательную силу: при нихъ не требуются другія доказательства, необходимы только при недостаткѣ свидѣтелей. Въ уставѣ прямо говорится: кто представляетъ предъ судомъ доказательства, тотъ долженъ прежде всего сослаться (помакнуть) на свидѣтелей и доказать, «да тако ест». Съ другой стороны, если сторона представляетъ другія доказательства, особенно не имѣющія полной силы, они должны быть подтверждены свидѣтелями (11, 22, 56, 64 и пр.).

Винодольскій уставъ, подобно Правдѣ, различаетъ сведоковъ и поротниковъ, устанавливая спеціальныя условія дѣйствительности показаній тѣхъ и другихъ.

а) *Сведоки*. Подъ ними разумѣются очевидцы, посторонніе знатоки дѣла. Отъ сведоковъ требуются слѣдующія условія:

1) *Доброе имя* (добрый гласъ). Винодольскіе Законы требуютъ, чтобы къ показаніямъ на судѣ, въ качествѣ сведоковъ, допускались «добрые, вѣроваемые люди или подобные сведоки, добрые мужи, сведоки добра гласа». Только показанія добрыхъ людей, пользующихся хорошей репутаціей, принимаются за «веровано сведочаство». Добраго гласа, а съ нимъ и права быть свидѣтелемъ, лишаются въ особенности люди, изобличенные въ «фалсъ», лжесвидѣтельствѣ. (7, 18, 23, 27, 28, 30, 44, 52, 53, 59, 66).

2) *Знаніе дѣла*. Стороны (истецъ и отвѣтчикъ) доказываютъ своими свидѣтелями, «да тако ест». Ссылаясь на свидѣтелей, истецъ или отвѣтчикъ обращался къ судѣ съ словами: «та и таков *ви* (вѣдаетъ, знаетъ), да тако ест» (22, 47). Кромѣ свидѣтелей, непосредственно знакомыхъ съ обстоятельствами, о которыхъ даются показанія, дозволялось въ вещныхъ и долговыхъ искахъ прибѣгать къ доказательству «*мъртвыми сведоки*», т. е. истцу дозволялось, если не было въ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ, сослаться на стороннихъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ *по слуху*, слышавшихъ о дѣлѣ отъ очевидцевъ при ихъ жизни. Свидѣтельство по слуху не имѣетъ полной доказательной силы; при этомъ требуется еще подтвърдительная присяга стороны, ссылающейся на свидѣтельство по слуху (76).

3) *Число сведоковъ* опредѣляется различно. Иногда требуются просто «сведоци» или «веровани сведок». Въ большинствѣ случаевъ принимается minimum — три свидѣтеля по большому дѣламъ и одинъ свидѣтель — въ обыкновенныхъ случаяхъ (7, 23, 27, 28, 52).

4) Не видно, чтобы отъ сведоковъ требовалась *присяга*. Она составляла главное условіе дѣйствительности показаній поротниковъ.

5) Въ некоторыхъ случаяхъ принималось во вниманіе *общественное положеніе* сведоковъ. Сатникъ, грашникъ и бусовитъ, по дѣламъ, имѣвшимъ связь съ ихъ службой, допускались къ свидѣтельству не иначе, какъ по прошествіи года со времени оставленія ими должностей (26). Собственно сословныя различія не имѣли

мѣста въ дѣлахъ свидѣльскихъ показаній: пастыри, орачи и «иные люди добра гласа» допускались въ сведоки на общемъ основаніи (66).

6) Способность являться на судѣ въ качествѣ сведоковъ зависѣла въ значительной степени отъ различія *половъ*. Женщины «добра гласа» принимаются въ сведоки только по нуждѣ, когда «нѣй вете сведоки», и то главнымъ образомъ — въ дѣлахъ между женщинами (18, 27, 28).

7) Значеніе сведоковъ зависѣло также отъ болѣе или менѣе близкихъ *семейныхъ связей* между ними и сторонами. Жена вовсе не могла быть свидѣтелемъ въ дѣлахъ мужа; отецъ, сынъ, братъ, сестра, допускаются свидѣтелями одинъ за другимъ только съ тѣхъ поръ, когда, по выраженію Винодольскихъ Законовъ, «стое всак по себи и раздѣлени есу мею собомъ» (20, 67).

Каждый свидѣтель, представленный тяжущимися, не прежде допускался къ показаніямъ на судѣ, какъ послѣ предварительнаго разспроса пристава (перво питан од пристава), который долженъ былъ удостовѣриться въ томъ, удовлетворяетъ ли сведокъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ закономъ (19).

Тяжущіеся могли имѣть отдѣльныхъ своихъ свидѣтелей; но допускалась и *общая ссылка* на однихъ и тѣхъ же сведоковъ. Истецъ могъ сослаться на свидѣтелей въ томъ, что «та и таков *ви*, да тако е»; въ свою очередь, отвѣтчикъ могъ признать тѣхъ же свидѣтелей, утверждая, что «та и таков *ви*, да тако нѣй». Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось въ пользу того, на чьей сторонѣ будутъ свидѣтели (47).

Свидѣтели, въ показаніяхъ своихъ на судѣ, не зависѣли отъ тяжущихся, могли быть «не справни» съ сославшейся на нихъ стороной, могли дать показанія, противныя ея интересамъ. Свидѣтели являлись на судѣ какъ бы въ качествѣ его *органовъ*; дѣятельность ихъ имѣла не столько частный, сколько публичный характеръ. Противъ «несправныхъ» свидѣтелей, тяжущіеся имѣли одно средство — *отводъ* ихъ, посредствомъ уличенія въ «фалсъ», лжесвидѣтельствѣ. Хотя винодольскій уставъ дозволяетъ сторонамъ «поити супротъ своему сведочаству»; но противъ ложнаго сведока нужно было представить не меньше трехъ добрыхъ сведоковъ. Лицо, устраненное изъ числа свидѣтелей, вслѣдствіе изобличенія его въ лжи, подлежало штрафу, на равнѣ съ «кривымъ» приставомъ, безъ дозволенія двора не можетъ больше быть свидѣтелемъ ни ни по какимъ дѣламъ (52, 53).

β) *Поротники* (ротники). Винодольскіе Законы говорятъ о поротникахъ, какъ объ изстаринномъ институтѣ, вполне сходномъ съ очистниками и помощниками старочешскихъ законовъ, Русской Правды и другихъ славянскихъ законодательствъ. Законы довольно точно опредѣляютъ суть института поротниковъ (истца и отвѣтчика), дѣла, по которымъ они требуются, условія ихъ допущенія, порядокъ присяги и показаній, наконецъ общее значеніе ихъ въ цѣломъ процессѣ.

Подъ поротниками *вообще* разумѣются сторонніе люди, которые, не касаясь обстоятельствъ суднаго дѣла, своей присягой только удостовѣряли справедливость присяги сторонъ. Поротники могли быть со стороны истца и отвѣтчика. *Истцовы* поротники *подкрѣпляли* присягу истца, дававшуюся имъ въ подтвержденіе своей

жалобы или обвиненія (тужбы, остаченя). *Отвѣтчикъ очищалъ* свою виновность тоже посредствомъ своихъ поротниковъ: «осваени од неѣ има се *очистити* самъ педесет, найдуть своихъ поротники». Поротники, по выраженію чешскихъ источниковъ, подтверждали «*dobru aneb zlu povest*» (хорошую или дурную репутацію) отвѣтника или истца (о поротникахъ истца см. Винод. Закон. 41, 56; отвѣтника — 9 — 10, 68).

Поротники допускались только при тужбѣ въ *тяжкихъ* преступленіяхъ, устранялись въ такихъ случаяхъ, когда требовались положительные доказательства безъ помощи поротниковъ. Къ дѣламъ, по которымъ они допускались, Винодольскіе Законы относятъ: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщинъ, также татбу и зажигательство (9 — 11, 56, 68).

Къ главнымъ условіямъ допущенія поротниковъ по исчисленнымъ дѣламъ относятся:

1) *Тужба (остаченъе)*. Поротники допускаются только противъ и для «осваенныхъ», т. е. лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но уличенныхъ, явно подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія (ако су в тои татби шкодни), особенно если противъ нихъ «клицано — помагай». Тужба голословная, ни на чемъ не основанная, не считается еще достаточнымъ поводомъ допущенія очистниковъ, — для этого необходимы прежде всего явныя улики въ винѣ подсудимаго. Винодольскіе Законы считаютъ поротниковъ вполне «верованными», если истецъ, при своей тужбѣ, представить въ судъ положительное, какъ главную улику противъ подсудимаго: «онимъ ротникомъ ни ма се веровати, него ако возму всаки трат ки е прегрѣшъ за неѣ кривину знамене» (9. 41, 68).

2) Недостатокъ *сведочаства* и другихъ *положительныхъ доказательствъ*. Истецъ могъ обращаться къ своимъ поротникамъ, если, при явныхъ уликахъ, онъ не имѣлъ свидѣтелей и другихъ прямыхъ доказательствъ: «ако се не буде могли направити шню по ники закон, воля ако од речене сили ни ма сведоки», — или просто: «ако ни ма сведоци свѣрху кривца». Въ тѣхъ же случаяхъ отвѣтчикъ долженъ былъ присягать съ поротниками, если истецъ откажется отъ своего довода, пустить противника на присягу, «пусти се на роту» (9, 11, 56, 68).

3) *Число* поротниковъ точно опредѣляется самымъ закономъ. Винодольскій уставъ призываетъ поротниковъ, назначая *minimum*, смотря по роду дѣла. Самое большее число поротниковъ требуется при разбоѣ: кривацъ, пущенный истцомъ на роту, долженъ присягать «само .п. тер .е.». — съ 85 поротниками (въ паральномъ текстѣ, по ошибкѣ, сказано: .к. тер .е.). Обвиненный въ убійствѣ очищается «само педесет». При изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татбѣ — 12, малой — 6 поротниковъ (9 — 11, 56, 68). Эти числа означаютъ только *minimum*; но уставъ часто предлагаетъ истцу или отвѣтчику — «наиди поротнике како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море». При недостаткѣ требуемаго числа поротниковъ, сторона, ихъ представившая, обязана сама произнести очистительную присягу за каждого изъ недостающихъ поротниковъ (10, 56, 68).

4) Поротники должны были удовлетворить также общимъ условіямъ наравнѣ съ простыми сведоками. По крайней мѣрѣ, поротники избирались изъ *добрыхъ* (верованныхъ) людей, пользовавшихся хорошей репутаціей; изнасилованная женщина представляла поротниковъ изъ *женщины же*, «како болѣ ви» (41, 56). Не видно, чтобы допущеніе кого либо въ поротники зависѣло отъ общественнаго положенія и семейныхъ связей съ тяжущимися.

Поротники собирались на купы, «на месту обичайномъ», всегда въ присутствіи дворскаго челоуѣка (пристава и пр.). Послѣ предварительнаго заявленія сходкѣ со стороны отговорника о готовности поротниковъ къ присягѣ, они присягали вмѣстѣ съ своей стороной или отдѣльно отъ нея, каждый порознь касаясь рукой евангелія и произнося «роту» по установленной формѣ. Отъ поротниковъ требовалось, чтобы они произносили роту (форму присяги) безъ ошибки, «не уманькаю»; иначе сторона, съ которой они присягали, теряла свое дѣло: супротивникъ «буде одришен од гриха» (42, 44, 56, 69). При безукоризненномъ исполненіи роты, дѣло считалось окончательно порѣшеннымъ.

Замѣтимъ наконецъ, что показанія поротниковъ, какъ видно изъ Винодольскихъ Законовъ, почти уравнивались съ судебнымъ приговоромъ. Выраженіе: «люди ротвици за *осудити* кривце», ясно указываетъ на важную роль поротниковъ въ процессѣ. Своими присяжными показаніями они осуждали виновнаго; для судей ничего больше не оставалось, какъ только формулировать приговоръ поротниковъ. Поротники такимъ образомъ сближались до известной степени съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ, въ значеніи не сторонниковъ тяжущихся, но судебныхъ органовъ.

d). *Присяга (рота)*. Показанія сведоковъ и поротниковъ принимаются Винодольскими Законами, какъ главные средства судебной защиты, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Рота выступаетъ на первый планъ только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ свидѣтелей. Въ Законахъ прямо говорится: «вапіут убо помагайте (при ночной татбѣ, безъ свидѣтелей), есу веровани, *ако реку с роту* (подъ присягой), да есу онога злоторца познали» (7); или еще яснѣе: «ако парац *ни ма сведочаства* свѣрху кривца и пусти се на роту»; или «ако убо онде *ни су сведоци добри*, присези, ки таи» (9, 27). Подобнымъ же образомъ, истецъ или отвѣтчикъ восполнялъ собственной присягой не достающее число поротниковъ (10, 56, 68). Во всѣхъ такихъ случаяхъ присяга имѣла значеніе *полнаго* судебного доказательства. Иногда присяга требовалась, только какъ *вспомогательное* доказательство, при другихъ не имѣвшихъ полной силы. Такимъ образомъ, «крыв (кровавыя раны, имѣвшія сами по себѣ не полную силу) му е верована, ништарманѣ има *с роту потвърдити*, ако ну су онде сведоци» (64): при ранахъ необходимы еще дополнительные доказательства — свидѣтели или присяга, восполняющія доказательную силу ранъ. Въ значеніи же вспомогательнаго средства допускается присяга въ долговыхъ и вещныхъ искахъ. Если цѣнность иска превышала положенную норму (50 либровъ — въ спорахъ между торговцами, 1 либръ — въ меньшихъ школахъ), то книги (торговья) нужно было еще «притвърдити» присягой (42 — 44).

Стороны присягали сами, а въ болѣе важныхъ случаяхъ — съ поротниками, которые, какъ мы видѣли, призывались въ важнѣйшихъ поклепныхъ дѣлахъ и покрѣпляли въ данномъ случаѣ достовѣрность присяги истца или отвѣтчика. По различію сторонъ, приносившихъ присягу въ защиту своей правоты, присяга раздѣлялась на *подтвердительною* и *очистительную*. Подтвердительная присяга истца дозволялась предпочтительно предъ очистительной присягой отвѣтчика (о присяге истца см. 7, 42—44, 64; отвѣтчика — 9, 27). Истцу въ особенности давалось преимущественное право на присягу, если противъ отвѣтчика предъявленъ поклепъ или есть какія либо улики, напр. кличъ, знаки или слѣды преступленія и пр. (7, 64). Въ такихъ случаяхъ зависѣло отъ воли истца — присягать ли самому, или «пустить на роту» отвѣтчика, возложить на него обязанность очиститься отъ обвиненія присягой, или наконецъ вовсе освободить его отъ присяги (добро простити или пустити роту), ограничившись лишь показаніями по совѣсти (9, 27, 69).

Присяга имѣла тѣ же послѣдствія, какъ и показанія свидѣтелей. Присяга имѣла вполнѣ дѣйствительную силу, если произнесена «с роту сверхъ книгъ» («такъ нут у свето евангеле»), «не уманькаю», безъ запинки и ошибокъ (42, 44). Кто надлежащимъ образомъ исполнилъ присягу, тотъ «буди прост, одришен од тога гриха», — «од те правде (суда) ни ма се вете напридъ брѣжити (прити, искать), на паче пошпишонъ та (о второмъ шелъ споръ) слободно и мирно уживай тере държи» (27, 56, 76).

е) *Поличное* и *улики* (знамене, трат, кърв, знаки и пр.). Лицу Правды соответствуетъ *знамене* Винодолскихъ Законовъ, какъ и *кличованный* злотворецъ вполнѣ напоминаетъ лицованнаго (*prilicny, licovanu, lipny*) преступника чешскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ. Поимка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ кличъ, сама собой изобличала его въ преступленіи, была такимъ же рѣшительнымъ доказательствомъ, какъ и показанія свидѣтелей (23, 71).

Подъ знаменемъ разумѣются въ винодолскомъ уставѣ также простыя *улики* (трат, слѣд, кърв, знаки и проч.). Знаменіе, въ значеніи лица и простой улики, должно быть предварительно показано «верованнымъ сведокамъ» и представлено судьямъ, «приказано к правдѣ». Изъ статьи о кровавыхъ ранахъ (кърви) видно, что простыя улики не составляли полного доказательства, восполнялись еще вспомогательными средствами — свидѣтелями или присягой (23, 41, 64).

Ученіе о судебныхъ доказательствахъ, какъ главномъ основаніи цѣлаго процесса, исчерпываетъ собой почти всѣ постановленія Винодолскихъ Законовъ по судопроизводству. Опредѣливъ до подробностей средства судебной защиты, Законы заканчиваютъ этимъ свое ученіе о процессѣ, въ особенности почти вовсе умалчиваютъ о постановленіи и исполненіи *судебныхъ приговоровъ* (направа, осуд, одсудъ). Видно только, что право *положить осуд* усвоится судьямъ. «Показане» (доказательства) сторонъ — главные основанія приговора; въ немъ судьи оправдывали или обвиняли отвѣтчика, назначая пени по закону или «заговору» сторонъ. Обиженный, донскавшійся своего права по суду, могъ требовать, чтобы за обиду было ему «задоволе учинено» (25, 31, 40).

Винодолскіе Законы представляютъ сборникъ старыхъ обычаевъ, по которымъ издавна жили винодолскія общины. Подобно Русской Правдѣ, Псковской судной грамотѣ и другимъ древнѣйшимъ русскимъ уставамъ, Законы отличаются судебно-административнымъ характеромъ, главнѣйшимъ образомъ касаются отношеній права уголовного и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе въ уставѣ винодолскомъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ общинъ. Любители славянской старины найдутъ въ немъ пропасть указаній на институты глубокой древности, берущіе свое начало чуть ли еще не въ эпоху общеплеменной жизни Славянъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что Винодолскимъ Законамъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ, — ихъ нужно ставить рядомъ съ Русской Правдой, Душановымъ Законникомъ, Полицкимъ Статутомъ и пр.

Мы не совсѣмъ исчерпали богатое содержаніе Винодолскихъ Законовъ, только намѣтили болѣе крупныя явленія, указывающія съ особенной яркостью и очевидностью на сходство Законовъ со всѣми древнѣйшими памятниками славянскихъ законодательствъ. Полное объясненіе Винодолскихъ Законовъ въ настоящее время едва ли и возможно, при большой испорченности многихъ мѣстъ устава по изданію Мажуранича. Можно пожелать, чтобы выѣсто доступнаго доселѣ для научныхъ изслѣдованій стараго списка Законовъ, читающагося съ большимъ трудомъ, обнаруженъ былъ вновь открытый его списокъ, сколько извѣстно менѣе испорченный, сравнительно съ старымъ спискомъ.

Мацѣйовскій, переводомъ Винодолскихъ Законовъ на польскій языкъ (Hist. VI. 332 — 350), значительно облегчилъ пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, переводомъ Мацѣйовскаго нужно пользоваться съ большою осторожностью: въ немъ нерѣдко допущены большія неточности и крайне произвольныя толкованія, извращающія настоящій смыслъ постановленій, — не вѣрно переданы, не только отдѣльныя слова и выраженія, но и часто цѣлыя статьи устава. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшія мѣста, не точно переданныя Мацѣйовскимъ.

Ст. 3. Оште свѣрху поп *оптине речене* та исти бискуп не море ниште заповидати, воля взети, *нере* *ида он сам пошле*, воля гре по кнежтву.

Nie może też Biskup Księżom jakowej gminy nakazywać lub odejmować im co, chyba gdy wprost od siebie da nakaz, lub uczyni to w czasie swego po księstwie przejazdu.

Въ переводѣ невѣрно передано значеніе «оптине речене». Здѣсь, какъ видно изъ самаго смысла статьи, говорится не объ отдѣльной общинѣ, входящей въ составъ Винодола, но о цѣломъ Винодолѣ, называвшемся также оптиной. Кромѣ того, переводъ цѣлой статьи просто не имѣетъ смысла, грѣшитъ явнымъ противорѣчіемъ между обѣими частями постановленія: если епископъ не могъ ничего приказывать, то не значить ли это, что онъ и «wprost od siebie» не могъ давать «nakaza»? Дѣло въ томъ, что 2 и 3 статьи говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ — о запрещеніи епископу брать что либо у церквей, монастырей и поповъ самовольно, безъ согласія церковныхъ старостъ и поповъ. По второй статьѣ, «епископъ не можетъ ничего налагать или брать у церквей, аббатствъ или монастырей,

кроме того, что дадутъ церковные старосты по своей доброй волѣ». Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ переводить и третью статью:

«Епископъ не можетъ ничего приказывать, ни брать у попа упомянутой общины (Винодола), кроме тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ (т. е. попъ) пошлетъ (епископу), или когда (епископъ) идетъ по княжеству».

Ст. 9. Ако буде предъ дворомъ од силн пра, воля од татби, свѣрху не буду рпчи, и парац ни ма сведочаства свѣрху кривца и пусти се на роту, од рубань*) и ма кривац присет само .п. тер. .е., **) и от татби именовани свѣрху само .в.і., ако су в тои и татби шкодни, и ако онде е кличан — помаган.

Gdy się spierają przed dworem (czyli księciem) o gwałt lub kradzież jakiej bądź rzeczy, a powód nie mogąc przeciwnika przeprosić świadkami puści się na przysięgę o rozboj, (ma wtedy) oskarżony (o tenże rozboj) przysiędź samo 20 lub 25, a powód samo 12 tylko: ów że nie słusznie oskarżony jest, a ten że skarży go słusznie i że wolano pomagajcie.

Мацѣйовскій рѣшительно не понялъ смысла статьи. Въ ней дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда истецъ, въ дѣлѣ по разбою или татбѣ, не имѣетъ свидѣтелей (простыхъ очевидцевъ) и пустилъ отвѣтника на присягу, т. е. предоставитъ ему очиститься отъ обвиненія собственной присягой съ поротниками. Пуская отвѣтника на роту, истецъ тѣмъ самымъ отказывался отъ своего права обратиться къ поротникамъ, — дѣло рѣшалось по одной очистительной присягѣ отвѣтника. Въ настоящемъ случаѣ говорится объ обвиненіи по двумъ различнымъ преступленіямъ (разбою и татбѣ) и о поротникахъ одного отвѣтника. Естественно требовать, чтобы обвиненіе въ болѣе тяжкомъ преступленіи (разбоѣ) очищалось и болѣе числомъ поротниковъ (85-ю, а не 20 или 25-ю по переводу), чѣмъ обвиненіе въ меньшемъ преступленіи (татбѣ, — только 12 поротн.). — Окончаніе статьи, отъ словъ: «акои су въ тон и татби», также невѣрно понято. Дѣло въ томъ, что истецъ не всегда могъ пускать отвѣтника на роту, т. е., другими словами, не всегда могъ налагать на него часто хлопотливую и затруднительную обязанность отскакивать поротниковъ и присягать съ ними. Русская Правда допускаетъ очистниковъ только при поклепѣ, чешскіе законы — тоже только при сочненіи или нарочкѣ. Того же начала держатся и Винодольскіе Законы. Въ нихъ принято за правило — позволять истцу пускать кривца на роту только въ такомъ случаѣ, когда кривацъ «въ тон и татби шкодни», т. е. когда явно подозрѣвается или обвиняется въ совершеніи татбы, и когда при томъ былъ кличъ о помощи. И такъ, настоящую статью слѣдуетъ переводить такимъ образомъ:

«Если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло по разбою или татбѣ какой либо вещи и истецъ, не имѣя свидѣтелей, пустилъ виновнаго на присягу, то виновный долженъ присягать — по разбою самъ 85-ть, по татбѣ самъ 12-ть, коль скоро онъ (виновный) подозрѣвается въ совершеніи татбы и былъ при томъ кличъ о помощи».

*) Въ параллельномъ текстѣ не вѣрно поставлена запятая послѣ слова «од рубань». Ея мѣсто предъ нимъ.

**) Въ паралл. текстѣ, по ошибкѣ, поставлено: „.п. тер. .а.“

Ст. 10. И оште од татбе, од мошуне и отъ жита пожгана, ко стои на поли, и од сена взета и на стогу в ноти од тога учинена, има се одприсети само шест. И ни ма имити одговорника тат през воле двора: ниште мане он, ки присети има, нанди поротнике....

Także oskarżony o kradzież, o popalenie zboża będącego w wiązce, lub żyta stojącego na polu, zżęcie w nocy stana na łące, lub w brogu złożonego, ma odprzysiędź się samo sześć, a złodziej nie ma odprzysiędź się też, chyba gdy dwór pozwoli na to; ten zaś który przysięga, to jest powód, może przywieść oczyszczytelników....

Сравнивъ эту статью съ только что разобранной, увидимъ, что въ обѣихъ развивается мысль объ одномъ и томъ же предметѣ, именно объ условіяхъ, при которыхъ допускается для отвѣтника (не истца) очистительная присяга. Статья девятая обязываетъ отвѣтника, пущеннаго на роту, имѣть въ дѣлахъ по татбѣ (большой) 12 поротниковъ. Дальнѣйшее развитіе того же правила представляетъ слѣдующая за тѣмъ десятая статья. Смыслъ ея слѣдующій: въ тѣхъ же случаяхъ, т. е. когда истецъ пустилъ на роту, обвиняемый въ малой татбѣ долженъ присягать самъ — шесть. «Безъ дозволенія двора, татъ не можетъ имѣть отговорника (который бы вмѣсто него присягалъ); но тотъ, кто долженъ присягать (татъ), пусть найдетъ поротниковъ» и т. д.

Ст. 22. Оште ако се ки прикаже предъ дворомъ притче показане, има помакнути свидоки и указати, да тако ест.

Gdy się kto przykaże ku rozprawie sądowej, czyli zobowiąże stanąć przed dworem i zapisze się na stawienictwo, ma też stawić świadków i pokazać że tak jest, nie mitrząc czasu, i nie nalegając na to ażeby drugi jeszcze dano termin dla stawienia świadków.

Здѣсь также допущено произвольное толкованіе. «Притча» встрѣчается въ древнихъ русскихъ и сербскихъ законахъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи судебного дѣла, иска или тяжбы. Такой же смыслъ имѣетъ притча Винодольскихъ Законовъ, — въ другихъ статьяхъ она называется «пра», что значитъ судебный споръ, искъ. «Показане» — вообще доказательство, представляемая въ подтвержденіе или отрицаніе притчи. Въ настоящемъ случаѣ говорится о доказательствахъ, которыя «приказываетъ» (заявляетъ, представляетъ) истецъ въ подтвержденіе своей притчи. О явкѣ на судъ здѣсь нѣтъ и помину. И такъ, 22 статья можетъ быть переведена такъ:

«Кто представляетъ предъ дворомъ доказательства по (своему) дѣлу, тотъ долженъ сослаться на свидѣтелей и доказать, что такъ есть (какъ утверждаетъ истецъ)».

Ст. 29. И оште ако би ки убил од подкнежинов или од слуг од обители кутне идна, од перманов, тер би ушал и не могал се ети, да кнезъ вазме вражбу.... да ако се еме та злотворац и нега има та исти кнез или ники место нега учинити коюди матени буде хоти.

Gdy zastępcą księcia lub sługa dworowy księcia pana czyli permana, zabójstwo popełniwszy zbiegnie, i złapany być nie może, wtedy książę wezmie (zrobi) wroźbę.... gdy się pojawi ów zloczyńca, może go książę, nikt zaś inny, męczyć jak zechce.

Выраженіе: «ки убил *од* подкнежиновъ», сходно съ слѣдующимъ мѣстомъ 31-й статьи: «ако би ки убил никога кмета или *од* рода кметъ». Въ обоихъ случаяхъ употреблено одинаковое выраженіе и въ одинаковомъ смыслѣ: кто убил *кого изъ* подкнежиновъ; кто убилъ какого нибудь кмета или *кого изъ* рода кметовъ. Дѣло въ томъ, что въ 29 — 31 статьяхъ развивается одно и тоже положеніе уголовного права. Винодольскіе Законы различаютъ преступленія, касавшіяся княжихъ людей и кметей, людей обтинскихъ. За убійство княжихъ людей вира берется («вазме») не вѣрно пояснено въ переводѣ словомъ «згоби») княземъ; ему же принадлежитъ и право мести (матене). Вира за убійство кметей платится общинѣ. Вражда равнозначительна съ дикой вирой Правды. Матене не точно переведено словомъ *тезубъ*: здѣсь нужно видѣть не больше, какъ выдачу преступника на произволъ князя, — наказаніе, весьма близко подходящее къ потоку Правды. Право «матене» представляется здѣсь не одному князю, какъ говорится въ переводѣ, но и всякому другому, который, вмѣсто князя, можетъ учинить матене.

Можно привести еще до десятка мѣстъ, не точно переведенныхъ Мацѣйовскимъ. Таково начало 30-й статьи:

«И оште ако ки учпни заседане *од реченихъ подкнежиновъ*», т. е. если кто учинить засаду *надъ кѣмъ изъ упомянутыхъ подкнежиновъ*. Въ переводѣ сказано: кто изъ подкнежиновъ учинить засаду.

Статью 32-ю о наслѣдствѣ нужно переводить такъ: «если по смерти отца и матери останутся сыновья и дочери, то къ наслѣдству призываются сыновья (братья тѣхъ дочерей); когда сыновья остались и умерли безъ наслѣдниковъ (речи), тогда имущество отцовское и материнское получаютъ дочери, съ обязанностию отпирать въ пользу двора всю ту службу, которой были обязаны ихъ отецъ и мать».

Въ 43 статью говорится о говернарѣ и его подружничѣ, «ки вино продае», — о хозяинѣ корчмы и его товарищѣ, или прикащикѣ, отъ имени хозяина завѣдывавшемъ продажей вина. Переводъ говоритъ о «szynkarz'ѣ ошѣломъ и не ошѣломъ, развозящемъ вино по краю.

Не точно передана вся 45 статья, изложенная въ текстѣ впрочемъ крайне запутано. Прежде всего слѣдуетъ исправить ошибки параллельнаго текста, затемъ выясняющія смыслъ закона. Вторую половину статьи мы читаемъ слѣдующимъ образомъ:

.... «схранено, ако би гдну кнезу видити вете дати знати за ники хуа офицій воля нiku ину рич (ка би видити пристояти истому тому кнезу) вверхъ тнхъ .м. солдини. Има присет, како е дал, вола обетал е дати, он, ки говори, да е ту исту цену дал. И да ю е пзискал и знашал, двору за осуд од тнхъ .м. солдппи нима ниште дат нере солдини .е., за всаку малу живину — солдини .в».

Т. е.: исключая тотъ случай, когда князь захочетъ дать больше 40 солдинновъ, за открытіе какого либо злоупотребленія по службѣ или за иное дѣло, касающееся князя. Кто говоритъ (въ случаѣ спора о платѣ), что далъ цѣну или обѣщалъ ее дать, тотъ долженъ присягнуть (въ томъ), что онъ (дѣйствительно)

ее далъ. И (въ такомъ случаѣ) тотъ, кто получилъ ее, долженъ дать двору осудъ (судебную пеню) изъ тѣхъ 40 солдинновъ не больше 5 солдинновъ, за всякое малое животное — 2 солдина.

Мѣсто 53-й статьи: «вола ако е ники сведок помакнен за нiku рич предъ дворомъ, а ни(ка) од стран отела би поити супротъ своему сведочаству, море учинити, ако има сведоке», слѣдуетъ переводить такъ:

«Или если какой либо свидѣтель призванъ предъ дворъ по какому либо дѣлу, а одна изъ сторонъ захочетъ пойти противъ своихъ свидѣтелей (т. е. будетъ отрицать ихъ показанія), то ей дозволяется это въ такомъ случаѣ, когда она имѣетъ (другихъ) свидѣтелей».

Мѣсто въ концѣ 56 ст.: «И вси не поротници маю бити жене; и ка се онде рота, да не одговорникъ има одговорити, да с ону роту присегу, а она има присети, како е згора речено», переводятся такъ:

«И всѣ ея (не) поротники должны быть женщины; и когда (наступить) присяга, ея отговорникъ (судебный защитникъ) долженъ заявить, что они (поротники) присягнутъ по ротѣ (формѣ присяги), а она (обиженная) должна присягнуть, какъ выше сказано».

Въ 62-й ст.: осудить «на живот и на смѣртъ» означаетъ осудить на смертную казнь, а не «на заключеніе въ тюрьму, а потомъ на смѣртъ» по переводу.

«Завези и заговори» 14, 55 и 75 статей означаютъ не «обязательства, противныя закону или заключенныя княземъ безъ воли вѣча», но обыкновенныя судебныя сени, назначавшіяся не закономъ, но соглашеніемъ сторонъ съ судьями. Пени же слѣдуетъ видѣть въ «рачени, обранене, осуд и бандъ» 40 и 75 статей. «Бандъ» 25 статьи — не «grękoimi», но также осудъ.

Встрѣчаемъ и другія неточности. Напр., «бранене» (брань) 18-й статьи переведено, какъ «danie pomocy znajdującemu się w potrzebie obrony». «Господа» 14-й статьи не вѣрно пояснена словомъ «рап». «Ротники» 73 ст. означаютъ не урядниковъ, завѣдывавшихъ присягами, но присяжныхъ позовниковъ или, что еще вѣроятнѣе, присяжныхъ судей.

а) Государственное устройство по Загребскому Статуту 1242 г. Загребъ съ своей областью, *комитатомъ*, еще до значительной степени удерживаетъ характеръ старой славянской *жуны*, т. е. союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ (*vicus, villa* или просто *communitio*), съ центральнымъ своимъ мѣстомъ — *градомъ* (*civitas*). *Territorium* такой жупы слагается изъ *земель* (*terra*) — округовъ отдѣльныхъ общинъ.

Въ понятіе *conciivium* входитъ вообще совокупность гражданъ цѣлаго Загреба; но иногда подъ *conciivium* разумѣются только члены меньшихъ общинъ. Замѣчательно, что въ Статутъ 1242 г. вовсе не упоминаются сословія: ему известны только туземцы, собственно граждане (*civis, indigenae, incolae*) и чужеземцы (*hospitis, extranei*). Чужеземцы пользуются защитой закона, наравнѣ съ горожанами.

Король (*rex*) упоминается въ значеніи верховнаго судьи. Банъ (*banus*) — мѣстный правитель Славоніи; при немъ состоитъ *vice-banus*. Баны принадлежатъ къ древнѣйшимъ хорватскимъ учреждениямъ. О нихъ упоминаетъ еще Порфирородный. По извѣстіямъ XI — XII вѣковъ, хорватскихъ королей избирали, по обычаю, слѣдующіе семь бановъ: *banus Croatiae, b. Bosniae, b. Slavoniae, b. Posigae, b. Podramae, b. Albaniae* и *b. Sremi* (Jura I. 21 Ark. II. 4). Какъ видно изъ старыхъ грамотъ, баны уравнивались вообще съ *comes, ducis, jupanis* (жупаны). Изъ позднѣйшихъ учрежденій имъ соответствуютъ *spani, knezi*. Названіе бановъ удержали областные правители хорватскіе до новѣйшаго времени (Jura I. 15, 46. II. 341. Ark. I. 203 и слѣд.). Баны извѣстны также въ Босніи и другихъ земляхъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 42. Кстича Разсматриваніе о старимъ сръбскимъ правима, въ Гласн. IX, 106).

Общины загребской области управлялись старшинами — *majores* и *jobagiones*. Старшины городскіе носятъ общее названіе *majores civitatis*, сельскіе — *jobagiones de villis*. По грамотѣ 1298 г. загребскаго епископа Августина (сельскимъ общинамъ комитата Загреба) къ *majores civitatis* относятся *comes* града и *castellanus*, къ старшинамъ сельскимъ — *majores villae et senioris*. Старшинъ избираютъ общины (Jura I. 488).

Названіе *jobadiones* перешло изъ венгерскаго права и означаетъ то же самое, что и славянская *господа*. *Domini* *tergae* загребскаго устава, по нашему мнѣнію, нужно понимать именно въ смыслѣ *господы*. У всѣхъ южныхъ Славянъ, *господа* означала совокупность учреждений и властей, завѣдывавшихъ общественными дѣлами. Винодольскіе Законы говорятъ въ значеніи *господы* о купцѣ, князѣ и другихъ. Старшинахъ, иногда просто о «господѣ онога града». Въ старыхъ грамотахъ часто упоминается «господа сръбска, ранска, хумска, дубровачка» и пр. Господа извѣстна Полицкому Статуту, Псковской судной грамотѣ, древнимъ чешскимъ законамъ. Вездѣ *господа* означаетъ старшинъ, владѣтелей, главарей, *primates populi, proceres* и пр. (Jura I. 6, 8, 10 и пр.). Хорватскіе памятники, начиная съ XIII вѣка, говорятъ въ смыслѣ такой же *господы* о *jobadiones*, къ которымъ относятся бановъ, князей, жупановъ, *majores villae* и другихъ народныхъ старшинъ, иногда и *palatini, comitis curiali regis* и пр. (Jura I. 64 — 67, 80. III. 3 и др.). Господа и *jobadiones* соответствуютъ уряду и урядникамъ чешскимъ, польскимъ и литовско-рускимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Изслѣдованіе Законовъ града Загреба.

Исторія памятника и обзоръ его содержанія. Указанія по государственному устройству: составъ загребской области; банъ, *majores* и *jobagiones*; *convasationis*. Судебныя учрежденія. Гражданское право. Уголовное право. Процессъ.

Загребскіе Законы — небольшой сборникъ, дающій интересныя указанія на учрежденія стараго времени. Мы скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней исторіи памятника и рассмотримъ содержаніе въ особенности древнѣйшихъ законовъ загребскихъ.

Сборникъ состоитъ изъ трехъ разновременныхъ уставовъ: *Statutum* 1242, *Statuta nova* 1405 и *Statuta* 1425 — 29. Для насъ интересенъ преимущественно первый Статутъ, излагающій постановленія по внутреннему устройству общины. Остальные два Статута трактуютъ спеціально о границахъ загребской области, о дѣлахъ торговыхъ и о различныхъ повинностяхъ жителей.

Первый Статутъ принадлежитъ къ числу наиболѣе древнихъ хорватскихъ памятниковъ. Составленный въ 1242 г. по желанію жителей и съ дозволенія короля Бѣлы IV, Статутъ нѣсколько разъ подтверждался въ теченіи XIII — XV столѣтій. По позднѣйшей его редакціи 1425 г., онъ изданъ въ архивѣ южнославянской исторіи (I 186—202; также въ Jura I. 64 — 65), вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими Статутами.

Къ главнымъ источникамъ Статута 1242 г. нужно относить прежде всего древніе обычаи, какъ это видно изъ первой статьи устава, опредѣляющей веру «*juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem*». Статутъ составленъ также на основаніи *уставовъ стараго времени* (*Statuta et Privilegia*), данныхъ Загребу въ различное время.

Статутъ 1242 г. раздѣляется на 15 отдѣльныхъ статей. Большинство статей имѣетъ заглавія и трактуетъ о предметахъ уголовного права и процесса. Статутъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ русскими уставными грамотами, напр. съ Двинской и Бѣлозерской. Кромѣ предметовъ уголовного права и процесса, есть нѣсколько указаній по государственному и гражданскому праву.

ограничивается тѣснымъ кругомъ семьи (съ рѣшительнымъ перевѣсомъ братьевъ надъ сестрами), — внѣ семьи для родственниковъ можетъ имѣть силу одно выморочное право.

Не меньше своеобразна система завѣщательнаго порядка наслѣдованія имущества. Право завѣщанія очень ограничено. Свободно распоряжаться можно только движимымъ имуществомъ (*de rebus suis mobilibus*), и то когда нѣтъ *haeredis*. Имущество недвижимое (*res immobilis*), безъ различія между благоприобрѣтеннымъ и наслѣдственнымъ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ, а если ихъ нѣтъ, то къ когнатамъ. Право завѣщанія не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ и въ такомъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ и когнатовъ: имущество, въ значеніи выморочнаго, должно по закону отойти къ общинѣ (съ выдѣломъ двухъ частей бѣднымъ и церкви).

Все это показываетъ ясно, что порядокъ наслѣдованія имущества по загребскимъ законамъ развился подъ преимущественнымъ вліяніемъ *задружнаго* устройства славянской семьи. Изложенные порядки наслѣдованія имущества доселѣ держатся въ обычаѣ, безъ существенныхъ измѣненій, въ Славоніи, Кроаціи и другихъ южнославянскихъ земляхъ. Наслѣдственное право имѣетъ мѣсто только въ тѣсномъ кругѣ семьи, принадлежитъ однимъ дѣтямъ. Недвижимое имущество — общая принадлежность задруги; на него не распространяется личное право завѣщанія, отчужденія и пр. О такомъ же ограниченіи права отчужденія, раздѣла и завѣщанія недвижимости говоритъ Загребскій Статутъ. *Concivium*, согражданъ, по совѣту (*consilio*) съ которыми бездѣтный владѣлецъ оставляетъ свое имущество когнатамъ, и самыхъ когнатовъ иначе нельзя объяснить, какъ именно въ смыслѣ задруги, братчины, рода, словомъ — въ смыслѣ общины съ семейнымъ характеромъ, рѣзко отличающейся отъ семьи въ обыкновенномъ значеніи. — Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что изученіе по латинскимъ источникамъ такихъ своеобразныхъ учреждений, какъ задруга и основанныя на ней отношенія имущественныя, семейныя и наслѣдственныя, требуетъ особенной осторожности отъ изслѣдователя. Въ латинскихъ памятникахъ институты такого рода часто формулируются далеко не точнымъ образомъ: по недостатку латинскихъ названій, вполне соответствовавшихъ напр. понятію задруги, задругарей и пр., нерѣдко употребляется въ памятникахъ юридическая терминологія, мало подходящая къ дѣлу; часто одинъ терминъ обозначаетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ понятій. *Concivium*, по Загребскому Статуту, означаетъ вообще совокупность гражданъ, иногда членовъ сельской общины (*vicus, communio*), иногда и задругу, когнатовъ. Впрочемъ, тоже нерѣдко встречаемъ и въ славянскихъ памятникахъ (поротники, родъ и пр.). Избѣжать путаницы и смѣшенія понятій возможно только при всестороннемъ и внимательномъ изученіи памятниковъ, при сличеніи и уясненіи возможно-большаго круга однородныхъ фактовъ и явленій.

с) Въ ученіи объ *уголовномъ правѣ* Загребскій Статутъ касается главнѣйшихъ видовъ преступленій и наказаній, разбивая также нѣсколько положеній по вопросу объ уголовномъ вѣнненіи.

Убийство считается наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ. Особый его видъ составляетъ разбой. Извѣстны также другіе виды преступленій противъ личныхъ правъ: *увѣчья* и *членоврежденія*, нанесеніе *ранъ*, *побоевъ* и другихъ *личныхъ обидъ* — *vituperium*, *oprobrium*, *contumelium*, *alappa* и пр. Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ упоминается одна *татьба*. Какъ видно изъ одной грамоты конца XIII вѣка, загребскіе законы раздѣляли всѣ преступленія на *causae majoris* и *causae pecunialis*. Къ первымъ относились убійство, разбой, раненіе (въ торговый день), татьба и зажигательство, подлежащія суду князя съ старшинами (*comes cum maioribus*); остальные преступленія, подъ общимъ названіемъ *causae pecunialis*, судились старшинами — *maiores villae cum senioribus* (Kukul Jura I. 488).

Въ ученіи о вѣнненіи замѣтно явственнѣе (сравнительно съ Винодолскими Законами) различіе между преступленіемъ, учиненнымъ съ *злымъ умысломъ*, и преступленіемъ *не умысленнымъ* (*in ludo sine premeditata malitia*). Принимается также во вниманіе *мѣсто* совершенія преступленія и *общественное положеніе* обиженнаго, какъ обстоятельства, усиливающія вину: за преступленіе, учиненное въ судѣ, полагается ропа duplex; точно также наказаніе усиливается, если обида нанесена самому судѣ. Ответственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на виновнаго, но и на другихъ лицъ: въ Статутѣ говорится объ обязанности *domini terrae* выдавать преступниковъ или платить за нихъ пеню (дикую виру Правды).

Ученіе Статута 1242 года о *наказаніяхъ* во многомъ сходно съ ученіемъ Русской Правды. Различаются два главные рода наказаній — *потокъ* и *денежныя пени*.

Потокъ и *грабежъ* Правды удерживается въ загребскихъ законахъ, въ смыслѣ матене Винодолскихъ Законовъ. «Expellere turpiter de civitate» значитъ по Загребскому Статуту — изгнать преступника изъ общины, иногда же просто выдать его на произволъ общины, вмѣстѣ съ грабежемъ его имущества. Потокъ и грабежъ назначаются за дѣйствія, соединенныя съ особенно преступнымъ обнаруженіемъ злой воли, и при томъ всегда совмѣстно: оба наказанія составляютъ въ совокупности одинъ юридическій институтъ. Самая сущность его одна и таже по Загребскому Статуту и Р. Правдѣ. Сюда относятся слѣдующія статутковыя постановленія. Если кто злобно убьетъ другаго и уйдетъ въ чужую землю, то, по обычаю земли, имущество виновнаго подвергается грабежу: двѣ части отдаются родчачу земли, имущество виновнаго подвергается грабежу: двѣ части отдаются роднымъ убитаго, третья городу. Денежная пеня слѣдуетъ за убійство, безъ злаго умысла; но если виновный не имѣетъ средствъ для уплаты пени, то онъ выдается на произволъ общины, «*civium arbitrio reliquantur*» (См. De poena homicidii). Подобное наказаніе грозитъ виновному въ нанесеніи личной обиды другому, если онъ не уплатитъ пени: все имущество его подвергается грабежу въ пользу общины, самъ виновный постыдно изгоняется изъ города, — «*rebus omnibus in commune applicatis tamquam infamis de civitate turpiter expellatur*» (См. De vetuperiis).

Статутъ 1242 г. удерживаетъ въ полной мѣрѣ систему *композицій*, именно въ духѣ Русской Правды различая пени двоякаго рода: пеню *общественную*, въ пользу города или вообще общины (*civitas, communio*), и пеню *частную*, въ пользу

обиженного или его родныхъ (*parentis, cognati*), за обиду, на излѣченіе и пр. Общественная пеня за убійство называется *poena homicidii* (вира Правды) и составляетъ двѣ трети всего взысканія, — треть шла въ пользу родныхъ (20 пенсовъ составляютъ виру и 10 — частное вознагражденіе). Право общины на виру позже замѣняется правомъ князя и старшинъ. По грамотѣ 1298 г., общественная вира идетъ въ пользу князя съ судившими съ нимъ старшинами (князю — двѣ трети, старшинамъ треть); но вира могла принадлежать и однимъ старшинамъ, если они сами рѣшали дѣло (Juga I. 488).

Пени общественныя и частныя не одинаковы. Обыкновенно частная вира значительно превышаетъ общественную; но возможны случаи, когда послѣдняя можетъ превышать частное вознагражденіе. За убійство неумышленное платится 10 пенсовъ роднымъ убитого и 20 общинѣ. Напротивъ, частное вознагражденіе за членоврежденія и личныя обиды платится въ большемъ количествѣ, чѣмъ пеня общественная. При сильныхъ членоврежденіяхъ виновный платитъ за лекарство и, кромѣ того, за обиду 25 пенсовъ, вмѣстѣ съ общинной пеней въ 5 пенсовъ; за другія увѣчья, кромѣ платы на излеченіе, назначена частная пеня въ 10 марокъ и общинная въ 2 марки (См. *De poena wlnegum*). Побои и другія личныя обиды оплачиваются частной пеней въ 10 пенсовъ, вмѣстѣ со взысканіемъ съ виновнаго 10 денаріевъ въ пользу общины (*De vetuperiis*). *Poena duplex* слѣдуетъ за преступленія, совершенныя въ трибуналъ или въ другомъ судебномъ мѣстѣ. За обиду, нанесенную судьей или судебнымъ засѣдателямъ, платится въ ихъ пользу 10 марокъ (См. *Poena duplex*).

Количество пеней не всегда впрочемъ точно опредѣляется самымъ закономъ; иногда допускается назначеніе взысканій по обычаю или *оцѣнкѣ добрыхъ людей и сходки*. Это нужно сказать въ особенности о дикой вирѣ. Господа или вообще община всегда платила пеню общественную и частное вознагражденіе (въ пользу родныхъ убитого), если убійца не выдавался общиной или самъ скрывался и инымъ образомъ уклонился отъ наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ частное вознагражденіе (*pecunia*) опредѣляется, какъ говоритъ Статутъ 1242 г., «*juxta arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concivium ad hoc electorum*», собственно же дикая вира (*poena homicidii*) — по обычаю, «*juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem*» (См. 1-ю ст. *Quod si idem hospites* и т. д.). Есть основаніе думать, что такой же порядокъ назначенія пеней имѣлъ мѣсто и по татѣбѣ и другимъ преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ, вообще мало затрогиваемымъ въ Статутѣ. Точное опредѣленіе нормы имущественной шкody и ея вознагражденія, принятое напр. въ Руской Правдѣ, не можетъ считаться вполне цѣлесообразнымъ; потому что здѣсь многое зависитъ отъ отношеній каждаго даннаго случая, отъ свойствъ и цѣны вещей, отъ индивидуальныхъ отношеній къ нимъ владѣльца и пр. Винодолскіе Законы очень основательно говорятъ, что назначеніе мѣры взысканія, въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставляется соглашенію самыхъ сторонъ съ судьями. Общее сходство законовъ загребскихъ и винодолскихъ допускаетъ существованіе подобнаго же правила и въ загребскомъ правѣ. Говоря вообще, точное опредѣленіе самымъ закономъ подробной таксы пеней по всѣмъ родамъ и видамъ преступленій, оплачивавшихся денежными платежами, принадлежитъ позднѣйшему времени. На первыхъ

порахъ, какъ не безъ основанія думаютъ изслѣдователи, здѣсь и во многихъ иныхъ случаяхъ дѣйствовали обычаи, измѣнившіеся по времени и мѣсту, — такое или иное количество виръ зависѣло прежде всего отъ назначенія судей и соглашенія сторонъ. Установившіеся этимъ путемъ общія правила позже санкционированы законодательствомъ, въ особенности по вопросу о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, убійствѣ, членоврежденіяхъ и пр., оставляя старые обычные порядки, при назначеніи вознагражденія за имущественныя и другія меньшія шкody; вопросъ о вознагражденіи въ такихъ случаяхъ правильнѣе всего можетъ быть обсужденъ судьями и сторонами. Въ такомъ видѣ вопросъ о пеняхъ и рѣшается Винодолскими Законами и Загребскимъ Статутомъ. Они точно опредѣляютъ одни пени за преступленія противъ личныхъ правъ и почти вовсе не касаются вознагражденія за нарушеніе правъ имущественныхъ. Въ этомъ случаѣ Русская Правда пошла дальше: уже въ старой Правдѣ (XI вѣка) замѣтно стремленіе законодателя установить неизмѣнныя правила о количествѣ пеней за убійство, членоврежденія и другія преступленія и проступки. Правда XIII вѣка представляетъ самую подробную таксацію виръ, продажъ и частныхъ пеней, оцѣняетъ стоимость каждой вещи, не оставляетъ для судьи ни малѣйшаго простора и свободы руководиться условіями и отношеніями, до безконечности разнообразными въ отдѣльныхъ юридическихъ случаяхъ.

d) Статутъ 1242 г. не касается всѣхъ деталей *процесса*, содержитъ только нѣсколько правилъ о предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности о *calumnia*, и даетъ общія указанія на судебныя доказательства и исполненіе судебныхъ приговоровъ.

Calumnia, какъ показываетъ Статутъ, означаетъ тоже самое, что въ древнемъ чешскомъ правѣ извѣстно было подъ именемъ *нарока* или *соченья*, въ Русской Правдѣ — подъ именемъ *поклепа*. Здѣсь разумѣлось *обвиненіе безъ лица*, предъявлявшееся судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Въ Статутѣ требуется, чтобы поклепъ былъ доказанъ; уличенный въ ложномъ, не доказанномъ соченьи не допускается, наравнѣ съ лжесвидѣтелемъ, къ занятію должности судьи и судебного засѣдателя (*assessor*).

Изъ судебныхъ доказательствъ упоминаются: *судебныя поединки*, отмѣненные впрочемъ Статутомъ 1242 г. (*nulla causa ad duellum judicetur*), *свидѣтели* (*testis*) и *присяга* (*juramentum*).

Свидѣтели и присяга признаются главными судебными доказательствами, на которыхъ судья долженъ основывать свой приговоръ (*sententia*). Простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ (*testis jurati*). Свидѣтели присяжные даютъ показанія порознь въ положенный для присяги день. Къ нимъ же относится правило о томъ, что *testis* должны быть одного состоянія съ стороной, въ пользу которой они даютъ показанія: иностранецъ можетъ имѣть свидѣтелей изъ иностранцевъ же, какъ и туземецъ — изъ лицъ себя равныхъ. Требованіе равнаго состоянія, по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ отношеніи о поротникахъ и очистникахъ. Можетъ быть, и *testis jurati* Загребскаго Статута имѣли значеніе поротниковъ, — Статутъ не ясно опредѣляетъ ихъ юриди-

ческий характеръ (o calumnia и доказат. см. 8 ст. — Item si quis extraneus, Calumnia et falsum testimonium).

Въ заключение приведемъ указанія на мѣры и учрежденія, бывшія въ связи съ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Сюда относятся: *correctio trina et applicatio*.

Applicatio состояло въ конфискаціи всего имущества подсудимаго, уклонившагося отъ наказанія, вмѣстѣ съ изгнаніемъ его изъ общины. Оно было послѣднимъ заключительнымъ актомъ процесса.

Труднѣе опредѣлить юридическое значеніе *correctio trina*. По смыслу статьи, говорящей о немъ (de vetuperiis), можно заключать, что подъ *correctio* разумѣлось простое напоминаніе или требованіе, обращенное къ подсудимому, по вопросу объ исполненіи приговора и удовлетвореніи противной стороны. Впрочемъ, сравнивая *correctio trina* съ сходными институтами другихъ славянскихъ законодательствъ, напр. чешскаго или польскаго, одинаково устанавливающихъ различныя принудительныя мѣры и взысканія, ради понужденія отвѣтника къ исполненію приговора, можно съ полной вѣроятностью полагать, что *correctio trina* Загребскаго Статута имѣло такой же *принудительный* характеръ, какъ и *vzvod*, *rapování* и *odhádání* старочешскаго процесса (См. Ирѣчка Slav. pr. II. 248).

ОТДѢЛЪ IV.

Изслѣдованіе Полицкаго Статута.

Исторія составленія памятника: источники; эпохи изданія; списки; внѣшній составъ памятника. I. Государственное устройство. Значеніе полицкой жупы, катуней и вервей. Словія: племяныте люди (властели и дндичи); редовники (кметы, наймиты, влахи); сужань и робе; чужеземцы. Полицкая господа: сборъ и вѣча; великій князь, воевода, прокаратурь и общинный канчилірѣ; сельскія вѣча и старшины — кнези или катунари, приставы и добрые люди. Значеніе круговой поруки. Судустройство: правда жупская — судъ сбора, князя и ротниковъ; правда облублина; суды вервные и господскіе; приставы (общинные, княжіе, ротные, облублинные). II. Гражданское право: отношенія семейныя, имущественныя и наслѣдственныя; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступленій и наказаній, ученіе о вѣнненіи; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ и другія предварительныя дѣйствія; система доказательствъ; приговоръ.

Исторія полицкой общины доселѣ не вполне выяснена. Шафарикъ полагалъ, что страна, носившая въ XIV вѣкѣ названіе Полицы, въ древнее время извѣстна была подъ именемъ Цетины, и что цетинскіе князья были предшественниками князей полицкихъ (См. Safar. Krotka zpr., въ Casop. 1854). Цетина дѣйствительно является въ исторіи раньше Полицы. О ней упоминаетъ еще Порфирородный въ числѣ 14 хорватскихъ жупъ, подъ именемъ Tzentzena (Jura I. 9). Въ древнѣйшихъ грамотахъ хорватскихъ тоже встрѣчаемъ только Цетину и ея жупановъ или comitis: напр., въ грамотѣ 1069 г. упоминается Dragomir jupanus (жупанъ) de Cetina, въ грамотѣ 1076 г. — Pribino cetinensis comitis (Jura I. 15, 20). Первые извѣстія памятниковъ о Полицѣ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ XII вѣку. Въ это время Полица представляла отдѣльную область, существовавшую независимо отъ Цетины. Въ одной грамотѣ 1185 г. отнесены къ числу волостей (parochiae) епископа сплѣтскаго: «Clissam, Scale, Sminam, Cellinam, totam Cleunam, totam Massaron et totum Polizsam» (Ibid. 32). Въ числѣ 12-ти пословъ, отряженныхъ въ 1102 г. хорватской землей къ венгерскому королю Коломану съ pacta conventa, упоминается «comes Pribistavum de genere Politchorum» (Jura. 24). Въ XIV вѣкѣ Полица окончательно является подъ своимъ именемъ, но есть акты той же эпохи, говорящіе и о Цетинѣ, какъ объ отдѣльной области. Еще въ 1365 г. подтверждена грамота, данная въ 1210 году королемъ Андреемъ II Цетинѣ (Ib. 43). И позже упоминается Цетина съ своими отдѣльными князьями: въ 1416 г.

цетинский князь (ban, chnez cetinski, chliski, ramschi, omischi) Иваниш утвердил старые законы и права общины Алмиссы (Miklos. Mon. 279).

Пользуясь выгодным положением в горной возвышенности (в теперешнем округе Спалато), Полица развила общинное устройство на самых широких началах народоправства, долго ведя малозвестную историческую жизнь. В XII-XIV вѣках поличане извѣстны были, главным образом, морскими разбоями и вѣшателством (съ XIII вѣка) в распри и войны соседних хорватских и сербских жупанов и князей. Подобно Дубровнику, Полица изстари была самостоятельной общиной, до самого падѣния своих вольностей (в настоящем столѣтіи) мало зависѣла отъ пной «господы». Турецкій погромъ, поглотившій Сербію и другія южнославянскія земли, отчасти коснулся и Полицы. Она также подчинилась было вліянію турецкому, но безъ потери своей самостоятельности и внутренняго самоуправления по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. В концѣ XV вѣка (по Шафаріку — в 1483 г.) Полица добровольно отдалась подъ покровительство Венеціи, считавшейся съ этого времени «господою, присвѣтлымъ госпоцтвомъ» Полицы: въ Статутѣ упоминается Венеція, въ значеніи полицкой господы, впервые подъ 1485 г. (См. Стат. 25). Подчиненіе было чисто внѣшнее: Полица по прежнему удерживала полную внутреннюю самостоятельность. Самобытное положеніе Полицы продолжалось до начала настоящаго вѣка, когда она отошла къ Австріи въ значеніи простаго округа. Старая свободная община, Полица составляетъ теперь часть спалатскаго округа Далмаціи, подчинена управленію австрійскихъ чиновниковъ.

Полица долго жила по изстаринымъ обычаямъ и уставамъ замѣчательной древности. Защищенные своими горами, мало участвуя въ общей исторической жизни европейскихъ народовъ, поличане въ теченіи многихъ вѣковъ хранили старыи бытъ, какъ предковское наслѣдіе, какъ поучительную для насъ окаменѣлость. Статутъ Полички, впервые возникшій чуть ли не одновременно съ Русскою Правдою или Псковскою грамотою, въ теченіи многихъ столѣтій разросшійся до разѣровъ объемистаго сборника, представляетъ драгоценный памятникъ славянской старины. Коренясь въ славянскихъ обычаяхъ, удерживавшихся на ряду съ установленіями позднѣйшаго происхожденія, Статутъ обстоятельно знакомитъ насъ со многими институтами, извѣстными намъ доселѣ лишь по неяснымъ указаніямъ Правды и другихъ старыхъ сборниковъ. Изученіе его должно привести къ полезнымъ результатамъ, должно до значительной степени способствовать уясненію стараго юридическаго быта всѣхъ Славянъ.

Мы скажемъ о происхожденіи Поличкаго Статута, о внѣшнихъ его особенностяхъ и рассмотримъ его содержаніе, обращая вниманіе въ особенности на постановленія права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго и процесса.

Обычаи — древнѣйшій источникъ полицкаго законодательства. Много статей Статута непосредственно взято изъ народныхъ обычаевъ, — «обычанъ» и «заковъ» легли въ основаніе большинства статутowych постановленій. Позднѣйшая законодательная дѣятельность полицкой общины не уменьшала значенія обычаевъ. Они удерживали силу и въ эпоху статутowych законовъ. Самъ Статутъ нерѣдко дозволяетъ

судьямъ руководиться старыми обычаями: «имаю видѣти и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и *обычаю*, зачь се немогу прем све сваке ствари напуню засвим законити, измирити и угонитити, ни се могу прем све ричи у штатутъ поставити» (64; ср. также 39, 42, 105. Объ обычаяхъ вообще см. также 95, 97, 115, 188 и пр.).

Старые законы были другимъ источникомъ Поличкаго Статута. Въ Статутѣ часто говорится: «хоће стари законъ, — есть законъ стари, — то е био стари законъ» и пр. (55, 78, 126, 173, 194). Старые законы входили въ Статутъ цѣликомъ или съ измѣненіемъ въ «полагли, милостивни законъ» (70, 127, 194). Древнѣйшей формой закона были *листы, записи, привилежи* или *привилеи*. Подъ закономъ разумѣются также *новала, разлогъ, увить, одлука, наредба, зарокъ*.

Старые обычаи и законы дали главные элементы, изъ которыхъ сложился Поличкій Статутъ. Позднѣйшія узаконенія мало ввели въ него новаго, служили только дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ старыхъ порядковъ.

Нельзя опредѣлить времени, когда впервые явилась у поличанъ мысль собрать въ одинъ уставъ старые свои обычаи и законы. Статутъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; теперь извѣстны только позднѣйшіе переработанные списки, содержащіе собраніе разновременныхъ законовъ XV — XVIII столѣтій (1400 — 1725). Древнѣйшій списокъ, принадлежащій 1400 г., имѣетъ слѣдующее заглавіе:

«У име господина бога амень. с(тату)тъ полиц(ки. и суѣн) статутъ и — с — *тарога* нови (чинимо на лѣ)та господина Исукрета .AS» *).

Здѣсь несомнѣнно указывается на *старый* сборникъ полицкихъ законовъ, существовавшій до 1400 г. и послужившій главнымъ основаніемъ новаго Статута.

Въ самомъ Статутѣ находимъ указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлять исторію его образованія. Можно несомнѣнно полагать, что въ образованіи Поличкаго Статута было три главныхъ эпохи:

- а) Эпоха «старога» Статута, изданнаго до начала XV вѣка.
- б) Эпоха Статута 1400 г.
- в) Эпоха Статута 1485 г.

О третьей редакціи Статута прямо говоритъ 25 статья, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ Статута:

«Лито господне. .ASне. (1485), .л. данъ мѣсеца децембра. Ва име боже амень. овио Полица купно и договорно *учинили и узаконили штатутъ свои и законе свое*. наипри стрѣнѣи и тврѣнѣ законе и обичае, кое имаю у листих и записих од госпде придне, а потвриене по саданему нашему присвѣтлому госпоцтву бнѣтачкому по привилежихъ».

*) Во имя Господа Бога, аминь. Статутъ Поличкій Настоящій Статутъ вновь составленъ изъ стараго, лѣта господня (отъ рожденія) Исуса Христа 1400.

Причиной, вызвавшей новую редакцію Полицкаго Статута, было, по всей вѣроятности, недавнее подчиненіе Полицы венеціанской господѣ (1483), когда понадобился пересмотръ старыхъ законовъ.

Позже упоминаются простыя переписки Статута, безъ систематической его разработки. Объ одной изъ такихъ переписокъ упоминается въ самомъ Статутѣ подъ 1665 г. (ст. 273):

«Ово нека се зна, како преписасмо ови поштовани статут из старога у ови вирно и право, ни узмакиув ни примакнув (ни убавивъ, ни прибавивъ), него да се боље разуми рвацки и латински, з договором сви поштовани власти и дидѣли и са свим пуком».

Такія же переписки Статута предпринимались и позже. Извѣстны, напр., списки конца XVIII столѣтія (1776 г. См. Данилова Knjga zak. poljsic, въ Pravd, 1851).

Статутъ не переставалъ развиваться до позднѣйшаго времени. Въ Полицѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ, жившихъ по своимъ уставамъ, изстарѣ было въ обычаѣ вносить въ нихъ новые законы, не только при общей разработкѣ уставовъ, но и въ слѣдъ за изданіемъ каждаго закона въ отдѣльности. Такимъ образомъ, еще въ XV вѣкѣ — главную эпоху кодификаціи полицкаго законодательства, Статутъ часто дополняли вновь выходившими законами, не приступая къ общей его разработкѣ. Напр., законъ 1476 г. «од земаля у залогѣ» записанъ въ Статутѣ, при самомъ своемъ изданіи: «Будући Полица скупна примише и узаконише и у свои статутъ записаше овако и по ови путь»... (71); точно также вѣчевой листъ 1482 г. «опћина полицка допустише и потврдише и рекоше овои записати у статутъ» (195). Большинство новыхъ законовъ помѣщено въ спискахъ позднѣйшаго происхожденія. Законы вносились въ Статутъ ради практическихъ цѣлей, по времени ихъ изданія или безъ хронологическаго порядка, какъ приходилось. Таковы напр., законы 1566, 1603, 1605, 1623 и другихъ годовъ.

Въ настоящее время извѣстны шесть списковъ Полицкаго Статута. Изъ нихъ 4 списка открыты Кукулевицемъ, одинъ принадлежитъ Каррарѣ, другой Стежичу. Они составлены на старомъ хорватскомъ языкѣ; доселѣ не отыскано латинскихъ списковъ, официально изданныхъ въ 1665 г. вмѣстѣ съ хорватскими и имѣвшихъ одинаковое съ послѣдними дѣйствіе на практикѣ. Одни изъ списковъ принадлежатъ краткой редакціи, другіе — пространной. Краткіе списки содержатъ 86 капитуловъ или главъ, подраздѣленныхъ на 244 статьи; въ пространныхъ спискахъ, кромѣ того, помѣщено еще 27 новыхъ капитуловъ.

Отрывокъ Статута первоначально обнародованъ былъ Кукулевицемъ, въ его Jzvjestje o putovanju kroz Dalmaciju i Napulji i Rim (U Zagrebu. 1857). Въ полномъ составѣ Статутъ помѣщенъ въ Архивѣ южнославянской исторіи за 1859 годъ (Arkiv. V. 241 — 318), по краткому списку (первому Кукулевича), съ прибавленіемъ новыхъ главъ и вариантовъ по спискамъ пространнымъ. Къ сожалѣнію, издатели Полицкаго Статута не обратили вниманія на то, что, при изученіи памятниковъ, важно и необходимо непосредственное знакомство, не только съ

ихъ содержаніемъ, но и съ формою и порядкомъ изложенія входящихъ въ нихъ постановленій. Памятники, издававшіеся въ теченіи продолжительнаго времени (наша Правда и Полицкій Статутъ развивались въ теченіе столѣтій), такъ сказать въ нѣсколько приѣмовъ, подвергавшіеся разновременнымъ переработкамъ, съ измѣненіями и дополненіями въ ихъ составѣ, требуютъ самаго тщательнаго изданія, если не по всѣмъ, то по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ, типическимъ, спискамъ, въ которыхъ по преимуществу сохранилась та фizioномія памятниковъ, тотъ внѣшній ихъ составъ и распредѣленіе отдѣльныхъ законоположеній, какія представляли памятники въ каждую эпоху ихъ образованія. Этимъ путемъ только и возможно ближайшее знакомство съ исторіей отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлой системы законодательства данной эпохи. Издатели Полицкаго Статута обратили мало вниманія на подобныя требованія: помѣстивъ пространный Статутъ въ различныхъ мѣстахъ своего изданія, перемѣшавъ статьи различныхъ (и, можетъ, разновременныхъ) списковъ, они лишили изслѣдователей почти всякой возможности ближе познакомиться съ Статутомъ въ позднѣйшемъ его видѣ. Въ прибавленіяхъ собраны статьи различныхъ списковъ и помѣщены въ такомъ видѣ и порядкѣ, что часто трудно опредѣлить, какая изъ нихъ принадлежитъ тому или другому списку. Между тѣмъ, многочисленные варианты почти при каждой статьѣ и чуть ли не строкѣ ясно говорятъ, что если не всѣ списки, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе, рѣзко различаются между собой; каждый имѣетъ свою особую фizioномію, различный составъ и распредѣленіе статей; есть особенности и многіе оттѣнки въ самомъ смыслѣ и содержаніи отдѣльныхъ законоположеній.

Пользуясь Полицкимъ Статутомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ Архивѣ, трудно рѣшить, какія его части принадлежатъ той или иной эпохѣ его образованія. Судя по датамъ, встрѣчающимся въ спискахъ краткихъ и пространныхъ, можно думать, что краткій Статутъ древнѣе пространнаго. Въ спискахъ краткихъ встрѣчаемы даты, по большей части принадлежащія промежутку времени между второй и третьей редакціей Статута, что даетъ поводъ относить краткіе списки къ XV вѣку: они явились, можетъ быть, при второй, или, что еще вѣроятнѣе, при третьей редакціи Статута. Новѣйшіе законы (XVI — XVIII вѣковъ) помѣщены, болѣею частію, въ спискахъ пространныхъ, въ которыхъ Статутъ получилъ полное свое образованіе. Списки такіе мы относимъ къ послѣдующему времени. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ спискамъ, составленнымъ въ 1665 году официально путемъ по «рватски и латински».

Есть основаніе полагать, что первыя 24 статьи Статута, до закона о составленіи и утвержденіи новаго Статута въ 1485 г., принадлежатъ древнѣйшей, можетъ быть, первоначальной его редакціи, до начала XV вѣка. Эти статьи стоятъ особнякомъ отъ послѣдующихъ; между ними замѣтна большая связь и послѣдовательность; основа ихъ — по большей части старыя обычаи и законы. Въ послѣдующихъ статьяхъ Статута можно, напротивъ, видѣть переработанный Статутъ позднѣйшихъ редакцій.

Первоначальныя статьи Статута, вообще говоря, во многомъ сходны съ древнѣйшей Русской Правдой, къ которой изслѣдователи относятъ первыя 17 статей краткой Правды. Въ обоихъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ уголовномъ

правъ и процессъ; и тамъ и здѣсь, послѣдующія части памятниковъ служатъ дальнейшимъ развитіемъ первоначальныхъ статей уставовъ. Какъ въ Русской Правдѣ (краткой) вторая половина начинается статьей: «Правда оуставлена» и пр., такъ и въ Полицкомъ Статутѣ 25-я статья, съ которой, какъ мы думаемъ, начинается переработанный Статутъ, трактуетъ о составленіи новаго Статута и объ общемъ утвержденіи законовъ и обычаевъ полицкой общины. Быть можетъ, и первоначальныя статьи потерпѣли значительныя измѣненія во время послѣдующихъ редакцій Статута; но, по всему видно, основа первоначальныхъ его статей древнѣе остальныхъ частей памятника.

Полицкій Статутъ состоитъ изъ 113 капитуловъ, подраздѣленныхъ на 282 статьи. Капитулы имѣютъ заглавія: «законъ први од князя, законъ од парне, капитулъ о башинѣ» и пр. Заглавія, впрочемъ, не всегда соответствуютъ содержанию статей. Напр., пятая глава титулуется — о робствѣ, а между тѣмъ въ ней находимъ постановленія о судѣ властелей и о позвѣ; точно также VII законъ о зарвѣ содержитъ статью о робствѣ. При всемъ томъ, Статутъ отличается гораздо большей выработанностью юридическихъ понятій, сравнительно съ Русской Правдой, Винодольскими Законами и пр. Въ Статутѣ только нрѣдка встречаемъ темныя мѣста, едва доступныя для пониманія, какими наполнены послѣдніе памятники. Въ немъ нрѣдко попадаются казуистическія статьи, въ видѣ простой выписки изъ судебныхъ и вѣчевыхъ дѣлъ, часто даже съ обозначеніемъ фактическихъ обстоятельствъ. Но и ряду съ статьями казуистическими, усиливается статьи съ общимъ характеромъ, напр., XXVIII законъ — «ча е стабуло али гибуће», CXII законъ о родительской власти и пр.

Всѣ закоположенія Статута могутъ быть, по своему содержанию, раздѣлены на двѣ неравныя группы. Первые 168 статей (до LVI главы о невірствѣ) группируются между собой довольно правильно; остальные статьи имѣютъ самое разнообразное содержаніе. Въ составѣ Полицкаго Статута можно различать слѣдующія группы статей:

а) *Основные законы*, ст. 1 — 3: о выборѣ и доходахъ князя, общиннаго пристава и судей.

б) *Законы о процессѣ и судьяхъ*, ст. 4 — 16.

в) *Уголовные законы*, ст. 17 — 24: о робствѣ, убійствѣ и личныхъ обидахъ.

Эти три группы, какъ мы догадываемся, составляли Статутъ древнѣйшей редакціи. Послѣ закона 1485 г. о новомъ Статутѣ, слѣдуютъ другія группы статей:

а) *Законы церковные*, ст. 26 — 28: о церковныхъ имуществахъ, отлученіи отъ церкви и пр.

б) *О племенщинахъ*, ст. 29 — 32.

в) *Уголовные законы*, ст. 33 — 70: о свадѣ, боѣ, ранахъ, убійствѣ и т. д.

д) *Гражданскіе законы*, ст. 71 — 120: о правахъ на вещи, о наследствѣ и обязательствахъ.

е) *Процессъ*, ст. 121 — 168.

ф) Остальные статьи (169 — 282) содержатъ смѣшанныя постановленія по гражданскому, уголовному праву и пр.

Содержаніе Полицкаго Статута мы рассмотримъ въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ: о государственномъ устройствѣ, о гражданскомъ, уголовномъ правѣ и процессѣ. Замѣтимъ при этомъ, что Статутъ, подобно нашей Правдѣ, развивался въ теченіи продолжительнаго времени, измѣнялся въ своемъ составѣ посредствомъ общей переработки старыхъ законовъ и одновременнаго внесенія въ него новыхъ законовъ, — словомъ, содержаніе Статута не всегда было одинаково. Начавшись съ немногихъ постановленій по суду и уголовному праву, Статутъ съ теченіемъ времени развилъ цѣлую систему законодательства, обнимающаго право государственное, гражданское, уголовное и пр. Правильнѣе всего было бы излагать содержаніе Статута исторически, по главнѣйшимъ эпохамъ его образованія. Къ сожалѣнію, доступный доселѣ матеріалъ не даетъ къ тому никакихъ прочныхъ средствъ. Статутъ древнѣйшій не дошелъ до насъ; списки же позднѣйшаго Статута (XV — XVIII вѣковъ) заключаютъ весьма немногія даты при отдѣльныхъ статьяхъ. Большинство статей изложено безъ малѣйшихъ указаній на время ихъ происхожденія. Изложеніе наше, такимъ образомъ, должно было по необходимости ограничиться лишь общимъ обзоромъ содержанія Статута по указаннымъ выше отдѣламъ.

I. *Государственное устройство Полицы*. Прежде всего замѣтимъ, что Полицкій Статутъ составляетъ превосходный источникъ для изученія внутренняго быта славянской волости (жупы), удержавшей почти первобытныя формы общинной жизни старыхъ Славянъ. Въ этомъ нужно видѣть капитальное различіе Статута отъ другихъ славянскихъ памятниковъ.

Русская Правда или Душановъ Законникъ воспроизводятъ бытъ нѣсколькихъ большихъ союзовъ — земель, княжествъ, съ болѣе или менѣе общимъ политическимъ единствомъ частей, — мелкіе союзы, волости и жупы, стоятъ здѣсь на далекомъ планѣ. Въ Винодольскихъ Законахъ изслѣдователь изучаетъ бытъ «кнежства» — союза нѣсколькихъ градовъ или обкинъ, старыхъ жупъ, играющихъ уже болѣе видную роль въ жизни цѣлаго княжества. Городовые Статуты далматскаго Приморья воспроизводятъ жизнь городской общины, возникшей изъ старой жупы или (какъ напр. въ Дубровникѣ) сдѣлавшейся «господою» цѣлаго союза жупъ. Вездѣ мы встречаемъ уже до значительной степени развитыя и сложныя формы быта, часто съ значительными задатками широкой государственной жизни: старая волостная жизнь, когда-то господствовавшая у всѣхъ Славянъ, въ исчисленныхъ уставахъ стоитъ далеко не на первомъ планѣ.

Не таковъ характеръ Полицкаго Статута. Союзъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, или просто союзъ одной жупы, безъ всякаго намека на «грады» и городскую жизнь, — союзъ, удерживавшій полную самостоятельность, при самомъ слабѣмъ и отдаленномъ подчиненіи «иной господѣ», — устройство такого союза, отношенія его къ своимъ членамъ и т. д. — главные предметы, исчерпывающіе все содержаніе Полицкаго Статута. Его по всей справедливости можно назвать *сельско-общиннымъ уставомъ*. Въ немъ все возводится прежде всего къ жупѣ, общинѣ,

селу; онъ не знаетъ иныхъ интересовъ, помимо интересовъ своей жупы съ отдѣльными общинами. Полица изстари чуждалась городовъ и городской жизни: Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ учрежденіе «градовъ», видитъ въ нихъ «новшину, ча би проти опћины» (гл. XXXVII).

Полицкій Статутъ, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаетъ положеніе Гильфердинга, Ирѣчка и другихъ историковъ, которые утверждаютъ, что у старыхъ Славянъ каждая жупа, волость, непременно имѣла городъ, какъ *conditio sine qua non* своего существованія, — что жупа и градъ всегда соединялись неразрывными узлами: не было града, не было и жупы (Гильферд. Исторія Балт. Слав. 126, 156, Ирѣчка *Stav. Pr.* II. 172, 177). Жупа полицкая (а такихъ жупъ въ старину могло быть не мало у Славянъ, въ особенности южныхъ) прожила безъ града цѣлые десятки вѣковъ, не только не видѣла надобности въ городахъ, но даже положительно отвергала городской бытъ, какъ форму жизни, не сродную съ изстародавней обычной жизнью своей «опћины».

Явленіе такое нельзя объяснять неразвитостью и грубостью поличанъ, будто бы рѣшительно неспособныхъ къ болѣе широкимъ формамъ общежитія. Уже въ XIV, а тѣмъ болѣе въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ, Полица стояла на довольно высокой ступени развитія, обладала правильнымъ и, по тому времени, значительно развитымъ и установившимся строемъ гражданственности. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ самъ Полицкій Статутъ — уставъ, который едва ли могъ явиться у дикаго народа, — созданіе котораго сдѣлало бы честь какому угодно народу. Вспомнимъ, что Статутъ, по распоряженію самаго вѣча, переведенъ былъ на латинскій языкъ, языкъ современнаго цивилизованнаго міра, — очевидно, ради практическихъ цѣлей: въ судебной и административной практикѣ латинскіе списки Статута несомнѣнно имѣли такое же дѣйствіе, какъ и списки хорватскіе.

Главную причину отсутствія въ Полицѣ городовъ нужно искать прежде всего въ мѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, при которыхъ постоянно жила полицкая община. «Грады» у старыхъ Славянъ имѣли значеніе огороженныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, служившихъ убѣжищемъ для волостныхъ жителей на случай внѣшнихъ нападѣній; грады были также мѣстомъ народныхъ сходокъ, для суда, торга и пр. Грады были существенной необходимостью въ равнинныхъ, открытыхъ жупахъ, доступныхъ для внѣшнихъ нападѣній: общины горныя, закрытыя, съ крѣпкими природными границами, мало нуждались въ искусственныхъ мѣрахъ для защиты и обороны союза. Такія общины не заводили у себя градовъ, жили по исконному обычаю предковъ, для которыхъ, вмѣсто градовъ, служили лѣса, горы и другія удобныя убѣжища отъ непріятелей. Въ такомъ именно положеніи постоянно находилась Полица. Защищенная своими горами, она не нуждалась въ городахъ, оставалась при однихъ селахъ и сельскомъ бытѣ. Въ то время, какъ въ общинахъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и другихъ съ теченіемъ времени возникали изъ старыхъ градовъ часто обширные промышленные и административные центры и городская жизнь и промыслы входили въ привычку населенія, у южныхъ Славянъ многія общины и племена, жившія при условіяхъ, не вызывавшихъ необходимости въ городской жизни, продолжали по прежнему жить сельскими общинами, чуждаясь

городской жизни другихъ народовъ. Такой характеръ издревле имѣла и доселѣ имѣетъ Полица. Историческая ея жизнь представляетъ послѣдовательное и правильное развитіе сельско-общиннаго быта, которымъ жили когда-то всѣ Славяне, — явленіе, которое, какъ нельзя больше, отразилось въ общемъ направленіи и характерѣ полицкаго законодательства. Статутъ Полицкій имѣлъ своей задачей — развить нормы общежитія, примененныя къ быту сельскихъ общинъ. Положивъ въ свою основу древнеславянскіе обычаи, Статутъ, въ своихъ капитулахъ и законахъ, объялъ всѣ проявленія сельскаго быта, мало или вовсе не касаясь отношеній, не вытекавшихъ изъ условій сельской жизни.

Полица носитъ въ Статутѣ названіе *жупы, опћины, опћины жупской, опћины полицкой, поличанъ*; иногда весь союзъ называется *опћина жупа полицка*. Съ XVII вѣка встречаемъ, на ряду съ жупой, также названіе *провинціи* (273, 276 — 278).

Жупа полицкая представляла союзъ меньшихъ территориальныхъ общинъ — *катуней* и *селъ*. Въ составъ союза входило 12 катуней (См. напр. 250, 251). Въ законѣ 1662 г. они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Доѣни Доц (Доѣне, Дочане, теперешній Доній Долацъ), Горѣни Доц (катунъ горѣни, теперешній Горный Долацъ), Костаѣни (катунъ костански), Звечаѣни, Чичла, Гата, Дуброва, Ситное, Сриѣни (катунъ сринаски), Дуѣ (катунъ дуѣски), Ёсенѣни (катунъ ёсенички) и Пострана (Подстрана). Нѣкоторые изъ катуней имѣютъ нѣсколько селъ, въ значеніи главной общины и ея приселковъ. Катунъ гатскій состоялъ изъ селъ — Гата и Накѣлице, катунъ дучскій — изъ Дуѣ и Труше, катунъ горный — изъ Горнаго Доца, Тринбушанъ, Сриѣанъ и Путишчанъ, катунъ костанскій — изъ Костанъ и Смоленъ (267). Въ другихъ мѣстахъ Статута, кромѣ того, упоминаются слѣдующія села: Враци, Мачинъ, Доне Поле, Застинъ, Гаѣине, Грацъ, Козѣакъ, Чажинъ Доцъ (71, 91, 175 и пр.).

Въ Полицѣ, по преимуществу горной странѣ, населеніе издавна привыкло жить разбросанно, небольшими селами, носившими часто одно имя и составлявшими одну общину — большое село, катунь. Здѣсь не могли развиваться сплоченныя поселенія равнинныхъ и открытыхъ мѣстностей. Децентрализованныя общины, катунѣ, извѣстны были въ старое время и другимъ южнымъ славянамъ, напр. сербамъ временъ Душана (См. Законникъ, по изданію Миклошича, 81, 124; также въ Гласникѣ XV, 288, 291 — 295, хрисовуль Душана Призренскому монастырю, въ которомъ катунѣ уравниваются съ селами). Они доселѣ удерживаются у Сербовъ. По словамъ Гильфердинга, деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ горныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ сербскимъ народомъ; села состоятъ изъ 2 — 5 избъ. Иногда нѣсколько такихъ селъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного «кнеза», старшину (Боснія, 90).

Катунѣ — общины съ исключительно земледѣльческимъ характеромъ. Отношенія поземельныя служатъ, по Статуту, главной матеріальной основой полицкой жупы. Почти пятая часть Статута наполнена постановленіями «од земаль, котаревъ, гаевъ и испашъ», о коловаяхъ (млинь), «звиряхъ и рыбныхъ» ловахъ, водахъ, путяхъ, межахъ и т. д. Хозяйственное устройство древней сельской общины

Славянъ нигдѣ не изложено такъ обстоятельно, какъ въ Полицкомъ Статутѣ — этомъ селско-хозяйственномъ уставѣ, тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ для насъ, что въ основѣ его лежатъ старые обычаи, бывшіе когда-то общими для всѣхъ Славянъ.

Села имѣтъ свои отдѣльныя земли пахатныя и лѣсныя, свои пастбища, лова коловаи и пр. «Котаре» селъ раздѣляются (оддионе и одтесите) межами — «грѣнцами и меѣшами». Отдѣльное село живетъ на *опѣной, попольной* землѣ — общій собственности цѣлой общины, — въ безраздѣльномъ обладаніи селъ находится вся общинная земля. Допускаются по селамъ и передѣлы, *дилениа*, по жребіямъ (жрибове, дио, подворниці), между членами общины — диониками, сусидами, главами. Тотъ же порядокъ принять по владѣнію гаями (лѣсами) и другими общими угодьями. Исключеніе составляли одни испани (пастбища), оставшіяся всегда въ безраздѣльномъ обладаніи общины. — Общинность можетъ имѣть мѣсто, не только между членами одной общины, но и между «сусежными, сусидными» селами, въ особенности по обладанію лѣсами и пастбищами. Во всѣхъ такихъ отношеніяхъ Полицкій Статутъ устанавливаетъ подробныя правила хозяйственного устройства общины (Сюда относятся въ особенности статьи 95 — 120; ср. также 170 — 173, 187, 201 — 202, 204 — 207, 241 и т. д.).

Община слагается изъ *сусидъ, диониковъ* или *главъ*. Внутреннія связи между ними были самыя тѣсныя, основывались на началѣ круговой поруки, вполне развитой Статутомъ. Съ того времени, какъ отдѣльныя лица вступили въ союзъ диониковъ, цѣлая община и отдѣльныя ея члены несутъ повинность взаимной защиты и мести, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за проступки каждаго изъ диониковъ. Обязанности общины защищать своихъ членовъ говорить, напр., 52-я статья: «*ако ли би убио полицанинъ изваньскога за кровь приду, за тои имаю Полица старци, ако ли би незанимито, тои е онога ствар, кп кровь учини*»¹⁾ (о мести и отвѣтственности общины за своихъ членовъ см. 47, 53, 57, 58, 65, 247, 256 и пр.).

Общины полицкія, подобно винодольскимъ, имѣютъ характеръ вполне автономическихъ союзовъ. Въ главахъ общины стоятъ вѣча и выборные старшины — главные органы общиннаго самоуправления. Статутъ ясно говоритъ объ участіи общины въ дѣлахъ законодательныхъ (19 — 22, 25, 71 и пр.), административныхъ (напр. по 202 ст.: «*и да ниткоръ неима пута стисковати али га инамо одтиснути брезъ допущениа опѣине али суда*»²⁾), судебныхъ (напр. 143, 180, 248, 249, 256). Въ пользу общины идутъ всякія общественныя пени и конфискаціи; осудъ только изрѣдка дѣлится пополамъ съ княземъ (2, 232). Нѣтъ ни одного случая, когда бы община заслонялась другимъ, не зависѣвшимъ отъ нея, общественнымъ дѣятелемъ.

Кромѣ общины территоріальной, Полицкому Статуту извѣстна также *вервь*

¹⁾ Если полицанинъ убьетъ чужеземца (мстя) за прежнее убійство, то его (т. е. полицанина) должна защищать Полица; если же убійство совершено безъ предыдущаго повода (не за прежнее убійство), то оно считается дѣломъ того, кто его учинилъ.

²⁾ Никто не долженъ уменьшать дорогъ или отводить ихъ въ другое мѣсто, безъ дозволенія общины или суда.

(вервь), *дружина вервнал*, подобная сербской задругѣ, или заедну, имѣвшая значеніе семейной общины. Въ смыслѣ такой же верви, дружины, говорится о *племенѣ, кулѣ, ближикахъ, братствѣ*. Слагаясь изъ диониковъ и вервныхъ братьевъ, различавшихся отъ братьевъ «присныхъ и дальнихъ», вервь вообще организуется по типу общины территоріальной, къ которой она относится, какъ часть къ цѣлому. Вервь живетъ на общей или вервной (врвитѣ) племенщинѣ, имѣющей для нее такое же значеніе, какъ попольная земля для общины территоріальной. Племенщина вервная можетъ оставаться въ общемъ обладаніи союза, или вступать въ раздѣлъ по участкамъ (жрибенице, дио). Дружина вервная основывается, подобно территоріальной общинѣ, на началѣ круговой поруки и равноправія членовъ, управляется господаремъ, съ правомъ собственного суда и расправы (о подробностяхъ см. мою статью о верви по Р. Правдѣ и Полиц. Стат.).

Въ составѣ полицкой жупы различаются два главные общественные разряда — *племенитые люди* и *редовники*, свободные простолюдины. Самый низшій классъ составляли *сужни* и *рабы*. Упоминаются также чужеземцы. Эти разряды носятъ общее названіе *врсте* (18, 19, 193).

а) *Племенитые люди* раздѣлялись на *властелей* (властелиновъ, властелинчей) и *дидичей*, иногда называвшихся *племенитыми властелями* и *племенитыми дидичами* (17, 250). Обоимъ классамъ принадлежало главное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ избирались судьи и другія должностныя лица; вѣча и выборы, въ обыкновенныхъ случаяхъ, составлялись по преимуществу изъ властелей и дидичей. Они считались главнымъ землевладѣльческимъ классомъ, держали на своихъ земляхъ кметей (141). — Статутъ въ подробностяхъ не опредѣляетъ различія между обоими классами. Полицкіе властели и дидичи во многомъ напоминаютъ сербскихъ властелей большихъ и малыхъ (властеличниковъ). Замѣчательно, что дидичи могли составлять изъ себя особое вѣче, по дѣламъ, касавшимся специально дидичей. Въ 1670 г. созданъ былъ «зборъ дидичски», изъ главарей и дидичей, для разбирательства спора о «дидичствѣ» какого-то воеводы Стазича. Доказательствомъ дидичскаго состоянія его признано то обстоятельство, что изъ его «племенѣ» издавна избирались судцы (275). — Слѣдуетъ наконецъ замѣтить, что племенитые люди, въ существѣ вещи, не многимъ отличались отъ другихъ свободныхъ классовъ (редовниковъ), пользовавшихся (хоть и въ меньшей степени) политическими правами и полной гражданской правоспособностью. Податныя льготы вездѣ становятся принадлежностью высшихъ классовъ, чуть только они начинаютъ пріобрѣтать привилегированное положеніе въ государствѣ, — между тѣмъ, полицкіе властели и дидичи никогда не пользовались исключеніемъ изъ числа податныхъ лицъ. Только занятіе болѣе важныхъ должностей соединено было съ податными льготами. Напр., воеводы и прокаратуры освобождались отъ податей, и то только отчасти: главнѣйшія дани — десетину, вражу, харачъ, они платили на общемъ основаніи (14).

б) *Редовники* (редовники) составляли отдѣльное «врсте», какъ объ этомъ говорится напр. въ 91 статьѣ: «*тко би се годиръ нашао, али властелинъ, али дидиъ, али редовникъ, али ини кое хоѣ врсте човикъ*». Они отличаются отъ властелей и дидичей, но и не обнимаютъ всѣхъ не — племеней; потому что есть еще

«ине врте», стоящие ниже редовниковъ. — Другое указание на редовниковъ встречаемъ въ законѣ 1670 г. о зборѣ подимскомъ, на которомъ участвовали редовники (274). Люди зависимые никогда и нигдѣ не являлись на народные сходки съ сколько нибудь дѣятельною ролью. Стало быть, въ редовникахъ, собиравшихся на подимскіе сборы, нужно видѣть просто классъ свободныхъ людей, занимавшихъ средину между племенами и людьми зависимыми. — Въ вѣкоторыхъ южнославянскихъ памятникахъ дается редовникамъ другое значеніе. Въ вѣчевой грамотѣ Дубровника 1442 г. есть слѣдующее мѣсто: «кои буде уписано *прѣдъ редовници* римске вере или вере босанске» (Пупича Спом. II. 105). Даничиъ называетъ ихъ *monachi* (Срб. рѣчи. III 47); но такое объясненіе не оправдывается другимъ памятникомъ того же времени, гдѣ редовниками названы свидѣтели, присутствовавшие при составленіи акта, именно: *гость Радия*, митрополитъ Давидъ и *кнезь* Прибиславъ Вукотиѣ (Пупичъ. II. 126). Редовники грамоты 1442 г., присутствовавшие при внесеніи въ вѣченныя книги листа босанскаго краля Твѣртка, имѣли значеніе свидѣтелей — «сведокъ», «ручниковъ», «милостивиковъ», иногда «ротниковъ», т. е. властелей, утверждавшихъ дѣйствительность грамоты своей присягой, ручательствомъ или простымъ присутствіемъ (см. напр. Обреновича Спом. 244, 249 и пр.).

Намъ кажется, что полицкихъ редовниковъ можно ставить въ параллель съ себрами Душанова Законника. Сербовъ обыкновенно противопоставляютъ властелямъ, какъ классъ непривилегированный, не пользовавшійся политическими правами (Крстича Разматрания, въ Гласн. VI. 122 — 123). Мы имѣемъ основаніе думать, что объясненіе такое не точно опредѣляетъ дѣйствительное положеніе себровъ въ ряду другихъ общественныхъ разрядовъ. «Сборы себровъ» отмѣняются только Законникомъ; значитъ, до него всѣ себры пользовались общими политическими правами. Политическія права, хоть и ограниченныя, признавались за горожанами и во время Законника (Ibid., 126 — 127), а горожане относились къ себрамъ. Себровъ нельзя, стало быть, противопоставлять властелямъ: этимъ еще мы не даемъ точнаго опредѣленія юридическаго характера себровъ. Есть другое, какъ намъ кажется, вполне вѣрное объясненіе значенія себровъ, сообщенное намъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Въ числѣ старо-славянскихъ рукописей, ему принадлежитъ весьма интересная вещь — старосербская кормчая, чуть ли еще не временъ Законника. Въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, встречаемъ слѣдующее мѣсто: «аще ли *свободни* соу, *себри* соу», — мѣсто, не требующее никакихъ объясненій, ясно говорящее о сути института себровъ. Эти-то себры и полицкіе редовники во многомъ сходны между собой, какъ классъ *свободныхъ простолюдиновъ*, занимавшихъ средину между властями и людьми зависимыми.

Къ редовникамъ въ указанномъ смыслѣ относились въ особенности кмети и въ частности селяне, наемники, торговцы и пр.

Кмети (кметини, кметовиѣ) означаютъ вообще свободныхъ крестьянъ, жителей селъ, «селянъ», — разрядъ, подходившій нѣсколько подъ понятіе обкинскихъ людей ввнотольскаго устава. Они пользуются общей гражданской правоспособностью, могутъ владѣть собственнымъ имуществомъ, вступать въ договоры и пр. (17, 18, 143). Кмети, наравнѣ съ племенами, пользуются общими юридическими гарантіями. Въ Статутѣ мы нашли нѣкоторые различія между обоими классами только касательно

личныхъ обидъ: за обиду, нанесенную кметемъ племенчу, платится «дупло», а за обиду господина, на землѣ котораго сидитъ кметъ, грозитъ послѣднему урѣзаніе языка или «искупъ» — платежъ денежный, равный осуди за убійство (68).

По занятіямъ кмети раздѣлялись въ особенности на «селянъ, трговацъ и наѣмниковъ».

Кмети могли жить на своихъ земляхъ или на земляхъ племеней. Селяне, занимавшіеся обработкой чужой земли, называются въ Полицкомъ Статутѣ *госпоцки подложники*, кмети, люди (109, 141, 151, 237 — 238). Имъ предоставляется полное право выхода, безъ ограниченія опредѣленными сроками. Отъ подложника только требовалось, чтобъ онъ не уходилъ воровскимъ образомъ, но «затворивши у двору своему и у куѣи все ча има иманья, или живине, или инога блага гибуѣга, или иѣоще ако би башине, ку би под нимъ стекао, тере има призвати свога *господара*, тер му реѣи: господине, то е све боже и твое, воланъ си ча оставити, воланъ неостави. и тоту такои учинивши, ако бы му ча узео, воланъ би или све или ники дио; ну ли му онди ослободи, юр му послѣ ние воланъ господарь оногаи вазимати, ча годи му е еднотч ослободи» ¹⁾ (189; ср. 190 — 191). Пока кметъ «подложанъ» господарю, до тѣхъ поръ онъ подчиняется его суду и расправѣ; жаловаться на несправедливый судъ господина дозволяется кметю только въ такомъ случаѣ, когда господинъ не «дастъ правды» или кметъ перейдетъ отъ него въ другое мѣсто. Въ обоихъ случаяхъ кметъ пользуется общимъ правомъ судебной защиты (16, 237, 238).

Торговцы (трговацъ) упоминаются въ Полицкомъ Статутѣ только мимоходомъ (259). Они не составляли отдѣльнаго разряда, который можно было бы уравнивать съ «гражданами» Законника Душана. Полицкій Статутъ разумѣетъ подъ торговцами тѣхъ же селянъ, «ки се наѣе (находятся, живутъ) у комъ селу», которые между прочимъ занимались и торговымъ промысломъ.

Наймиты (наѣмники) — кмети, служившіе по найму (наѣму), для дворовыхъ и иныхъ работъ. Наемъ назначался на годъ и на большіе сроки. Наймитъ получалъ условленную плату (цину). Старые законы не дозволяли наймиту оставлять хозяина, безъ причины, до истеченія срока найма, — иначе наймитъ не могъ требовать уплаты цѣны; точно также господарь, выгнавшій наймита до срока, долженъ былъ вполне съ нимъ разсчитаться. Статутомъ принятъ «милостивый законъ»: дозволено уходить и до срока, при чемъ цѣна должна уплачиваться по расчету времени службы. Наймитъ долженъ уходить отъ своего хозяина, «липо поклонивъ се» и получивъ отъ господара «прощенье» (168, 193, 194).

Отдѣльный отъ кметей классъ составляли *влахи* (влашиѣ). Они принадлежали

¹⁾ Затворивши въ своемъ дворѣ и домѣ все, что имѣетъ изъ (хозяйскаго) имущества, или скота, или другаго имущества движимаго, или даже наслѣдственнаго имущества, бывшаго въ его пользованіи, (кметъ) долженъ призвать своего хозяина и такъ ему сказать: господинъ, все это — Боже и твое, можешь что либо оставить себѣ, можешь и не оставить. Послѣ этого (хозяинъ) можетъ взять все (имущество), или какую либо часть; если же онъ оставитъ его (за кметемъ), то послѣ не можетъ отобрать у него ничего, что первоначально было ему подарено.

къ сельскимъ жителямъ (17) и пользовались личной свободой. Статутъ положительно запрещаетъ «држати влаха у Полицихъ ни на полицкомъ, одложе тко га море држати на свом и о свом, одложе добре воле, на чем би стали» (20). Мы объясняемъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что никто не можетъ держать влаха на общинныхъ земляхъ (на полицкомъ), — ихъ допускается селить только на частныхъ земляхъ, и то по доброй волѣ, на чемъ уговорятся. Влахи издавна встрѣчаются у всѣхъ южныхъ Славянъ и уравниваются съ *арбанасами* (албанцами), *париками* и другими «*тоуземлянами*», пришлыми людьми, жившими между Славянами въ числѣ поселенъ (Miklos Mon. 60, 208, 353. Пуцичъ II. 159). Въ латинскихъ источникахъ влахи называются *vlachi vel villani* (Kukul Jura I. 126). По сербскимъ памятникамъ, влахомъ называется «*пастоухъ, пастиръ, ки пасоу кобиле*», переходившій съ своимъ «стапомъ» съ одного мѣста на другое, — отсюда и название — *станицы, станяни* (встрѣчаются въ Законникѣ и другихъ памятникахъ), т. е. человекъ, ведшій жизнь кочевника (Пуцичъ I. 94, 149. Гласн. XV. 306. Miklos. 208, 434 и пр.). Въ Полицѣ влахи не причислялись къ настоящимъ членамъ общины, считались собственно «изванскими», людьми пришлыми, которыхъ можно было «држати», селить только на частныхъ земляхъ. Нигдѣ не говорится, чтобы влахи, подобно кметямъ, участвовали на вѣчахъ или пользовались другими правами людей «обкивскихъ». Впрочемъ, какъ люди свободные, они не лишались общихъ гражданскихъ правъ, могли напр. владѣть своимъ «иманьемъ, добиткомъ» (Пол. Ст. 17. Ср. Пуцича Спом. I. 94).

с) Самый низшій классъ въ Полицѣ составляли такъ называемые *сужань* и *робе*, челядь.

Подъ именемъ *сужань* разумѣлись въ Полицѣ люди, состоявшіе «у сужанству» — временной личной зависимости, по долгамъ и преступленіямъ. Подобно закупамъ Русской Правды, они обязывались отслуживать свой долгъ или имущественный вредъ, нанесенный другому. По Статуту, полицане могутъ держать «своего брата» (полицанина) не въ «робствѣ», но только временной зависимости, до выслуги и отработки (трудъ, ризикъ, плаћа. 174, 198). Дѣтямъ дозволялось выкупать своихъ родителей изъ сужанства или отслуживать вмѣсто нихъ долгъ и пр. (281). Учрежденіе сужань, бывшихъ «у сужанствѣ», извѣстно и другимъ южнымъ Славянамъ (Miklos. 170, 171, 369. Пуцичъ I. 46, 49, 76, 85, 96. Закон. Душ., по изд. Miklos. 98, 99).

Робе и челядь находились въ «робствѣ» — личной крѣпостной зависимости, сходной съ холопствомъ Русской Правды. Рабы (*servi, ancillae*) упоминаются въ самыхъ древнихъ хорватскихъ памятникахъ (Jura I. 3, 6, 19). «Робове, робье, робья откупована, плѣнная челядь», извѣстны также старымъ сербскимъ памятникамъ (Miklos. 47, 219, 529, 530. Пуцичъ I. 10, 173). Боснія въ старое время славилась людскою, челядинною торговлей (Пуцичъ I. 31, 146). Есть даже жалованныя грамоты, дававшіяся краями монастырямъ и частнымъ лицамъ на людей, бывшихъ въ частной зависимости, иногда цѣлыми сотнями домовъ и семействъ (напр. у Miklos. 481). Всѣ эти факты ясно говорятъ, что рабство составляло у большинства южныхъ Славянъ древнее учрежденіе, въ противность положенію Крестича, отвергающаго существованіе рабства въ старой Сербіи (въ Гласникѣ VI. 140 — 144).

У полицанъ мореніе разбои, которыми они славились въ старое время, не обходилось безъ «робства», безъ взятія плѣнныхъ и обращенія ихъ въ рабы. Запрещеніе такого промысла принадлежитъ еще старымъ законамъ, угрожавшимъ за морскіе разбои строгими наказаніями (Пол. Ст. 17 — 18), — запрещеніе, имѣвшее силу и въ періодъ Статутовъ. Зависимость челяди и рабовъ возникаетъ, по Статуту, только изъ плѣна (вонси плинь). Въ старое время (старинный законъ бпо) плѣнные принадлежали тому, кто ихъ взялъ; но дозволялось брать за нихъ выкупъ (приамшину). Статутъ вовсе запретилъ обращать полицанъ въ рабовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ, чтобы «робе» могли отслуживаться за «трудъ или ризикъ», сравнивая такимъ образомъ челядь съ обыкновенными кабальными людьми. Что касается отношеній челяди къ своимъ господамъ, то извѣстно только, что рабъ не могъ уходить отъ господара, имѣвшаго право вездѣ его искать, и что, по старому обычаю, запрещалось «продавать и куповать челядь, како те од старине обичае» (17, 175, 197 — 199, 266).

d) Упоминаются наконецъ *чужеземцы* (ванко, извански). Въ отношеніи къ нимъ допускается мечь (право тирати) по уголовнымъ дѣламъ, въ особенности по убійству. Изванскіе не допускаются поротниками (очистниками) въ дѣлахъ между полицанами. Видно впрочемъ, что изванскіе пользовались общими юридическими гарантіями; по крайней мѣрѣ, убійство изванскаго наказывалось общими пенями, развѣ оно будетъ учинено за «придну кровь», когда Полица должна была «стати», защищать своего полицанина (22, 52 — 54).

Таковъ составъ полицкой жупы. Катунь и вервныя дружины — основныя формы общественной жизни полицанъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ полицане сжились съ своей общиной, съ ея интересами и нуждами, мало знакомые съ другими, болѣе сложными интересами и формами обществитія. Простота и непосредственность отношеній замѣтна въ организаціи общественныхъ разрядовъ — племичей, кметей и пр. Ихъ нельзя называть сословіями въ теперешнемъ смыслѣ; это не болѣе, какъ фактическіе классы, безъ особенно рѣзкихъ различій между собой. Полицкихъ племенныхъ людей нельзя сравнивать съ шляхтой польской или чешской, возвысившейся до огромнаго привилегированнаго положенія въ государствѣ; нельзя сравнивать съ племенами далматскаго Приморья, пріобрѣтшими преобладающее положеніе въ своихъ общинахъ. Властелей полицкихъ скорѣе всего можно ставить въ параллель съ нашими древними боярами: оба класса занимали въ общинахъ служебное положеніе, играли почетную роль главныхъ силъ земства. Изъ властелей и бояръ избирались вожди и старшины общины; властели были главными народными судьями, вообще мало заключали въ своей средѣ аристократическихъ элементовъ, цѣликомъ принадлежали къ своимъ общинамъ, какъ лучшія и наиболѣе дѣятельныя ихъ части. Съ такимъ характеромъ остаются полицкіе властели до позднѣйшаго времени. Полицкіе кметы, наймиты, сужань и челядь рѣшительно напоминаютъ древне-русскихъ смердовъ, наймитовъ, закупней и холоповъ. Разницу можно видѣть лишь въ томъ, что полное господство общины съ ея нивелирующими порядками не дозволило развиться въ Полицѣ холопству въ такой сильной степени, какъ это было у насъ уже въ эпоху Русской Правды: полицкая челядь не составляла наследственнаго состоянія, какимъ является наше холопство въ Правдѣ. Такъ на двухъ крайнихъ

точкахъ славянскаго міра долго развивались одни и тѣже социальныя порядки. Завѣтъ не было заимствованій и подражаній: сходные порядки представляютъ только результатъ послѣдовательнаго развитія общихъ началъ славянскаго быта. Русское общество позже вступило на иной историческій путь; его бытъ быстро сталъ принакаться новыми началами, — эпоха Судебниковъ и Уложенія мало уже связуется съ эпохой Правды. Полиця надолго осталась вѣрной старымъ порядкамъ. Ея бытъ такъ сроднился съ этими порядками, такъ мало освѣжался сторонней примѣсью, что вѣка, слѣдовавшіе за эпохой Статута, не представляютъ почти никакого движенія въ общественной жизни Полицы.

Полиця имѣла весьма простой и несложный механизмъ государственнаго устройства. Слова Прокопія о народоправствѣ древнихъ Славянъ (et vero hi populi Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent) находятъ букввальное подтвержденіе въ данныхъ, сообщаемыхъ Полицкимъ Статутомъ о системѣ управленія полицкой жупы. О полицанахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ можно съ полной справедливостью сказать, что они, какъ всѣ Славяне временъ Прокопія, «не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи». Въ то время, какъ въ другихъ хорватскихъ и сербскихъ земляхъ рано появляется раздвоеніе въ администраціи, повторившееся и у другихъ Славянъ и окончившееся болѣе или менѣе полнымъ торжествомъ князей, Полиця до позднѣйшаго времени управлялась по изстаринному порядку народоправства славянскихъ общинъ, безъ малѣйшихъ признаковъ раздвоенія между властью общины и князя. Община съ своей сходкой и старшинами (къ нимъ относился и великій князь) была въ Полицѣ главнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Къ Полицѣ можно въ полной мѣрѣ примѣнить слова древняго сербскаго лѣтописца объ устройствѣ Котора (въ началѣ XII вѣка): онъ никому не повиновался, «но граждане въ немъ повелѣваху» (Гласи. V. 27). Общегражданства, стоящаго у лѣтописца рядомъ съ жупанствами хорватскими (ib. 23), означали свободныя общины, каковы Полиця, Дубровникъ, Которъ и др.

Господа и поглавица — общія названія учреждений и лицъ, завѣдывавшихъ въ Полицѣ общественными дѣлами. Во главѣ Полицы стоитъ народная сходка, отъ которой зависятъ главари — старшины полицкой жупы: великій князь, воевода и прокаратуры; позже является общинный канциларь. Катуни имѣли свои сходки и своихъ старшинъ — катунарей, князей. Были особые учрежденія по дѣламъ судебнымъ и исполнительнымъ. Между управленіемъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ общинъ была самая тѣсная и неразрывная связь. Старшіе главари, завѣдывавшіе дѣлами всей Полицы, избирались болѣею частью изъ старшинъ отдѣльныхъ общинъ, — Полиця не знала рѣзкаго разграниченія между центральными и областными учреждениями. Всѣ главари и сходки дѣйствовали именемъ и въ интересѣ общины.

1) Народная сходка, по Полицкому Статуту, носитъ различныя названія. Зборъ, виѣ, иногда просто *опѣни* — самыя употребительныя названія сходокъ въ Полицѣ. Хорваты доселѣ называютъ свои сходки вѣчами: *odgovorno drzavno vjese, regimentsko vjese* и *okrugno vjese* — главные учрежденія современныхъ Хорватовъ. Зборъ иногда называется въ Полицкомъ Статутѣ *купан* или *опѣни*

зборъ. Сюда же относятся *куп*, *станак*, *саим*, *садане*, *пук* — различныя названія одного и того же учрежденія народной сходки.

Купъ (вкуп, скуп, окуп) находимъ въ уставѣ винодолъскомъ и въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскихъ и дубровницкихъ (Обренов. Спом. 120. Пуцича I. 79). Полицкій и винодолъскій *купъ* вполне напоминаетъ литовскую купу (*копу*), имѣвшую значеніе народной сходки.

Станакъ означаетъ въ Полицкомъ Статутѣ тоже, что и зборъ, виѣ (250). Въ значеніи же сходки *станакъ* извѣстенъ памятникамъ сербскимъ и дубровницкимъ. Дубровницкій *stanicum* имѣлъ значеніе судебной сходки и раздѣлялся на *stanicum parvum* (учиннае, сходка третьей) et *sacramentum vel generale* (сходка присяжныхъ).

Саимъ соответствуетъ чешскому *snem'у*, польскому сейму или литовско-русскому съезду, сойму (отъ соиматься, сходиться).

Пукъ употребляется въ Статутѣ иногда въ значеніи части збора, именно народа, присутствовавшего на зборѣ; иногда и вся сходка называется *пукомъ* (напр. 261, 274). Въ сказаніи Діоклейскаго Пресвитера (XII вѣка) народъ названъ *пукомъ*: «*da budu receni satnici s bani puku siditi*» (Arkiv. I. 20. О значеніи *пука* у Славянъ см. Ирѣчка St. pr. I. 70).

Полицкое вѣче, по своему составу, раздѣлялось на большое и малое. Ихъ можно видѣть напр. въ зборѣ и саимѣ, составившихъ по нѣкоторымъ статьямъ два различныя учрежденія (154 — 156).

Вѣче большое, подъ названіемъ общиннаго збора, скупа или виѣа, составлялось изъ главарей «са свими Полици», съ «осталою опѣною», со всѣмъ «пукомъ», народомъ (13. 17, 19, 265, 273 и пр.). На такихъ сходкахъ участвовали: главари, т. е. великій князь, воевода, прокураторы, судьи и катунари, властели и дидичи, съ остальнымъ народомъ. Иногда просто говорится, что на сходкѣ были «сви полицане» (19 — 24). Законъ не всегда опредѣлялъ, кто именно долженъ былъ являться на общія сходки. По изстаринному обычаю, *вѣчникомъ* (вѣчникъ — членъ вѣча) могъ быть вообще свободный членъ общины, — правило, имѣвшее силу очень долго у всѣхъ южныхъ Славянъ. Положеніе Крстича о составѣ сербскаго собора по Душанову Законнику рѣшительно не вѣрно: Законникъ только отмѣнялъ «сербовы съборы», отдѣльные отъ общихъ, нисколько не устраняя съборовъ отъ участія въ послѣднихъ. По Полицкому Статуту, исключаются изъ числа вѣчниковъ одни пзмѣнники (традитуры) и лица, лишенные за преступленіе права быть вѣчникомъ, не иначе однакожъ, какъ по приговору самаго вѣча (276 — 278). Обязанность являться всякій разъ на вѣче лежала на однихъ главаряхъ, въ особенности на катунаряхъ (270). Весь народъ рѣдко собирался на сходки, на которыя въ обыкновенныхъ случаяхъ сходились *ялци* и *одговорници* — выборные отъ катуней и сель. Такимъ образомъ, на зборѣ 1662 г. явилось до 60 одговорниковъ, для пріятія мѣръ «на злѣхъ люде». Въ числѣ ихъ были всѣ полицкіе главари и по нѣскольку «селанъ» (отъ 3-хъ до 12-ти) изъ каждаго катуня (267).

Вѣче малое составлялось изъ однихъ главарей. Разъ только упоминаются

«капелани» (духовные), въ числѣ вѣчниковъ, на ряду съ главарями (91, 250, 252, 269, 282). Малое вѣче Полицы сходно съ старымъ великимъ вѣчемъ или позднѣйшимъ малымъ Дубровника. Въ маломъ вѣчѣ сосредоточивалось управленіе менѣе важными дѣлами, не требовавшими созыва общей сходы.

Въ Полицкомъ Статутѣ упоминается, кромѣ общаго сбора (большаго и малаго), еще два рода сходовъ: *збор дидииски* (дидииски), созванный изъ дидичей по одному частному случаю, именно для подтвержденія дидичества какого-то воеводы Стазича (275), и *зборъ подимски* (подимни), созванный въ 1670 г. изъ главарей и редовниковъ, для принятія мѣръ противъ нарушителей земскаго мира (274). На такія же сходы намекаетъ Статутъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о *више братинско* и *сиромашко*, какъ объ учрежденіи, существовавшемъ отдѣльно и на ряду съ зборомъ: «и од ѣнегове куће да се вима никад примит у збор ни у ниѣдно више братинско ни сиромашко» (282). Такія вѣча и сборы, очевидно, имѣютъ связь съ «станами», или отдѣльными сходами властелей, дидичей и вметей, которыя, по словамъ Энгеля, собирались въ Полицѣ до позднѣйшаго времени. Ежегодные сборы, учреждавшіеся въ особенности для выбора старшинъ, позже раздѣлялись на станы по каждому сословію отдѣльно (Engel Staatskunde и Gesch. von Dalm. etc.).

Въ Статутѣ нѣтъ категорическихъ постановленій объ устройствѣ вѣчъ: встрѣчаемъ только нѣсколько указаній на порядокъ сходовъ, время, мѣсто, предметы вѣдомства и пр.

Такимъ образомъ, находимъ указанія на то, что на вѣче собиралась сама община, безъ предварительной инициативы со стороны князя или другихъ главарей. «Овога истога годнища *сташе се Полица*, племенити властели и племенити дидичи, на станку... нове садане, *ку жуна учили*» (250); или: «*скупивши се ми сви пошчани*, — будужи скупан збор *учинисмо сви*, — ово нека се зна, како се састаше сви пошчовани властели» и пр. (265, 269, 275 и пр.). Впрочемъ, есть прямое указаніе, что, по старому закону, «кнез велики и воевода учинише збор» (274). Можно допускать, что по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ право созывать зборъ могло принадлежать старшимъ главарямъ.

Законъ не опредѣлялъ также времени сходовъ. Все могло зависѣть отъ обстоятельствъ и потребностей минуты. Судя впрочемъ по тому, что въ Полицѣ существовали опредѣленные «оброки» — судебныя періодическія сессіи, и третьимъ оброкомъ считался зборъ, можно думать, что и вѣчевыя сходы учреждались періодически, въ разѣ навсегда опредѣленное время. Кромѣ того, великіе князья и другіе главаря избирались временно, при чемъ выборы всегда производились на сходахъ, — обстоятельство, которое могло поддерживать періодическіе созывы вѣчъ. На частые сборы указываетъ законъ о переносѣ судебныхъ дѣлъ съ одного собора на другой, какъ и законъ объ «оповиди» отчуждаемой племенщины на трехъ зборахъ (78). Да и вообще мы знаемъ, что соборъ завѣдывалъ чуть ли не всѣми общими дѣлами Полицы, а при такомъ его значеніи, онъ необходимо долженъ былъ часто собираться. Въ Статутѣ находимъ нѣсколько датъ, которыя указываютъ на соборы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и недѣль (ср. 13, 25, 71, 72, 269, 272, 273).

Также не видно, чтобы полицкія вѣча собирались въ разѣ навсегда назначенныхъ мѣстахъ. По Статуту, вѣча собирались «на Врачихъ, на Мачину, Дошемъ Полу» и пр. (71, 95, 195, 265, 269, 274). Вѣча могли собираться на «путяхъ» князя, когда онъ ходилъ по Полицѣ «правде питаючи по законихъ полицкихъ»; напр., въ первый путь Папалича, собралась вся Полица для опредѣленія границъ (262). Вѣча нерѣдко собирались при храмахъ, какъ это было въ обычаѣ и въ старой Сербіи (Пол. Ст. 195, 250, 282. Ср. Крстича Разматрания, въ Гласи. IX. 70).

Полицкія вѣча собирались для различныхъ цѣлей. Къ главнымъ предметамъ ихъ вѣдомства относились: изданіе законовъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, выборы въ общественныя должности и множество другихъ административныхъ дѣлъ.

Законодательная власть несомнѣнно принадлежала збору. Въ Статутѣ говорится почти въ каждой статьѣ: «приаше Полица, приаше свои полицчане, будужи заедно на окупу» и пр. На сходахъ издавались отдѣльные законы и наредбы (распоряженія); самъ Статутъ былъ актомъ исключительной дѣятельности вѣча. Право изданія законовъ принадлежало общинѣ и «братинскимъ» вѣчамъ («наше се по статуту и по знанье закону *свега збора дидинскога*» — 274). Изъ Статута ясно видно, что составленіе законовъ на вѣчахъ, при участіи всего народа, было стариннымъ обычаемъ Полицы. Община считалась до позднѣйшаго времени главнымъ дѣтелемъ въ сферѣ законодательной; о законодательной власти князя, помимо общины, нѣтъ нигдѣ ни слова. Только въ немногихъ мѣстахъ говорится ясно объ участіи князя въ законодательствѣ вмѣстѣ съ народомъ (13, 195).

Выборы въ общественныя должности составляли другой важнѣйшій предметъ вѣчевыхъ сходовъ. Общинѣ предоставляется право «вазимати» великаго князя, «ставити» прокаратуровъ, судцевъ и другихъ главарей (1, 15, 19, 72, 234), — право, которымъ община могла пользоваться не иначе, какъ на сходахъ — главныхъ органахъ общинной власти.

О судебной власти вѣча, какъ сейчасъ увидимъ, Статутъ говоритъ почти въ каждомъ законѣ, касающемся судоустройства и процесса.

Къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ сходовъ относились наконецъ всѣ общія административныя дѣла, касавшіяся цѣлой Полицы. Важнѣйшія дѣла финансовыя, полиційскія и инныя рѣшались большимъ или малымъ вѣчемъ. Община, на своей сходкѣ, опредѣляетъ полицкія «меѣши и граници», наблюдаетъ за ихъ сохраненіемъ и цѣлостью; безъ дозволенія вѣча (общины) запрещалось «стискивать путь опѣсни велики крозь жупу»; община разрѣшаетъ учрежденіе новыхъ путей и заведеніе лѣсовъ, предпринимаетъ мѣры ради общаго благосостоянія и земскаго мира, напр. устанавливаетъ цѣны припасовъ, побуждаетъ жителей «поутити сву жупу на помоѣ на злеѣ люде» и пр. На сходкѣ принимается осудъ и другія пошляны и взысканія по суду и управленію. Сходка контролируетъ дѣйствія должностныхъ лицъ: Статутъ предписываетъ вести пристава «придѣ опѣицу», если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей. При недѣятельности главарей, община вступаетъ на ихъ мѣсто, сама приводитъ въ исполненіе какую либо административную мѣру или судебный

приговоръ: «кога наѣ село или жупа, да га се одиче през милосрѣа и да га припаду господи; ако му шта господи (собственно главари, старшины) неучине, пуштамо опѣли, да нан руке ставе»¹⁾. (180, 202, 235, 252, 256, 262, 265 — 268).

Разнообразная дѣятельность народной сходы, имѣвшей огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла, должна была рано установить въ обычаѣ постоянныя порядки вѣчевыхъ совѣщаній. Впрочемъ, Полицкій Статутъ мало касается этого вопроса, даетъ только не полныя указанія на отдѣльныя дѣйствія сходы.

Вѣчевыя совѣщанія называются *договоромъ*: «одлучише вирами и душами, з договоромъ и с волюмъ (волею) свега пука»; «договоривши се властели са свѣмъ пукомъ» (265, 274). Въ такомъ договорѣ участвуютъ всѣ вѣчники «заедно и скупно», не только главари и властели, но и весь народъ, присутствовавшій на сходкѣ. Нельзя точно опредѣлить, постановлялся ли вѣчевой приговоръ большинствомъ голосовъ, или всегда требовалось единогласіе. Принимая во вниманіе строго-демократическій характеръ всѣхъ учрежденій полицкой жупы, слѣдуетъ полагать, что единогласіе скорѣе всего могло господствовать въ полицкихъ вѣчахъ. На обычаѣ единогласныхъ рѣшеній указываетъ впрочемъ самъ Статутъ, говоря очень часто, что сборъ постановилъ свое рѣшеніе, свою наредбу и одлуку, «складно, едипньо, вирно, купно или опѣено» (20 — 22, 91, 247, 265 и пр.).

Рѣшенія (*одлука, законъ, наредба*) сбора утверждались «вирами и душами» вѣчниковъ. Обнародованіе (оповидѣ) законовъ и наредбъ вѣчевыхъ дѣлалось на общемъ сборѣ и сходахъ отдѣльныхъ общинъ. Новый законъ прочитывался всему «пуку», который его принималъ или отвергалъ. О законахъ, окончательно принятыхъ сходомъ, Статутъ говоритъ: «своимъ би драго и угодно, и рекоше, да ѣе добро»; или: «и бише кунтенти о истоѣ наредби сви; сви га примише доброволно, и сви рекоше, да ѣе добро и право». Вѣчевой приговоръ излагался въ листъ — вѣчевой грамотѣ, подписывавшейся вѣчниками. Составленіе и храненіе такихъ листовъ, также внесеніе новыхъ законовъ въ Статутъ, лежало позже на обязанности общиннаго канциліра (91, 92, 188, 247, 261, 265, 267, 274).

Такое было устройство полицкой народной сходы. Сборъ составлялъ въ Полицѣ верховное учрежденіе, стоявшее во главѣ цѣлаго союза. «Невирикомъ и традитуромъ полицкимъ» считался тотъ, кто «проповидао виѣе полицко». Вѣчевое рѣшеніе имѣло для всякаго полицанна силу обязательнаго закона. Кто противился вѣчевому приговору, тотъ строго наказывался; законъ, «ча зборъ одлучи», долженъ оставаться въ полной силѣ и дѣйствіи (93, 94). Полицкое вѣче напоминало не сеймы польскіе или чешскіе съ ихъ аристократическимъ устройствомъ, но демократическія сходы старыхъ Славянъ или позднѣйшія вѣча Новгорода и Пскова. Пукъ, народъ, община — главная сила, заправлявшая всѣми дѣйствіями вѣча новгородскаго и полицкаго.

¹⁾ Кого поймаетъ на (преступленіи) село или жупа, того да осудитъ безъ милосердіа и да предасть (для наказанія) господъ; если господа ничего надъ нимъ не учинить, то дозволемъ общинѣ налагать на него руку.

Народоправство старыхъ общинъ нигдѣ не сохранилось въ такой свѣжести и цѣлости, какъ въ Полицѣ съ ея сборомъ и вѣчами — главными органами общинной власти. Ни у одного изъ южнославянскихъ народовъ сходка не пользовалась такими широкими правами, какими издавна обладало полицкое вѣче. Винодолскій купъ и вѣча, въ эпоху законовъ, во многомъ разнятся отъ полицкихъ вѣчъ: наряду съ купомъ, является въ Винодолѣ почти равносильная власть князя; уступая во многомъ общему купу Винодола, князь посылаетъ на вѣча отдѣльныхъ градовъ своихъ людей, безъ которыхъ не можетъ имѣть мѣста ни одна сходка, — явленіе, вовсе не извѣстное въ Полицѣ. — Еще болѣе пали народныя сходы въ городахъ далматскаго Приморья. Въ эпоху городскихъ статутовъ XIII вѣка народъ окончательно перестаетъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Сходы Сибеника, Травы, Задра и другихъ городовъ представляли аристократическія собранія племищей. Подобно польскимъ сеймамъ, они были недоступны для простонародья; городская аристократія ревниво устранила его отъ всякаго участія въ управленіи общинами (См. Рейца Полит. устройство и права прибрежныхъ далмат. острововъ и городовъ). Въ одномъ Дубровникѣ долго удерживалось демократическое устройство. Хотя вѣча (виѣа велье или велико, виѣе умолено или прегать и виѣе мало) устроились безъ народнаго участія; но тѣмъ не менѣе народъ сходился на «сборъ» (*generale consilium*), по вѣчевому колоколу, не только для выслушиванія, но и для «*laudatio*» статутовъ — основныхъ законовъ вѣчевой господоы. Только къ началу XVI вѣка падаютъ дубровницкіе сборы, уступивъ мѣсто аристократическимъ сходамъ племищей (См. Пуцича Спом. Срб. II отд. прибавленіе — извлеченіе изъ дубровницкихъ Статутовъ). — Сербскіе соборы также рано начинаютъ ограничиваться въ своихъ правахъ. Крали и цари заслоняли собой народныя сходы. Соборы созывались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: царь съ своимъ дворомъ и «царевыми» властелями — главными дѣтелями по всѣмъ общественнымъ дѣламъ старой Сербіи. О многихъ проявленіяхъ вѣчевой власти по Полицкому Статуту, напр. въ сферѣ суда и администраціи, вовсе не говорятъ сербскіе источники. Иногда, какъ напр. при Неманѣ I, соборы имѣли значеніе простыхъ семейныхъ совѣтовъ кралей (См. Крстича, въ Гласн. IX. 89). Замѣтимъ здѣсь, что Крстичъ дѣлаетъ отсюда произвольное заключеніе о полномъ преобладаніи власти уже первыхъ сербскихъ кралей, говоря напр., что «воля государя была общеобязательнымъ закономъ, — что «воля и желаніе властелей на столько имѣли значенія, на сколько согласовались съ желаніями государя». Изучая ближе источники, мы приходимъ къ противоположному выводу, что такого значенія никогда не имѣли ни старые сербскіе крали, ни самъ Душанъ Сильный: и при немъ, а тѣмъ болѣе до него, властели, сидѣвшіе по областямъ, пользовались чуть не суверенными правами, имѣли напиримѣръ право войны, право вступать въ дипломатическія сношенія, держать свое войско, дворъ и т. д. Вообще говоря, Крстичъ черезчуръ идеализируетъ старую Сербію, называя ее государствомъ «совершенно устроеннымъ», чуть не конституціонной монархіей, и рѣшительно не обращая вниманія на тотъ фактъ, что въ Сербіи, какъ и у всѣхъ южныхъ Славянъ, областная жизнь рѣшительно господствовала надъ общей, государственной. Старая Сербія представляла государство, сплоченное изъ нѣсколькихъ почти самостоятельныхъ частей, имѣвшихъ между собой одни внѣшнія связи, безъ всякаго, сколько нибудь прочнаго, внутренняго единства. Въ Сербіи, какъ и вездѣ

въ старое время, все брело врознь; вездѣ и во всемъ видна разъединенность, рознь общинъ и областей. Старая Сербія — государство, какихъ много являлось въ патриархальныя средніе вѣка, весьма смутно сознававшее идею государства, не возвысившіяся до широкихъ политическихъ воззрѣній нашего времени.

Полицкій зборъ представляетъ народную сходку, собиравшуюся по временамъ, для обсужденія общинъ дѣлъ цѣлой Полицы. Управление текущими дѣлами было въ рукахъ *господы* въ собственномъ смыслѣ, слагавшейся изъ общинныхъ старшинъ, главарей. Статутъ разумѣетъ подъ *господой*, не только всю совокупность властей, т. е. вѣча и главарей, но и однихъ главарей, непосредственно «господствовавшихъ», управлявшихъ общинами (256, 266). Къ старшимъ главарямъ, заведывавшимъ дѣлами всей Полицы, относились: великій князь, воевода, прокаратуры, судцы и канчилирь; въ катунахъ были отдѣльныя сходки и старшины — кнези или катунари. Въ вѣчевыхъ листахъ, помѣщенныхъ въ Статутѣ, старшіе главари обыкновенно перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ (очевидно по старшинству): великій князь, воевода, прокаратуры; послѣднее мѣсто занимаютъ катунари. Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ каждую должность въ отдѣльности.

1) *Великій князь* — первое должностное лицо полицкой жупы. Въ Статутѣ онъ называется «*вели или велики кнез полицки*», также «*кнез велики присвитли*», «*кнез велики поштовани*», иногда просто *кнез* или *господин*. Титулъ великаго князя находимъ въ Статутѣ впервые подъ 1603 г.; первоначальныя статьи говорятъ просто о князѣ. Первое упоминаніе о полицкихъ князьяхъ принадлежитъ началу XII вѣка: *Pribislavus comes de genere Politchorum* упоминается въ числѣ хорватскихъ пословъ, отряженныхъ къ Коломану, для заключенія съ нимъ раста совенія (Jura. I. 24). Какъ видно изъ старыхъ хорватскихъ грамотъ, названія *comes*, *juranus*, иногда и *banus*, употреблялись для обозначенія одной и той же должности (См. напр. *ibid.* 15). Въ такомъ смыслѣ и Ранчъ объясняетъ значеніе жупановъ и *comes*: славянскій жупанъ, по его словамъ, соответствуетъ латинскому *comes*, великій жупанъ — *supremus comes* (Исторія. VII. 363). Самое названіе Полицы жупой показываетъ, что въ древнѣйшее время главный ея старшина носилъ названіе жупана, замѣнившееся позже титуломъ великаго князя. Въ старое время старшины жупъ у всѣхъ югозападныхъ Славянъ назывались жупанами. Жупаны были повсемѣстнымъ учрежденіемъ въ хорвато далматскихъ общинахъ, въ старой Сербіи и Босніи, также у Славянъ чешско-моравскихъ, силезскихъ, балтійскихъ и польскихъ (См. Мацѣйов. *Pamięt.* II. 148, 152, 153; *Hist.* IV. 106. Палацкаго Сравнен. Закол. гл. 2, Гильферд. Письма, I. 234 — 236, II. 130; исторія Балт. Слав. 155—159. Кавелина юрид. бытъ Силез. 20 — 21. Ичинскаго *Vyvin českého práva*. 29. Ирѣнка. *Slov. pr.* I. 73. II. 181 — 183). Позже учрежденіе жупановъ подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Въ однихъ мѣстахъ они замѣнены другими учрежденіями, въ другихъ (какъ въ старой Босніи) получили значеніе самостоятельныхъ государей или удержались въ значеніи простыхъ сельскихъ старшинъ, какъ это было еще въ XV вѣкѣ въ Польшѣ (См. *Pismo zbiorowe Ohryzko*, 457). Въ Полицѣ удерживалось старое значеніе жупановъ (народныхъ старшинъ) до позднѣйшаго времени, — въ великомъ князѣ Полицы цѣлкомъ проглядываетъ типъ старатаго славянскаго жупана.

Званіе великаго князя имѣло въ Полицѣ издавна характеръ выборной должности. «Први законъ полицки (говоритъ Полицкій Статутъ) есть *вазимати* кнеза господина, ки е *господину виранъ*, а *Полицем угоданъ*. а законъ га е *до годища обирати*». Отъ князя требуются два главныхъ условія: онъ долженъ быть вѣренъ Господу и угоденъ полицанамъ. Послѣднее условіе прямо указываетъ на выборъ князя всѣми полицанамъ, а не одними катунарами, какъ говоритъ Энгель (по Шафарику, князь избирается общинами). Должность князя отправлялась каждымъ избраннымъ въ теченіи года. По истеченіи «кнежтва или кнежиѣа», избирался новый князь, но дозволялось «потврдити» стараго. Статутъ не указываетъ на сословія, изъ которыхъ можно было избирать князей. Въ 1662 г. назначенъ великимъ княземъ Юрій Синовчичъ — катунаръ Дубровы; въ званіи великаго князя, онъ не переставалъ числиться между катунарами. Въ другой разъ (1677 г.) избранъ княземъ такимъ же образомъ катунаръ Пава Сучић (268, 282). Можетъ быть, въ Полицѣ вообще принято было за обычай избирать въ великіе князья кого либо изъ катунарей. Одно лицо могло быть княземъ нѣсколько разъ, какъ показываетъ примѣръ Юрія Синовчича, бывшаго княземъ въ 1662, 1665 и 1677 г. (268, 273, 274). Слѣдующій обычай, записанный Энгелемъ изъ позднѣйшей исторіи Полицы, показываетъ, что въ Полицѣ выборы князей зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, нерѣдко отъ произвола партій и отдѣльныхъ лицъ. «Если во время выборовъ произойдетъ разногласіе и цѣль выборовъ не будетъ достигнута, то часто случается, что какой либо смѣльчакъ захватываетъ ковчегъ законовъ (гдѣ хранился Статутъ), вручившійся обыкновенно великому князю, и съ этой драгоценностью спѣшитъ въ домъ того лица, кого желаетъ избрать княземъ. Каждый могъ бросаться за нимъ въ погоню съ мечемъ или инымъ оружіемъ, — какимъ правомъ многіе и пользуются. Если смѣльчаку удастся передать ковчегъ избранному имъ лицу, то оно считается съ этихъ поръ законнымъ княземъ Полицы».

Права и обязанности князя не опредѣлены точно и подробно въ Статутѣ. Князь участвовалъ въ законодательной власти, только какъ составная часть сбора; ни откуда не видно, чтобы князь могъ, помимо вѣча, издавать законы собственной властью. Княжеская власть больше всего проявлялась въ сферѣ суда и администраціи. Статутъ вмѣняетъ князю въ обязанность — «походити три крѣть по Полици правде питаюћи (чинећи) по законихъ полицкихъ». (1, 195, 262). Каждый вновь избранный князь ходилъ въ *путъ* съ своими судьями и дворомъ, главнымъ образомъ для производства суда на мѣстѣ, въ общинахъ. Пути тѣяны должны совершаться три раза въ годъ. При всякомъ прибытіи (пришасте) князя, общины, по Статуту, даютъ ему продовольствіе (30 овецъ, въ теченіи года — 90). На путяхъ князь давалъ людямъ *правду* — судъ и расправу, постановлялъ одлуки (судебные приговоры), вмѣстѣ съ административными распоряженіями по менѣе важнымъ дѣламъ. Предъ княземъ дозволялось дѣлать объявленія о продажѣ племенщины и пр. Дѣла, касавшіяся ближайшихъ интересовъ общинъ, напр. заведеніе новыхъ лѣсовъ или учрежденіе дорогъ, разсматривались княземъ не иначе, какъ «зборомъ», на народной сходкѣ (напр. 235). Замѣтимъ наконецъ, что, при выборѣ князя изъ катунарей, онъ не переставалъ нести старую должность и слѣдовательно отправлялъ соединенныя съ ней обязанности, являлся непосредственнымъ старшиной своей общины и старшимъ главаремъ цѣлой Полицы.

При князѣ состоялъ *дворъ* (98, 195, 262). Шафарикъ относитъ къ нему, не только судцевъ, избравшихся въ «полагъ» (помощь) князю, но и прокаратуровъ и канциліра. Есть основаніе считать положеніе Шафарика невѣрнымъ. Судцы представляются въ Статутѣ учрежденіемъ самостоятельнымъ, отличавшимся отъ двора и дворскихъ должностей. Въ нихъ нужно видѣть, не столько надворныхъ судей, сколько представителей общины, участвовавшихъ въ княжемъ судѣ прежде всего ради контроля суда въ интересахъ общинныхъ. Прокаратуровъ еще меньше можно причислять къ княжескому двору. Они равнозначительны съ соками, клеветниками и ябетниками другихъ Славянъ; учрежденіе прокаратуровъ принадлежитъ къ вполне самостоятельнымъ органамъ общинной власти. Ихъ избираетъ община, «да отежу *опѣна* дугована». Въ вѣчевыхъ листахъ прокаратуры стоятъ послѣ воеводы (268 и пр.). Такое же значеніе имѣетъ *опѣни* канцилірь. — Самъ Статутъ отчасти указываетъ на составъ княжого двора, говоря напр. о приставахъ, состоявшихъ при князѣ, въ значеніи русскихъ дѣтскихъ, позднѣйшихъ приставовъ. При князѣ были, безъ сомнѣнія, слуги и другіе дворскіе люди: они ходили съ княземъ по Полицѣ, исполняя при немъ различныя должности и порученія. Нужно замѣтить, что въ Полицѣ дворъ имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ Душановъ Законникъ и другіе хорватскіе и сербскіе памятники довольно точно опредѣляютъ составъ и очень широкую дѣятельность двора, что зависѣло отъ усилившагося значенія самыхъ князей, Полицкій Статутъ только мимоходомъ касается двора, вовсе не говоря о его положеніи въ общей администраціи. Самъ князь не выделялся изъ состава общинныхъ должностей, не игралъ такой преобладающей роли, какую пріобрѣтали князья въ другихъ славянскихъ земляхъ; оттого и дворъ полицкій имѣлъ весьма мало значенія въ ряду другихъ общинныхъ учреждений.

Вотъ все, что можно сказать по Статуту о положеніи полицкаго князя. Въ немъ является не больше, какъ общій народный старшина, старшій главарь общины, безъ всякаго намека на суверенное значеніе княжеской власти. Полицкій князь зависитъ отъ общины на такомъ же основаніи, какъ и другіе главари, нисколько не выделяется изъ состава общинныхъ должностей. Не имѣя почти ничего общаго съ сербскими кралями и царями, съ русскими, польскими и другими славянскими князьями эпохи позднѣйшей государственности, полицкіе князья больше всего сходны, по своему положенію и правамъ, съ князьями винодольскими, новгородскими, псковскими и въ особенности съ дубровницкими. Псковская судная грамота, запрещающая князю, наравнѣ съ другими должностными лицами, брать посулы, ограничивая его дѣятельность сходкой и другими старшинами, очевидно, держится далеко не такъ возвѣрнѣи на княжескую власть, какія начинаютъ высказываться въ Судебникахъ (въ нихъ запрещеніе посулъ слѣдуетъ уже отъ имени князя, — о посулахъ съ его стороны нѣтъ и помину). Но въ Псковѣ, какъ и въ Винодолѣ, замѣтно, раздвоеніе администраціи, — власть князей конкурируетъ съ властью общинной сходки, стоитъ рядомъ съ ней; между вѣчемъ и княземъ идетъ борьба изъ-за главенства; они являются почти равносильными общественными элементами, — явленіи, рѣшительно невѣстными государственному строю Полицы и Дубровника. Полица съ своимъ вѣчемъ, княземъ и другими главарами тянетъ къ старому порядку, къ эпохѣ полнаго господства народныхъ сходокъ у всѣхъ Славянъ, которые, по словамъ

Прокопія, «не повиновались одному властителю, но жили *in populari imperio*». Типъ патриархальныхъ народныхъ князей и жупановъ стараго времени цѣлкомъ проглядываетъ въ учрежденіи полицкихъ князей. Въ нихъ нужно видѣть не «государей» русскихъ XVI и XVII вѣковъ, но старыхъ славянскихъ жупановъ, игравшихъ простую роль народныхъ старшинъ, безъ малѣйшихъ притязаній на главенство и преобладаніе въ своихъ общинахъ.

3) Второе мѣсто послѣ великаго князя занималъ *воевода*. По своему положенію въ общинѣ, воевода почти равняется съ княземъ. Въ Статутѣ нѣрѣдко поименно обозначаются князья, при которыхъ изданы отдѣльные законы, при чемъ всегда указываются и бывшіе въ то время воеводы (247, 273 и пр.): обѣ должности считались равно важными, — воевода, подобно великому князю, относился къ числу старшихъ главарей Полицы.

Воевода принадлежалъ къ выборнымъ должностямъ. Невѣстенъ срокъ и порядокъ воеводскихъ выборов. Судя по тому, что всѣ главныя должности въ Полицѣ замѣщались на «годище», можно допустить такой же срокъ службы и для воеводъ. Старый воевода, оставивши дѣйствительное воеводство, иногда не переставалъ носить прежній титулъ. Въ 1662 г. дѣйствительнымъ воеводою былъ Иванъ Беоѣвичъ изъ катуны гатскаго; въ то же время прокаратуръ Стипанъ Башичъ изъ катуны Дубровы носилъ такой же титулъ воеводы, хотя больше и не отправлялъ этой должности (267, 268). Воеводы избирались изъ вѣстелей и дидичей (275).

Воеводы полицкіе, подобно сербскимъ временъ Душанова Законника, всегда удерживали значеніе военачальниковъ, отличались въ особенности отъ старыхъ боснійскихъ воеводъ, собственно означавшихъ областныхъ правителей (князь Боснійскій носилъ титулъ великаго воеводы; другіе правители назывались просто воеводами). Полицкій воевода имѣетъ при себѣ *товаришество* (дружбу) — очевидно, военную дружину, надъ которой онъ былъ главнымъ начальникомъ. Съ такимъ товаришествомъ воевода посылался въ помощь судебному приставу, когда кто либо сопротивлялся приговору суда (140). Особой привилегіей воеводы было освобожденіе его отъ податей, кромѣ десятины, вражды (дикой впры) и харача (14. О значеніи воеводъ у Славянъ см. Маѣйковскаго Hist. II. 35 — 38. IV. 108; Pamiętn. II. 145, 158. Ирѣчка Slov. pr. I. 72. Крстича Разматрања, въ Гласн. IX. 100 — 102).

4) *Прокаратуры* принадлежали также къ старшимъ главарямъ Полицы. Вѣчевые листы перечисляютъ ихъ въ слѣдъ за воеводою, ставятъ выше катунарей. Замѣчательно, что Полицкій Статутъ обращаетъ особенное вниманіе на прокаратуровъ, довольно точно опредѣляетъ порядокъ ихъ назначенія, въ особенности подробно говоритъ о правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ должностью прокаратуровъ, касаясь почти только мимоходомъ воеводъ, катунарей и другихъ должностныхъ лицъ. Полицкая община, по всему видно, дорожила учрежденіемъ прокаратуровъ, составлявшихъ чуть ли не одно изъ самыхъ существенныхъ учреждений въ сферѣ суда и управленія. Защитники правъ общины и отдѣльных ея членовъ, прокаратуры возвышались почти до значенія народныхъ трибуновъ: при своей судебно-обвинительной дѣятельности, прокаратуры являются главными оберегателями

жупъ), сходные съ прокаратурами полицкими (См. Mikl. Mon. 39, 379. Пущи-
Спом. II. 149, 150, 154, 155, 158). *Паруцъ* Душанова Законника (спарьцъ, по
исходе на соудъ царевъ, да кою рѣчь изговоре прьвоу, и те речи да соу вѣро-
ване, — 169), имѣють вообще значеніе дубровническихъ парцовъ, хотя въ другихъ мѣ-
стахъ говорится о нихъ и въ смыслѣ тяжущихся (О сокахъ у Чеховъ и другихъ
Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. III. 270. Ирѣчка Slov. pr. I. 177. II. 216).

5) Съ конца XVII вѣка является въ Полицѣ *офени ротни канцлиир*, какъ учрежденіе, общее для всей Полицы. Въ его завѣдываніи находится *канцлиирскіе*, въ которой изготовлялись всякіе официальные акты — листы, письма и пр. Канцлииръ былъ также хранителемъ государственной печати. Въ его пользу идуть опредѣленные поборы и пошлины; подобно другимъ старшимъ главарямъ, канцлииръ лично свободенъ отъ податей, кромѣ харача. Должность канцлиира отправляется иногда другими главарями; напр., въ Статутѣ упоминается какой-то Марко Баричъ, бывший въ одно и тоже время прокаратуромъ и канцлииромъ (72, 277).

Разсмотрѣнные нами учрежденія раскрываютъ всю простоту и несложность государственнаго устройства Полицы. Вездѣ является главнымъ дѣятелемъ общины своей сходкой и старшинами. Такой же простотой отличается устройство отдельныхъ *катуней*, управлявшихся подобно цѣлой Полицѣ своими сходками и старшинами.

1) *Сходки* (пук, виче) собирались въ отдѣльныхъ общинахъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и общіе полицкіе сборы. Село съ своимъ катунаремъ ставитъ выборовъ людей; сельскому пуку предъявляются наредбы полицкаго вѣча и т. д. На общинныхъ сходкахъ присутствуютъ катунары; упоминается о канелланѣ, который по праздникамъ (у светацъ заповидни) прочитываетъ сходкѣ наредбы. Кроме повѣди законовъ и наредбъ главной господы, мѣстные сходки собирались для общинныхъ выборовъ; быть можетъ, и другіе предметы подлежали совѣщаніямъ на мѣстныхъ сходкахъ (указанія см. въ зак. ХСVIII).

2) Главные местные старшины катуней и сель полицких носят название *катунарей*. Они титулуются также *кнезами*, по князьям называются иногда и другие должностные лица, напр. прокаратуры. Неизвестно, как избирались катунарей. Если выбор старших главарей принадлежал общинным сходкам, то тем более сами общины могли избирать своих непосредственных старшин. Не встречаем также подробных постановлений о правах и обязанностях катунарей. Они обязаны являться на общие зборы, присутствуют на сходках своих общин и вообще управляют делами своего катуня на том же основании, как и великий князь управляет делами целой Полицы (о катунарях см. 250, 251, 261, 267, 268, 270, 282). Катунарей известны также другим южным Славянам. В Боснии напр. сельские старшины издавна назывались катунарами (напр. у Miklos. 485). Катунарям полицким соответствуют сербские старейшины, кнези, прѣмкцире, владальцы, приставники и челници (начальники). Впрочем, юридическое значение этих учреждений доселе не довольно выяснено в литературе; поэтому мы позволим себѣ войти въ некоторые подробности по этому вопросу, изложимъ несколько соображений, пользуясь указаниями памятниковъ, въ особенности изданныхъ

въ новѣйшее время, — указаніями, вполне выясняющими юридическій характеръ сербскихъ кнезовъ, владальцевъ и пр.

Старъйшины (старъйшина) упоминаются въ двухъ хрисувахъ сербскихъ кралей 1292 и 1348 г. (Обренов. 44. Miklos. 135). О *кнезахъ, прѣмикиряхъ* и другихъ лицахъ говоритъ Душановъ Законникъ и современные грамоты. Историки, старавшіеся опредѣлить ихъ значеніе и руководившіеся при этомъ почти однимъ Законникомъ, приурочиваютъ ихъ по большей части къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ, Мацѣйовскій сравниваетъ прѣмикирія (primicerius) съ польскимъ и венгерскимъ маршаломъ, считаетъ его первымъ сановникомъ въ государствѣ, отправлявшимъ высшую придворную должность (Pamiętn. II. 158. Hist. II. 49). Въ слѣдъ за Мацѣйовскимъ, и Крстичъ относитъ прѣмикиріевъ къ высшимъ должностнымъ лицамъ Сербіи (Гласн. IX. 118). Въ такомъ же духѣ объясняютъ историки значеніе чельниковъ, владальцевъ и пристаинниковъ, видя въ чельникахъ — дворскихъ чиновниковъ, въ владальцахъ — областныхъ правителей и т. д. (Jb. 119, 124). Всѣ подобныя объясненія не вполне оправдываются источниками. Вотъ что говоритъ Душановъ Законникъ объ исчисленныхъ учрежденіяхъ :

«Кнезовъ и прѣмѣикіе и владальци и прѣстаници и челници, кои се обрѣтають сели и катонини обладающе, тизи вси да се кажоуть образомъ выше писаннымъ, аще се обрѣщеть од нихъ тать или хоусарь. Аще ли соу владальци оповѣдали господаремъ, и господаріе се поневѣдили, да се тизи господаріе кажоуть како хоусарь и тать» (Зак. 124, 125).

Дѣло въ томъ, что Законникъ вмѣняетъ въ обязанность селамъ и господарямъ (владѣльцамъ селъ) объявлять и выдавать правительству явныхъ татей и разбойниковъ. Въ приведенной статьѣ также самая повинность возлагается на кнезевъ и другихъ, управляющихъ (обладающихъ) селами и катунями; если они (въ текстѣ — владѣльцы) донесутъ (о татяхъ) господарямъ, то эти должны объявить (правительству). Уже изъ смысла статьи видно, что кнези и другіе владѣльцы стоятъ въ связи съ сельской жизнью, управляютъ селами, имѣя надъ собой господарей, которыми прямо и могутъ доносить о татяхъ. При ближайшемъ изученіи приведенной статьи, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что какъ подъ господарями нужно разумѣть вообще землевладѣльцевъ (будетъ-ли это частное лицо, монастырь или царь), такъ и въ кнезахъ, прѣмникіяхъ, владѣльцахъ, приставникахъ и челяникахъ, нужно видѣть прежде всего общинныхъ старшинъ и управителей имѣній властельскихъ, монастырскихъ и царскихъ. Наше мнѣніе вполне подтверждаютъ различныя сербскія грамоты стараго времени.

Кнези, по словамъ самаго Кретица, имѣли въ старой Сербіи различное значеніе и, между прочимъ, означали сельскихъ старшинъ въ имѣніяхъ церковныхъ и вельможескихъ (Гласн. IX. 110). При Душанѣ монастырь Призренскій получилъ въ «башину» нѣсколько селъ и катуней вельможескихъ. Въ данномъ по этому случаю хрисовулѣ поименно обозначаются крестьяне, принадлежавшіе къ пожалованному имѣнію: въ каждомъ катунѣ упоминается прежде всего его старшина, а за тѣмъ и остальные крестьяне, — во главѣ катуня Голубовци стоитъ «Гюръгъ кнезь з братіомъ и синои» (Гласн. XV. 292). Точно также въ грамотахъ первоначальныхъ

князя Стефана монастырю Жичи и князя Милутина Хиландарской церкви встрѣча-
емъ въ числѣ крестьянъ «кнеза Грьдъ с дѣтио» и «кнеза Воихну с дѣтио»
(Шафарика Раманку. 7. Аврамовича Опис. древн. сръбски, № 6). Князь, въ зна-
ченіи сельскаго старшины, доселѣ встрѣчается въ сръбскихъ селахъ (Гильфера,
Боснія. 90. 437). Такое же значеніе князей извѣстно было и другимъ Славянамъ.
Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши сельскіе старшины назывались *kniaziowie*,
knyasz, еще въ XV вѣкѣ (См. кн. Любомирскаго Jnrysduksya partimon. w. Polsce,
22, 28, 42).

Примикирье (прѣмикиріе, примикирье) упоминаются также въ числѣ крестьянъ
жалованныхъ имѣній. Въ хрисовулѣ царицы Евдокии 1379 г. Хиландарскому
монастырю находимъ слѣдующее мѣсто:

«Людемъ же црковнымъ устависмо законъ, да есть сии по нихъ, да дае
всаки нихъ у годиши три дни ораниа, по селѣхъ же примикирье кои су, да по-
слѣдуютъ с конми игумна, якоже хоцетъ, а прочии да поносъ цркви принашаю
на Струму, посылъ (гонецъ) же цркви примикирье на конихъ да исправляю»
(Miklos. 191)

Въ приведенномъ выше хрисовулѣ Душапа Призрѣнскому монастырю прими-
кирье, подобно князямъ, означаютъ также сельскихъ старшинъ: въ катунѣ Блат-
чане-Байславъ прѣмикирь з братіомъ и синові, въ катунѣ Добрушанци — прѣми-
кирь Воихна, въ кат. Костръчане — Богданъ прѣмикирь. Прѣмикирье именни-
ныхъ катуней соотвѣтствуютъ кнезу катуня Голубовци (Гласн. XV. 288, 291 —
295).

Владельцы имѣли различное значеніе. Они означали, во 1-хъ, вообще княжес-
кихъ чиновниковъ, носившихъ въ старой Сербіи и Босніи общее названіе *власти-
лей*, владущихъ, *владельцевъ* (Обренов. 13, 38, 43, 128 и пр.). Во 2-хъ, Законникъ
Душановъ специально называетъ владельцами (*владельца градски*) лицъ, предъ ко-
торыми судились жители городовъ, — ихъ судъ и назывался городскимъ судомъ. (См.
Законникъ, ст. 173). Наконецъ, въ 3-хъ, владельцы упоминаются въ приведенной
выше статьѣ Законника, какъ лица, «обладавшія» селами и катунями и бывшія въ
какой то зависимости отъ господарей. Ирѣчекъ совершенно вѣрно уподобляетъ
градекихъ владѣльцевъ Законника *князюмъ тигунамъ* Русской Правды и чешскимъ
*vládar*амъ, управлявшимъ пригородными королевскими имѣніями со всѣми слу-
жебными людьми, доходами (Ирѣчка Slov. pr. II. 183. Ср. также Мацѣйовскаго
Pamiet. II. 159). Еще болѣшая аналогія замѣтна между сръбскими владельцами,
жившими по селамъ, и *сельскими тигунами* Правды. Тѣмъ и другимъ можно да-
вать значеніе обыкновенныхъ сельскихъ старшинъ, въ особенности правителей владѣ-
льческихъ общинъ, жившихъ на земляхъ княжескихъ, монастырскихъ и помѣщичь-
ихъ. Сельскіе владельцы Законника коренятся въ одномъ источникѣ съ старополь-
скими *wladarz*ами и *tywon*ами — старшинами сельскихъ общинъ, жившихъ по
польскому праву и управлявшихся своими владарями и тигунами на томъ же ос-
нованіи, какъ и нѣмецкія осады управлялись своими солтысами (Любомир. Jurisd.
patrim. 17).

Челники (чеонякъ, начелникъ) имѣли также различное назначеніе. Подобно

русскимъ тигунамъ — дворскимъ, огнищнымъ, сельскимъ и пр., сръбскіе челники
находились при дворѣ (*челники великіе, челники ризничіе*), въ значеніи дворскихъ
чиновъ, и жили по селамъ и катунямъ на общемъ положеніи сельскихъ старшинъ
(о челникахъ, какъ дворскихъ чинахъ, см. Mikl. 69, 85, 102, 152 и пр.; сельскіе
челники упоминаются въ Душ. Зак. 124).

Наконецъ, *пристапники* вполне сходны съ нашими *приставами* и *прика-
щиками*, приставленными къ завѣдыванію волостями и селами. Въ нѣкоторыхъ гра-
мотахъ сръбскіе приставы прямо отождествляются съ челниками (Мацѣйов. Hist. VI.
407 — 408).

Изъ сказаннаго нами выводимъ заключеніе, что Душановъ Законникъ даетъ
одинаковое значеніе князямъ, примикирьямъ и другимъ лицамъ, «кои се обрѣтають
сели и катуни обладающе». Они означаютъ вообще сельскихъ старшинъ, стояв-
шихъ во главѣ селъ и катуней, — учрежденіе, вполне аналогическое съ полиц-
скими князьями и катунарами.

Кромѣ катунарей, находимъ въ полицкихъ селахъ и катуняхъ другія общин-
ныя должности. Сюда относятся: сельскіе приставы и выборные люди, подъ назва-
ніемъ добрыхъ людей, ямцовъ, одговорниковъ, цинцевъ и пр.

3) *Приставы* имѣли въ Полицѣ самый обширный кругъ дѣятельности. Они
«сидятъ на судѣ»; при ихъ участіи совершаются всякія «ствари и дугованья меу
людми». Приставы раздѣлялись на *общинныхъ* (опѣени пристав), избравшихся цѣ-
лой Полицей, въ значеніи главныхъ исполнительныхъ лицъ по суду и управленію
(по правдѣ жупской), и *сельскихъ приставовъ*, состоявшихъ въ связи съ общин-
нымъ судомъ и расправой. Приставы судебные отличались отъ приставовъ съ по-
лицейскимъ характеромъ. Здѣсь мы скажемъ только о послѣднемъ значеніи приста-
вовъ, — судебной дѣятельности ихъ коснемся въ отдѣлѣ о судоустройствѣ.

Приставы назначаются въ каждой общинѣ. Села должны имѣть двухъ приста-
вовъ, въ особенности для надзора за исполненіемъ наредбъ и законовъ и для от-
крытія и преслѣдованія преступленій. Подобно полицкимъ прокураторамъ или адво-
catis juris communis другихъ далматскихъ общинъ, приставы играли по селамъ роль
охранителей общинныхъ правъ. Полицкій Статутъ вѣщаетъ приставамъ прямую
полицейскую дѣятельность, только касаясь «содомскаго или неподобаго греха» и
истребленія дѣтей; но нѣтъ сомнѣнія, что обязанность предупрежденія и пресѣче-
нія преступленій лежала на приставахъ и въ другихъ случаяхъ. Приставы подле-
жали значительному штрафу, если не будутъ «вапити» — открывать преступни-
ковъ и вести ихъ предъ общину (179 — 181, 261).

4) Въ *выборныхъ людяхъ* полицкихъ общинъ мы встрѣчаемся съ весьма ин-
тереснымъ учрежденіемъ, уясняющимъ значеніе *добрыхъ людей*, нашихъ судебныхъ
мужей и цѣловальниковъ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи не безъ основа-
нія видятъ «вѣщателей» народнаго обычнаго права (Морошкинъ). Полицкій Ста-
тутъ говоритъ о *добрыхъ и праведныхъ братахъ* — выборныхъ людяхъ, кото-
рыхъ всякое село, «складно» съ своимъ катунаромъ, избирало (да поставе) подъ
присягою, въ числѣ двухъ, «да имаѣу добру помну за ову наредбу, да се има

обслужити»¹⁾. Сельскіе приставы, ежегодно, чрезъ каждые два мѣсяца, обходили общины, для наблюденія за выборными, съ правомъ «оповиди» жупѣ, при неисполненіи ими своего дѣла, «ако бы неимали помне за ове наредбе» (261).

Въ нашей литературѣ давно уже высказано довольно вѣрное мнѣніе о славянскихъ добрыхъ людяхъ, какъ народныхъ представителяхъ въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ (Майкова Судъ присяжн., въ Рус. Сл. 1861, 31 — 34). Такихъ народныхъ представителей можно видѣть въ выборныхъ людяхъ — хранителяхъ и вѣщателяхъ обычаевъ и законовъ. Къ нимъ можно въ полной мѣрѣ приписать названіе *вѣщихъ людей*, какъ иногда назывались въ старой Сербіи добрые мужи (Mikl. 144). Вѣщіе, добрые люди имѣли важное юридическое значеніе въ общественной жизни Полицы и другихъ южнославянскихъ общинъ. Общины отряжали добрыхъ мужей, подъ названіемъ *ямцовъ* (тампи) и *одговорниковъ*, на общій сборъ; добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если требовались при этомъ особенныя свѣдѣнія или рѣшеніе по совѣсти (по домысли и кушенци). Добрые люди являлись *оцѣнщиками* (цнци достойни), при отчужденіи племенщинъ и въ другихъ случаяхъ; напр., они оцѣнивали раны и убытки, понесенные обиженными, опредѣляли цѣну воровскихъ вещей и пр. (61, 64, 80, 249, 261, 267). Словомъ, добрые мужи принимали весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ. Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на сходкахъ), удерживалъ доступъ къ нимъ чрезъ посредство выборныхъ мужей, отряжавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или иныхъ обязанностей, или игравшихъ роль вѣщихъ людей, присяжныхъ хранителей и вѣщателей обычаевъ и законовъ. Поддерживая въ народѣ юридическое сознаніе, вѣщіе или добрые люди, ямцы и одговорники, являлись на законодательныхъ сходкахъ главными проводниками юридическихъ воззрѣній народа, какъ и въ сферѣ административной и судебной играли роль оберегателей народныхъ интересовъ (о добрыхъ людяхъ у Славянъ вообще см. Мацѣйовскаго Hist. III. 180, 262, IV. 97; Рейца Политич. устр. 73, 74, 107; Майкова судъ присяжн. 31).

5) Замѣтимъ наконецъ, что *круговая порука* была одной изъ главныхъ основъ администраціи полицкихъ общинъ. Это начало съ полной силой выступало въ особенности по вопросу о внутренней и вѣшной безопасности общинъ. Общественный строй Полицы до позднѣйшаго времени обходился безъ болѣе организованныхъ средствъ общественной безопасности и защиты правъ всѣхъ и каждого въ отдельности. Платежъ дикой виры — главное проявленіе круговой поруки — составлялъ повинность общинъ, несшихъ отвѣтственность за своихъ членовъ: въ Полицкомъ Статутѣ вражда (дикая вира) прямо отнесена къ числу общественныхъ «данаекъ», стоитъ рядомъ съ харачемъ (турецкою данью), десятиною и другими государственными повинностями (14). Неся отвѣтственность за своихъ членовъ, община обязана была «стати», защищать ихъ отъ нападеній и обидъ, пользовалась широкимъ правомъ мести (тирати) противъ чужихъ и своихъ. Противъ нарушителей

¹⁾ Т. е. съ тѣмъ, чтобъ они имѣли строгій надзоръ за соблюденіемъ законовъ.

земскаго мира Статутъ дозволяетъ самоправство толпы: «пушѣано опчини, да нан руку ставе»; или «да му иде поштована опчина на кућу и да му розвали кућу и негове све ча годи има да се узме у опћину полицку» (188, 247, 256 и др.). Въ свою очередь, члены общинъ, въ силу солидарности отношеній, обязаны были содѣйствовать своими частными средствами общественному порядку и благочинію. Противъ злыхъ людей «да има бити ѣдан другому у помоћи гди буде потреба». Всякій долженъ «чувати», открывать и преслѣдовать явныхъ преступниковъ и нарушителей земскаго мира, иногда подъ угрозою значительныхъ штрафовъ (зарокъ). Круговая порука высказывалась наконецъ въ общей повинности «путити сву жупу на помоћ на злеѣ луде». Охраненіе дорогъ было издавна у всѣхъ Славянъ главной повинностью общинъ. Въ Полицѣ былъ «путь опћени велики крозь жупу» и меньшіе «гонники» между селами. Охраненіе такихъ путей «своѣомъ рукомъ» отъ разбойниковъ и другихъ лихихъ людей было повинностью всѣхъ полицкихъ общинъ (266, 267). Здѣсь нужно видѣть учрежденіе путевой стражи, существовавшей въ старое время у Сербовъ и другихъ Славянъ. (О подробностяхъ см. мою статью объ устройствѣ Дубровника).

Обозрѣніе государственнаго устройства Полицы заключимъ нѣсколькими замѣчаніями о *судоустройствѣ* по Полицкому Статуту.

Прежде всего замѣтимъ, что Статутъ различаетъ двѣ формы судебной расправы: судъ чрезъ посредство органовъ общественной власти и самосудъ, самоуправство, помимо всякихъ судебныхъ органовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ общинъ, по дѣламъ между полицчанами, дѣйствуетъ главнымъ образомъ начало общественного суда и только по исключенію допускается самосудъ (частная расправа, мечь); самосудъ въ полной мѣрѣ господствуетъ въ отношеніяхъ полицчанъ къ «изванскимъ» (чужеземцамъ).

Самосудъ въ дѣлахъ съ чужеземцами признается въ слѣдующихъ статьяхъ Полицкаго Статута: «Ако ли би убио полицчанинъ изванскога за *кръв придну* (за преждее убійство), за тои имаю Полица стати (защищать); ако ли би *незаймито*, тои е оно га ствар, ки *кръв учини*. Ако ли би извански полицчанина, тои имаю тирати (мести) Полица брачки, ако е *презь займито*; ако ли е *за придну пизму* (мечь), неимаю га Полица тирати. Ако ли би убио али обранио изванни изваннега у Полицихъ, за то се Полица неимпачаю» (52 — 54). Частная расправа допускается при «придной крви или пизмѣ»: — убійство полицчанина чужеземцемъ вызываетъ кровную мечь цѣлой общины или близкихъ убитаго, какъ и чужеземецъ можетъ «за придну пизму» воспользоваться правомъ мести относительно полицчанина. Въ обоихъ случаяхъ дѣло обходится безъ посредничества общественной власти, — при придной крви не имѣетъ мѣста «правда» — судъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Общественный судъ вовсе не вмѣшивается въ дѣла между чужеземцами.

Полицкій Статутъ допускаетъ также случаи замѣны судебной расправы самосудомъ въ дѣлахъ между полицчанами. Сюда относится главнымъ образомъ поимка преступника «лицемъ», на мѣстѣ преступленія: «ако би стигао и ухитио лицемъ, гди лунежъ (татъ) негово води или носи», — обиженный можетъ распорядиться немедленно, не прибѣгая къ суду, а при сопротивленіи виновнаго, можетъ убить его на мѣстѣ (21, 58, 162).

Въ внутреннихъ отношеніяхъ общинъ частная расправа, помимо суда, допускалась только въ крайнихъ случаяхъ — въ состояніи необходимой обороны и при сопротивленіи преступника, застигнутого на преступленіи «лицемъ». Въ обыкновенныхъ случаяхъ Статутъ принимаетъ основное правило: «неима човикъ сам себе плаћати и одвазети» (162). Полное и абсолютное отрицаніе самосуда высказано Статутомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. «Да ние волянъ силе у силу чинити» (32) — правило, буквально сходное съ положеніемъ Душанова Законника: «силѣ да нѣсть никоу ни за единѣ дѣль въ земли царьской» (ст. 89). Никто не можетъ самовольно взыскивать (самосегомъ плаћати) своихъ долговъ, по основному правилу — «ниткоръ неима сам себи правде чинити» (134. Ср. 114). Запрещая самосудъ, Статутъ очень часто говоритъ: «понди и правди, на судъ», или «правдомъ закономъ; свакому правда на мѣсту; сваки питанъ свога по закону; сваки има с миромъ и у миру свое ствари чинити с правдомъ и закономъ» (119, 161, 188 и пр.).

Судоустройство полицкой общины сложилось исторически, подъ главнымъ вліяніемъ автономическаго развитія составныхъ ея частей и союзовъ, изстари пользовавшихся самостоятельнымъ правомъ суда и расправы. Дружина вервная и община территориальная — status in statu средневѣковой жизни Славянъ — вырабатывали свои независимые органы суда, компетентные по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ общины. Статутъ Полицкій говоритъ о *правдѣ жупской* и *вервнома судѣ*, какъ объ учрежденіяхъ изстародавнихъ (од искони), первоначально обнимающихъ всѣ отдѣльные органы общественного суда и расправы. Позже къ нимъ примыкаетъ *господскій судъ*, компетентный для челяди и кметовъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Компетентность правды жупской, вервной и господской опредѣляется лишь однимъ началомъ — принадлежностью лицъ къ верви, опћинѣ и «господскимъ подложникамъ» и характеромъ судебныхъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы и права цѣлой Полицы или ея меньшихъ союзовъ. Другія начала судебной компетентности (мѣсто совершения преступленій, внутренняя ихъ тяжесть и пр.) вовсе не извѣстны Полицкому Статуту. Вся его система судоустройства, въ особенности ученіе о правдѣ вервной и жупской, остается вполне вѣрной старославянскому праву, чуждому сложнымъ и искусственнымъ порядкамъ и учрежденіямъ римскимъ и германскимъ.

1) *Правда жупская* (см. напр. 249) была компетентной для всѣхъ свободныхъ членовъ общины. Къ органамъ жупской правды относились: судъ предъ полицкимъ *зборомъ*, предъ *великимъ княземъ* и предъ *судцами-ротниками*. Въ этихъ учрежденіяхъ Статутъ видитъ органы суда, «ча се пита с правдомъ закономъ», и противопоставляетъ имъ *правду облублину*, производившуюся предъ *суци облублини* (133).

а) *Правда законная* обнимаетъ учрежденія общинныя, предназначавшіяся для суда по закону, въ отличіе отъ органовъ правды облублинной, судившихъ по совѣсти (бравшихъ судное дѣло на свою душу). Правду по закону отправляетъ *судъ, столь полицки* (4, 119), состоявшій изъ официальныхъ судей; органами правды облублинной, напротивъ, были частныя лица, избранныя (облублины) самыми старонами.

Общія указанія на правду жупскую, въ особенности по закону, Полицкій

Статутъ даетъ въ статьяхъ, говорящихъ объ *опћинѣ* и *Полицѣ*, какъ судебныхъ органахъ. Таковы слѣдующія мѣста Статута: «ако би му се невидила *одлука у Полицихъ*; ако ли е (правды господарь) не учини, а онъ кому е дужно, има понти *придѣ Полицу*; ако бы тко нехотно хивати и везати те такове (преступниковъ) и повести ихъ *придѣ опћину*» (5, 143, 180). Въ другихъ мѣстахъ опћина или Полица замѣняются судомъ предъ княземъ, судцами или зборомъ. Напр., по 143 статьѣ истецъ, не довольный господскимъ судомъ, долженъ идти на судъ предъ Полицу, а по 16 и 237 статьямъ — предъ судей-ротниковъ, или къ князю, или на зборъ; судъ предъ Полицей, очевидно, обозначаетъ специально судъ предъ однимъ изъ этихъ ораповъ общиннаго суда. Такое же значеніе имѣетъ опћина 65-й и 151-й статей, въ которыхъ усвоится осудъ общины пополамъ съ стороной (оправданной по суду): подъ общиной разумѣются вообще органы общиннаго суда, — право ихъ на осудъ и опредѣляется ближе и точнѣе въ 153-й ст.

Подъ полицкимъ столомъ нельзя разумѣть учрежденія, предназначавшагося для постоянныхъ судебныхъ засѣданій, въ родѣ сеньскаго трибунала, континѣ балтійскихъ Славянъ или судебни Псковитянъ. Полицкій столъ скорѣе всего соответствуетъ чешскому и русскому торгу (trh), также копѣ и громадѣ литовско-русской. Общественный судъ въ Полицѣ отличался патриархальной простотой судебныхъ сходокъ у древнихъ Славянъ, собиравшихся *подъ открытымъ небомъ*, безъ особенныхъ торжественныхъ формальностей. Какъ полицкіе сборы, такъ и судъ предъ княземъ, бывшимъ «на пути у Полицихъ», учреждались, гдѣ и какъ придется. Судъ подъ открытымъ небомъ былъ общимъ обычаемъ Полицы, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста Статута: «тер бп една страна купна дошла на рокъ своими правми, а друге не било, има ова страна *чекати до мрака и наложити оганъ и звати другу страну*»¹⁾.

а) *Судъ вѣчевой*. Статутъ очень часто говоритъ о позвѣ «придѣ зборъ полицки», объ «одлукѣ, ча осуди (допита) купанъ зборъ Полицъ», и пр. (8, 9, 124, 153). Судебной властью пользовался *опћени* зборъ цѣлой Полицы и «братински» зборы и вѣча. Въ Статутѣ записанъ одинъ случай суда на зборѣ *дидичскомъ*, по дѣлу князя Ивана Синовичича, обвинявшагося въ «непристойныхъ рѣчахъ» противъ дѣлчества воеводы Стазича (275). Не видно, чтобы судъ могъ производиться на сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. — Статутъ не опредѣляетъ дѣлъ, исключительно подлежащихъ вѣчевому суду: каждому свободному чловѣку дозволялось обращаться за судомъ къ князю, ротникамъ или збору, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (8, 235). Исключеніе составляли споры по племенщинамъ, входившіе въ компетентность князя и судей-ротниковъ (15, 115, 239). На зборѣ разсматривались и рѣшались нерѣдко дѣла небольшой важности. Въ 1675 г. зборъ судилъ какого-то Ивана Сучича, который «одсиче на светога Арнира нос Марку Кухачићу, безъ узрока, с коѣга носа изгуби жупа поѣличка велико благо» (276). Судъ на зборѣ не означалъ высшей судебной инстанціи. Всякое дѣло могло, правда,

¹⁾ Если бы одна сторона явилась на срокъ съ своими доказательствами, а другой не было, то явившаяся сторона должна ожидать до *сумерекъ*, разложить огонь и звать другую сторону (148).

княжаго и вѣчеваго, являются вполне равной имъ судебной коллегіей, къ суду которой каждый могъ обратиться на такомъ же основаніи, какъ и къ суду на зборѣ или предъ княземъ (6, 8). О ротникахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи Статута, которыя Майковъ весьма основательно относитъ къ двумъ разновременнымъ редакціямъ:

«И приаше Полица, да *четыри властеле и деветъ* (въ заглавіи — *десетъ дидиѣ*), да ка коли тужба *прид те суце* доходи, што би се тко тужио прокаратуром, или би сами тко тужио *вям се, да они питаю у благо од свега, а од племенщине тко би што хотио новщину учинити, да ти суци уставлаю и разгледаю*»¹⁾.

«А овои приаше поличане будући сви заедно, сви властеле и сва опѣца поличка, овако и по ови путь: учините по *четыри властеле и четири дидиѣ за три мисеце; наконъ три мисеце да се друзи промине, ли такое у диле по осам тихъ е згора писанихъ. ако му буде криво, да позива *прида не** (т. е. предъ нихъ) за три дни у свакому мисецу»²⁾.

Обѣ статьи говорятъ объ однихъ и тѣхъ же судьяхъ. Въ 15-й статьѣ они названы *суци*. Значеніе ихъ полнѣе опредѣлено въ слѣдующей (16-й) статьѣ: если по дѣлу кметей господинъ не дастъ суда, «правду задоволну неучини», то истецъ «волеи апелати *прид ове суце и ротнике*, да греде *прид ротнике*». Тѣ же самыя судцы перечисляются въ 153 статьѣ въ числѣ поличскихъ судей, пользовавшихся правомъ на доходы съ суда, — *суци 15 статьи названы здѣсь судци — ротники*.

Поличскій Статутъ далеко не касается всѣхъ деталей устройства коллегіи судей-ротниковъ. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ интересномъ институтѣ поличнаго судоустройства. Община избираетъ ротниковъ изъ племенщичей и дидичей. Коллегія состояла изъ 4-хъ властей и 9 или 10 дидичей; но, можетъ быть, позже ротники назначались поровну изъ обоихъ сословій (четыре властеля и четыре дидича). Впрочемъ, коллегія 13 ротниковъ могла существовать и независимо отъ 8-ти ротниковъ. Здѣсь можно видѣть аналогію съ устройствомъ сербской пороты, слагавшейся изъ 24, 12 и 6 поротцевъ, по различію дѣлъ «большихъ, манихъ (среднихъ) и меньшихъ». Можетъ быть, большая коллегія судила и большія дѣла, въ отличіе отъ 8 ротниковъ, избравшихся для дѣлъ менѣе важныхъ; хотя, вообще говоря, различіе между большимъ и малымъ «дльгомъ» не имѣло вліянія на устройство поличскихъ судовъ. Всего вѣроятнѣе, что 13 и 8 поротниковъ — одно и то же учрежденіе, упоминающееся въ Статутѣ въ разные эпохи его развитія. Коллегія

¹⁾ И приняла Полица: 4 властеля и десять дидичей разрѣшаютъ всѣ споры по движимому имуществу, если представлена жалоба тѣмъ судьямъ (будетъ ли кто жаловаться чрезъ прокаратура или лично самъ); а если будетъ учинено насиліе по племенщичь, то тѣ же судьи уставляютъ и рассматриваютъ (дѣло). Ст. 15).

²⁾ Поличане, будучи все вмѣстѣ, все властели и вся община поличкая, приняли слѣдующее: избрали 4-хъ властелей и 4-хъ дидичей на три мѣсяца; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они смѣняются другими, (такъ чтобы) въ каждомъ отдѣлѣ было по 8-ми вышписанныхъ (властелей и дидичей). Кто будетъ обиженъ, тотъ пусть позываетъ предъ нихъ не далѣе 3-хъ дней до начала всякаго мѣсяца (19).

состояла изъ однихъ ротниковъ; ни откуда не видно, чтобы на ихъ судѣ присутствовалъ князь или княжій человекъ. Приставы, находившіеся при судѣ ротниковъ (6), имѣли значеніе обыкновенныхъ исполнительныхъ лицъ, производившихъ напр. позовы и пр. Самое названіе судцевъ ротниками показываетъ, что они производили судѣ по присягѣ. Ротники избирались на короткое время — на три мѣсяца (заклетвенные судцы, какъ и другіе чиновники, отправляли должность въ теченіи года); по истеченіи срока службы старыхъ ротниковъ, коллегія обновлялась въ своемъ составѣ назначеніемъ новыхъ судей. Судъ ротниковъ учреждался не для однихъ племенныхъ людей, но вообще для всѣхъ свободныхъ людей; къ суду ротниковъ могли обращаться и кметы, если ихъ господинъ не давалъ имъ суда (16). Касательно дѣлъ, подлежащихъ суду ротниковъ, Статутъ просто говоритъ, что «они (ротники) питаю у *благо оди свега, а од племенщине тко би што хотио новщину учинити*»; или въ другомъ мѣстѣ: «ки учини *кривину*, напие тко учини *крв...* и тко бы кога *било...* или по ки путь коли тко учини *силу...* и кто ли би се наша *лупеж меусобацъ*, племенить човикъ али кметийъ, да га они могу позвати и прити *прид кнезом, али прид суци* (ротники), али *преа зборомъ* (8, 235). Изъ этихъ мѣстъ ясно видно, что компетентность суда ротниковъ распространялась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Исключеніе составляла одна племенщина: ротники судятъ только силу или новщину, — другія дѣла и споры по племенщичь, какъ мы видѣли, подлежали суду князи, который одинъ имѣлъ право разбирать и утверждать своимъ приговоромъ законныя права на племенщину (уложить у племенщину). Ротники имѣютъ значеніе настоящихъ судей. Они производятъ «судъ и питанье»; въ своей коллегіи они «питаю, разгледаю и уставлаю». Нѣтъ нигдѣ намека, чтобы отъ ротниковъ дѣла переходили къ другимъ судьямъ. По всему видно, приговоръ отъ ротниковъ дѣла переходили къ другимъ судьямъ. По всему видно, приговоръ отъ ротниковъ считался окончательнымъ, не допускалъ перевершенія дѣла въ новой инстанціи.

Институтъ поличскихъ судей — ротниковъ несомнѣнно коренится въ одномъ источникѣ съ сербскою поротою. Порота и судцы-ротники въ одинаковой мѣрѣ судили по присягѣ, представляли *коллегію присяжныхъ*, взятыхъ на время изъ народа, — коллегію, противопоставляющуюся судамъ должностнымъ (вѣчевому и княжему) и посредническимъ (душникамъ и облубленнымъ судцамъ). Съ другой стороны, судцы-ротники представляютъ весьма существенныя отличія отъ сербскихъ поротцевъ. Они различны между собой въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Поличскихъ присяжныхъ избирала община, сербскихъ и дубровницкихъ — болѣею частію сами стороны.

2) Поличкая община выставляла присяжныхъ изъ сословій, указанныхъ въ самомъ законѣ, — должность ротниковъ была привилегіей властелей и дидичей. Поротцы сербскіе всегда избирались изъ «дружины» истца и отвѣтника, т. е. изъ лицъ равнаго съ ними состоянія.

3) Поличскіе ротники отправляли должность въ теченіи законнаго срока (трехъ мѣсяцевъ); поротцы сербскіе назначались одновременно. Первые судили въ теченіи цѣлой судебной сессіи; вторые призывались только въ одно судебное собраніе.

4) Въ Полицѣ одни и тѣже ротники судили всѣ дѣла, поступавшія на ихъ разсмотрѣніе въ теченіи сессіи, на которую они призваны. Сербскіе поротцы призывались только для рѣшенія даннаго случая, послѣ чего они слагали съ себя должность поротцевъ и входили въ разрядъ простыхъ гражданъ.

5) Полицкая коллегія ротниковъ имѣла вполне самостоятельный характеръ, слагалась изъ однихъ ротниковъ. Въ составъ пороты сербской и дубровницкой входили должностные судьи, — *iur* и *judicium* отправляли здѣсь различные органы.

6) Полицкіе поротцы не только оправдывали или обвиняли подсудимаго, но и «устанавливали судъ и питанье», судили въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поротцы сербскіе, напротивъ, только оправдывали или обвиняли, «да оправа или да окриве».

Въ последнемъ пунктѣ мы рѣшительно расходимся съ Майковымъ, ограничивающимъ дѣятельность полицкихъ ротниковъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго (см. Судъ присяжныхъ, 57). Въ этомъ случаѣ Майковъ вполне отождествляетъ полицкихъ ротниковъ съ сербской поротой, что положительно не вѣрно. Майковъ говоритъ, что, обязывая присяжныхъ оправданіемъ или обвиненіемъ и желая «избавить ихъ отъ окончательнаго исполненія приговора, уставъ самъ уже опредѣляетъ пеню, подробно говоритъ о наказаніяхъ за извѣстныя уголовныя преступленія, такъ что самъ уже законъ опредѣляетъ наказаніе и примѣняетъ его къ различнымъ случаямъ уголовныхъ дѣлъ». Положимъ даже, что Полицкій Статутъ дѣйствительно подробно опредѣляетъ наказанія; но значить ли это, что уставъ тѣмъ самымъ устраняетъ судей отъ окончательнаго исполненія приговора? Спрашивается, кто же опредѣляетъ наказаніе и исполняетъ приговоръ: ротники избавлены отъ этой обязанности; должностные судьи не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло; выходитъ, что приговоръ присяжныхъ просто — на просто всегда оставался безъ исполненія. Утверждать, что наказаніе назначалось и приговоръ исполнялся безъ посредничества и власти судьи, что самъ законъ заботился о примѣненіи наказанія къ данному случаю, не вѣряя этого дѣла какому либо органу общественной власти, значить высказать рѣшительное незнакомство, ни съ основными началами ученія о процессѣ, ни съ духомъ развитія юридическаго быта у Славянъ и въ частности въ Полицѣ. По основному правилу, равно извѣстному всѣмъ законодательствамъ, если дѣло вступило на процессуальный путь, то, вмѣстѣ съ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, было не менѣе важнымъ дѣломъ — примѣненіе наказанія, а оно, по самому существу своему, могло не иначе совершаться, какъ при посредствѣ власти дѣйствительнаго судьи. По Майкову выходитъ напротивъ, что Полицкій Статутъ оставлялъ на произволъ судьбы самую главную часть уголовного процесса, отправленіе которой всегда и вездѣ принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ судей, дѣйствовавшихъ *ex officio*. Если законъ точно и подробно опредѣляетъ наказаніе, то едва ли это значить, что онъ желалъ избавить судей отъ одной изъ ихъ служебныхъ обязанностей — отъ исполненія приговора и пр. Здѣсь скрывается иная умысль: точное опредѣленіе наказаній, въ особенности пеней, слѣдовавшихъ судьямъ или князю, можно объяснять, какъ угодно, но только не такъ, какъ объясняетъ Майковъ. Кромѣ финансовыхъ расчетовъ, законодатель могъ при этомъ

руководиться желаніемъ устранить лишь произволъ судей въ назначеніи наказаній и исполненіи приговоровъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній говорить, что Полицкій Статутъ отличается точнымъ опредѣленіемъ наказаній на всѣ возможные случаи: этотъ вопросъ составляетъ самую трудную и капитальную задачу уголовного права, не всегда и не вполне удовлетворительно рѣшаемую даже современными намъ законодательствами. Полицкій Статутъ, напротивъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говоритъ, что законъ не можетъ опредѣлить до подробностей ни преступленій, ни самыхъ наказаній. Для примѣра приведу статьи о ранахъ и назначенныхъ за нихъ наказаніяхъ. Опредѣливъ пени за главные виды членоповрежденій и за простыя раны и побои, Статутъ далѣе говоритъ вотъ что:

«И бошь гди би се те такове ствари згодило, ке би такои веле сметене (смертне), има се *процинити* по циньцихъ (свидоцихъ), ничъ по закону, а ничъ по мисли и кушеници, и паке *разабравши*, зачь е тоя учинено и по чемъ» ¹⁾.

«И толикое се има *цинити* веће еданъ (палець) од другога, колико е ки од кога вридии. и паке се има процинити, або би сасвимъ неманькао кои годи удъ; тоту има бити *разледъ*» ²⁾.

«Има се видити, гди е и у комъ мисту учинено, и на комъ дугованью, и с кога узрока; *зачъ се немогу све ствари напуно исписати, да има се по кушеници николико судити*» ³⁾.

«Они, ки буду равамъ цинци, имаю видити и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и обычаю, а ничъ по домисли и покушеници; зачь се немогу премъ све сваке ствари напуно сасвимъ законити, измирити и угонити, *ни се могу премъ све ричи у штатутъ поставити*; да има се прозити и *процинити*... све има сагнути и примирити, ере се немогу све ствари изименовати, како е згора речено» ⁴⁾.

Эти мѣста ясно показываютъ, на сколько Статутъ желалъ освободить судей отъ опредѣленія наказаній: судьямъ, напротивъ, вмѣнялось въ обязанность назначать наказанія по *закону* и *обычаю*, даже по собственной *домисли* и *кушеници*. А что ротники *судили* въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ объ этомъ положительно говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ:

¹⁾ Если бы случился такіа дѣла (раны), которыя грозили бы смертью, то должно оцѣнить (ихъ) посредствомъ оцѣнщиковъ (свидѣтелей), отчасти по закону, отчасти по усмотрѣнію и совѣсти, разсмотрѣвши, изъ-за чего и какъ то учинено (39).

²⁾ И на столько одинъ (палець) долженъ цѣниться больше другаго, на сколько онъ важнѣе этого. И опять слѣдуетъ (иначе) оцѣнить, если бы совсѣмъ не доставало какого либо члена. Во всѣхъ такихъ случаяхъ долженъ имѣть мѣсто осмотръ (40).

³⁾ Должно разсмотрѣть, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ учинено, на какомъ дѣлѣ и по какой причинѣ; потому что невозможно вполне опредѣлить (въ законѣ) всѣхъ дѣлъ, но должно судить по совѣсти (42).

⁴⁾ Оцѣнщики ранъ должны видѣть и смотрѣть (ихъ) и, обсудивши, оцѣнить, отчасти по закону и обычаю, а отчасти по усмотрѣнію и совѣсти; потому что невозможно всѣхъ дѣлъ вполне опредѣлить въ законѣ, измѣрить и установить, ни записать ихъ въ Статутъ; слѣдуетъ разсмотрѣть и оцѣнить... во все должно вникать и обсуждать, потому что нельзя наименовать всѣхъ дѣлъ, какъ выше сказано (64).

«И тако тогда осуда и свакога осуда гре по страни, а друга по онимъ судцамъ, ки тои буду судили: ако е о кнезу, тада кнезу и судцемъ; ако ли су (судили) судци-ротници, тада нимъ; ако ли е приде зборомъ, тада опћини»¹⁾.

Значеніе ротниковъ, какъ судей, несомнѣнно видно изъ этого мѣста. Они вполне уравниваются съ зборомъ и княземъ, наравнѣ съ ними производятъ судъ и питье — дѣло, не ограничивавшееся однимъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, но главнымъ образомъ обнимавшее назначеніе наказанія и исполненіе приговора.

Полицкіе судцы-ротники, такимъ образомъ, отличались отъ сербской пороты во многихъ существенныхъ пунктахъ. Но ихъ нельзя также уподоблять нѣмецкимъ Schöffen'амъ — постояннымъ судебнымъ засѣдателямъ, избиравшимся самымъ правительствомъ какъ бы въ помощь къ главнымъ судьямъ. Судцы-ротники занимали среднее мѣсто между поротой и скабнинами. Ихъ нельзя выводить изъ вѣдѣній вліяній; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на «уступку въ пользу сосѣдняго устроа»: уступка могла быть здѣсь лишь въ пользу собственнаго внутренняго устроа полицкой общины. Полица вовсе не знала чиновниковъ въ теперешнемъ смыслѣ. Всѣ должностныя лица — главари и судьи Полицы, отъ малыхъ и до большихъ, служили общинѣ, имѣли въ большей или меньшей степени характеръ добрыхъ или лучшихъ людей, временно приставлявшихся общиной къ администраціи и суду, — во всѣхъ главаряхъ проглядывало такъ или иначе значеніе людей «заклетвенныхъ», ротниковъ. Общественный строй полицкой общины условливалъ не противоположеніе присяжныхъ чиновникамъ, какъ это напр. было въ Сербіи, но обоюдное вліяніе и сближеніе главарей и присяжныхъ судей. Оттого можно вмѣстѣ съ Майковымъ сказать, что учрежденіе судей ротниковъ возросло «на славянской почвѣ подъ славянскимъ воззрѣніемъ: въ немъ, какъ учрежденіи домашнемъ, высказалась своя распорядительность и особенность со стороны народа, которымъ оно было выношено и воспитано».

6) Правдѣ законной, обнимавшей судъ предъ зборомъ, княземъ и судцами-ротниками, противопоставляется *правда облублена*, имѣвшая мѣсто «приде *суци облублени*» (133). Статутъ упоминаетъ объ этихъ судьяхъ почти только мимоходомъ. Имъ соответствуютъ русскіе трети, польскіе и мазовецкіе *jednace* или *skladzce*, чешскій *soud slibny* (позднѣйшіе *roky domáci, rokovníci* или *prátelské umluvce*), сербскіе душики или душевники, дубровницкіе учиначе и *parvum stanicum*. Общій строй посредническаго суда всегда былъ одинаковъ. Третьей избирали стороны, для рѣшенія дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ. Они не присягали, брали дѣло на свою душу, судили по совѣсти. Трети только обязывались «оумирити», въ отличіе отъ поротцевъ, которые «да оправе или да окриве». Полицкій Статутъ не опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ имѣла мѣсто правда законная и въ какихъ —

¹⁾ И такимъ образомъ, вотъ и всякій осудъ идетъ (въ пользу) стороны, а другая (половина) судьямъ, которые то (дѣло) судили: если судилъ князь, то (осудъ идетъ) князю и судцамъ; если судцы-ротники, то нимъ; если (судъ) производился предъ зборомъ, то (осудъ идетъ) общинѣ (153).

облуженная. По словамъ Палацкаго и Ирѣчка, сербскіе душики и чешскій *slibny soud* призывались только по менѣ важнымъ дѣламъ. Изъ дубровницкихъ законовъ о *stanicum parvum et sacramentum* видно, что судъ третьей (*parv. stan.*) въ обыкновенныхъ случаяхъ предшествовалъ суду присяжныхъ, — порота и имѣла мѣсто, главнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ, когда не состоялся миролюбное соглашеніе, или когда затруднительность и важность дѣла требовали учрежденія *stanicum sacramentum* (См. Палацкаго Сравни. Закон. Душ. 8 гл. Ирѣчка *Slov. pr.* II. 199. Рейца Политич. устр. далмат. город. 180. Мацѣйовскаго *Pamiętn.* II. 294).

2) Отдѣльныя формы суда, развивавшіяся рядомъ съ правдой жупской, составляли *суды верные* и *господскіе*.

а) *Судъ верный*. На него указываетъ постановленіе Статута «од племенщины», гдѣ между прочимъ разбираетъ споры между братьями верными предоставляется верви. Ей принадлежитъ судъ по кривдамъ вообще (гдѣ се кому криво види) и въ особенности судъ по спорамъ изъ за племенщины, принадлежащей верви (114. См. мою статью о значеніи верви сравнительно съ задругою).

б) *Судъ господскій*. Господинъ (господарь) — *подобан суцац* надъ зависѣвшими отъ него кметями и людьми. Въ значеніи судьи, господинъ получаетъ на общемъ основаніи судныя пени съ провинившихся людей; если они, напр. по апелляціи истца, судятся въ другомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ господинъ удерживаетъ право на пеню. Всякій, имѣющій спорное дѣло съ чужимъ человекомъ, долженъ прежде всего просить суда у его господина; при отказѣ истецъ можетъ обратиться къ сбору и вообще къ Полицѣ, съ просьбой принудить господина дать судъ. Послѣ вторичнаго отказа истецъ можетъ обратиться къ жупскимъ судамъ на общемъ основаніи. Къ нимъ же дозволено «апелати», когда истецъ останется недовольнымъ господскимъ судомъ: отвѣчать на судъ обязанъ самъ отвѣтникъ. Вызсканіе по судебному приговору обращается на виновнаго, а не на его господина. Съ другой стороны, всякій кметъ пользуется правомъ лично искать на другихъ, съ другой стороны, всякій кметъ пользуется правомъ лично искать на другихъ, обращаясь съ искомъ или жалобой въ жупскіе суды на общемъ основаніи. Не видно, чтобъ при этомъ требовалось посредничество господина. Пока кметъ находится въ зависимости отъ господина, онъ долженъ безпрекословно исполнять всякій его судебный приговоръ; подложному человеку, недовольному господскимъ судомъ, дозволяется возобновить дѣло въ жупскихъ судахъ только послѣ выхода его отъ прежняго господина: «да ако би кад пошаѣо од неѣ, воан би с правдомъ питати, ако би му ча криво али неподобно учиниѣо» (8, 9, 16, 122, 143, 151, 237 — 240).

Главными исполнительными органами, въ особенности правды жупской, считаются *приставы*. Статутъ различаетъ приставовъ *опћинихъ*, *кнежихъ* и *иныхъ*, состоявшихъ при зборѣ, князѣ и судцахъ-ротникахъ. Приставы полагались также при правдѣ облуженной. Одни приставы присягали на должность, почему и назывались *ротными*, въ отличіе отъ простыхъ приставовъ, не обязанныхъ присягой. Изъ Статута видно, что при каждомъ судѣ могло находиться нѣсколько приставовъ, — иногда одно судебное дѣйствіе (напр. позовъ) производилось цѣлой коллегіей приставовъ того суда, въ которомъ рѣшалось данное дѣло (1, 2, 6, 124, 126, 128, 131, 133, 135).

Судебная дѣтельность приставовъ опредѣляется въ Статутѣ довольно точнымъ образомъ. Они *приставую*, чинятъ *приставщину* (124, 125, 129, 133), которая состоитъ въ производствѣ различныхъ судебныхъ дѣйствій — позовъ, мѣстныхъ разслѣдованій и осмотровъ, привода къ присягѣ сторонъ и поротниковъ (очистниковъ) и пр.; исполненіе приговора принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ приставовъ. Они дѣлятъ спорную землю, взыскиваютъ долги, если самъ должникъ добровольно не разсчитается съ своимъ кредиторомъ, и пр. (6, 83, 116 и пр.). Сущность приставщины опредѣляетъ Полицій Статутъ слѣдующимъ образомъ:

«Пристави су, по нихъ се чине позови по закону, и правде питаю, и поротья, и продае, и такмине, и свидочаства и сваке ине ствари и дугованья мсу людьми»¹⁾.

Приставщина возбуждается частной просьбой сторонъ, обращенной къ суду, о назначеніи и посылкѣ пристава, для исполненія напр. позова или другихъ судебныхъ дѣйствій. Въ понятіе приставщины входятъ въ особенности всѣ отправленія приставовъ, производившіяся ими внѣ суда, когда они *«приставую стоѣти на нозахъ»*. Послѣ того, какъ приставъ донесъ суду о результатѣ исполненныхъ имъ дѣйствій, онъ *сиде у суду*: въ судѣ приставщина ограничивалась въ особенности допросомъ свидѣтелей и заклинаніемъ поротниковъ (124, 125).

Приставщина означала собственно *помощь*, которую приставы оказывали на судѣ сторонамъ. Сторона, приобретающая что либо по суду (ки допре и добуде племенщину, — ки пита теръ добуде с правдом, — ки веће добива и ки се веће припита, ча ние приа импла али држала), платила судьямъ опредѣленную закономъ осуду. Десятая часть (*дил десети*, или просто *десето*) такой осуди слѣдовала всегда въ пользу приставовъ; приставы при облюбленной правдѣ получали только половину десятины. Статутъ, кромѣ того, постановляетъ, что и другая сторона, «ки ние хоти презъ парне (безъ суда) добровольно платити, има пристава кувъ тати од себе». Приставничья плата взымалась всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, хотябы въ данномъ дѣлѣ приставщина производилась нѣсколькими приставами: десятый дѣль осуди слѣдовалъ имъ по равнымъ частямъ. Если въ приставщинѣ участвовали приставъ ротный съ нѣсколькими простыми приставами, то одна половина осуди слѣдовала ротному приставу, другая дѣлилась между остальными (2, 128—133).

Приставы, въ особенности ротные, считались «подобни и достоини вири», пока не будутъ уличены въ «фалсо и хитрости» — незаконномъ исполненіи приставщины. Пристава дозволялось «нарекать» предъ судомъ. По старому закону, *кривой* приставъ терялъ довѣріе: выѣстъ съ удаленіемъ отъ должности, ему грозило изувѣченіе (изъсићи три ребра). Статутъ принялъ «милостивий» законъ: кривой приставъ «дужанъ мртвом враждомъ», т. е. старое наказаніе оплачивалъ денежнымъ выкупомъ въ пользу общины и оправданной стороны (124 — 127).

¹⁾ Приставы суть тѣ, посредствомъ которыхъ производятся позовы по закону, разслѣдывается правда и совершается присяга, продажа и договоры, свидѣтельство и всякія дѣла и сношенія между людьми (123).

Полиціе приставы представляютъ изстаринное учрежденіе, встрѣчавшееся въ прежнее время у всѣхъ Славянъ. Они равно извѣстны всѣхъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскихъ законодательствъ.

Старія хорватскія *sudovi* показываютъ, что *rotni pristavi* состояли при старыхъ хорватскихъ судахъ (*sudacki stol*) въ значеніи главныхъ исполнительныхъ учреждений. Они производятъ позовы, исполняютъ приговоръ и пр., сидятъ на судѣ, вообще считаются одной изъ составныхъ частей суда (*Arkiv. I. 203 — 204*). Съ такимъ же значеніемъ извѣстны приставы (*pristavi*, *prislaldi*, *praecones* и пр.) средневѣковыми статутамъ приморскихъ далматскихъ городовъ (См. Рейца. 42—46).

Приставы Винодолскихъ Законовъ было общимъ названіемъ *слугъ, служабниковъ, позовниковъ* и другихъ лицъ, находившихся при князѣ и другихъ судьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. позовники, назывались *rotени* (присяжные). Винодолскіе приставы отправляли тѣже обязанности, какъ и полиціе. Законы опредѣляютъ таксу платы, получавшейся приставами отъ сторонъ, смотря цѣнѣ иска (од наивете и мане пре) и спорныхъ вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приставъ отряжался на мѣсто, напр. для осмотра поличнаго (убитаго животного и пр.), онъ получалъ вознагражденіе натурою (пару подошвъ). Если предметомъ поличнаго было мертвое «говедо» (скотъ, животное), то приставъ бралъ часть (если говедо было цѣло) или все поличное, а истецъ «ишти свое правде». Показанія пристава на судѣ считались достойными вѣры, пока приставъ не окажется *кривымъ*. Приставъ кривой, кромѣ удаленія отъ должности, подвергался конфискаціи имущества (19, 48 — 51, 65, 73).

Сеньскій Статутъ говоритъ о приставахъ (*pristavi*) и равнозначительныхъ съ ними *дворникахъ* (*dovornici*, *officiales curiae* — старорусскіе дворяне). Они производятъ позовы, вводятъ во владѣніе и проч., получая за трудъ десятину, *десепи soldinorum* (*Ark. III. 159, 160*).

Подобныя же учрежденія извѣстны старосербскому судоустройству. Законникъ Душановъ говоритъ о приставахъ (*прѣставъ, приставъ*); къ разряду приставовъ относились *дворяне* и *посланицы*. Приставы раздѣлялись на *дворскихъ* или *царевыхъ* и *судинныхъ*. Ихъ отряжали судьи на *работу*, однозначашую съ полицѣйской приставщиной. Приставы всегда дѣйствовали по «книгѣ царской или судиной»: вышедши изъ предѣловъ книги, особенно при исполненіи судебного приговора (если иначе прѣтворить судъ), приставъ считался *кривымъ*, какъ и въ Полицѣ подвергался изувѣченію (урѣзанію языка и отсѣченію руки или ушей). Приставничье вознагражденіе, соответствующее полицѣйской и сеньской десятинѣ, носитъ названіе *издаве*. Законникъ упоминаетъ, кромѣ того, объ отдѣльномъ родѣ приставовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *глобарей*, приставлявшихся къ сбору «глобы» (тоже, что вира Р. Правды). Глобари доселѣ держатся у Черногорцевъ. Быть можетъ, они соответствуютъ русскимъ *вирникамъ*, тоже приставлявшимся къ вирамъ.

Южнославянскимъ приставамъ соответствуютъ чешскіе *komornici*, *puhonci* и *posly* (*camerarii*, *bedalli*). При судахъ чешскихъ, какъ и полиціихъ, состояла цѣлая коллегія судебныхъ приставовъ. Главнымъ считался *stary komornik*, называвшійся также *komornicy starosta*, который завѣдывалъ всей коллегіей коморниковъ.

(или коморничьихъ *druh'ovъ*). Въ старое время главный коморникъ имѣлъ при себѣ по найму (на *pažne*) нѣсколькихъ приставовъ; позже коморники сдѣлались постоянной (*stáli*) должностью (Archiv. cesky. I. 450, 451, 474, 476, 478. II. 78, 510. Ср. Ирѣчка Slov. pr. II. 183).

Старопольскіе *pristaldi* (*przystawy*) имѣли общее значеніе славянскихъ приставовъ. Изъ Вислицкаго Статута видно, что въ старое время польскіе приставы носили названіе *дѣтскихъ*, — по Статуту судебныя дѣйствія служебниковъ и возныхъ называются вообще *dziekowanie* (См. Wojcicki Wisl. Stat. 7; ср. Статутъ въ Акт. Зап. Рус. I. 25). *Служебники* и *возные* (*sluzebnicy, woźni, ministeriales, officiales*) Вислицкаго Статута отправляютъ тѣ же обязанности, какъ и приставы другихъ славянскихъ памятниковъ. Они берутъ положенную закономъ плату и, въ случаѣ несправности по службѣ, наказываются удаленіемъ отъ должности (Lelwel Polska wiek sr. III. 21, 39, 69. и др. Bandkie Stężinski Hist. pr. pol. 134, 467. О приставахъ вообще см. Мацѣйов. Hist. I. 172. II. 66. III. 210. Палац. Сравни. Зак. гл. 6. Крестича, въ Гласн. IX. 124).

Наконецъ русскіе *дѣтскіе, отроки* и другія исполнительныя учрежденія Русской Правды коренятся въ одномъ источникѣ съ славянскими приставами. Въ періодъ московскихъ законовъ они объединяются въ одномъ учрежденіи *приставовъ*. Помочное Русской Правды (напр. Троиц. сп. 16 и 19) вполне соответствуетъ славянской десятинѣ и издавѣ.

II. *Гражданское право*. Полицкій Статутъ излагаетъ очень подробно постановленія объ отношеніяхъ имущественныхъ и наслѣдственныхъ; есть также нѣсколько отдѣльных постановленій о главнѣйшихъ родахъ обязательствъ (купль — продажѣ, мѣнѣ и пр.). Ученіе объ отношеніяхъ семейственныхъ изложено весьма неполно, — одни вопросы вовсе не затронуты Статутомъ, по другимъ встрѣчаемъ только общія указанія.

а. *Семейственныя отношенія*, по Полицкому Статуту, слагаются изъ отношеній троякаго рода: отношеній между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми и между ближними (верными братьями). Первые два рода отношеній обнимаютъ союзъ *челюди* — семьи въ строгомъ смыслѣ; отношенія между верными братьями возникаютъ изъ союза *верви* (вервной дружины) — общины съ семейнымъ характеромъ.

1) *Челдь*. О челяди, въ смыслѣ семьи, говорится въ двухъ мѣстахъ устава — о робствѣ и проклетствѣ. Запрещая робство подъ угрозой смертной казни, Статутъ прибавляетъ: «тои се разуми, то гредѣ (на вонску с Турци или с Марьтолося) главом, да е дужанъ (главом), а ина челдь да ни дужна главомъ»¹⁾. Точно также проклятымъ, т. е. наказаннымъ церковнымъ отлученіемъ, запрещается «опити ни живити с иными людьми, одложе челди од оне куће, гди стои» (27). Челядь, живущая въ одномъ домѣ (кућѣ), представляетъ союзъ мужа, жены и дѣтей. Въ отличіе отъ верви, имѣющей двусторонній характеръ, живущей по началамъ

¹⁾ Это разумѣется, когда кто идетъ самъ на войну съ турками или мартолосами, — тотъ и отвѣчаетъ головой (своей), а другой членъ (его) семьи лично не отвѣчаетъ (17).

государственного и гражданского права, челядь означаетъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, цѣликомъ относится къ институтамъ права гражданского. По самому существу своему, челядь, подобно всякой семьѣ, обнимаетъ семейныя отношенія двоякаго рода: отношенія, возникающія изъ союза между мужемъ и женой и изъ союза между родителями и дѣтьми. Въ обоихъ случаяхъ Статутъ даетъ довольно интересныя указанія на тѣ обычаи, какихъ Полица изстари держалась въ сферѣ семейныхъ. Указанія такія попадаютъ въ особенности въ статьи по наслѣдству и имущественнымъ отношеніямъ.

а) *Отношенія между мужемъ и женой*. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Статутъ оставляетъ въ полной силѣ старые народные обычаи, мимоходомъ касаясь только имущественныхъ отношеній между мужемъ и женой. Последняя, при замужствѣ, получаетъ отъ своей семьи только «*рухо* и *оброк* на одабу» (280), т. е. одежду и имущество, назначенное ей при выходѣ въ замужество, какъ это доселѣ въ обычаѣ у всѣхъ южныхъ Славянъ (См. Bogisić Pravní običaji u Slovena, стр. 120 и слѣд.). Имущество, вносимое невестой въ домъ жениха, называется *дотой* и отличается отъ *мужевельи*, или *добра* мужа, которому дозволяется записать женѣ по завѣщанію часть своего добра, подъ названіемъ *багателы*. Вдова, имѣющая дѣтей, можетъ остаться на мужниномъ добрѣ, но, при вступленіи въ новый бракъ, беретъ съ собой только доту и багату (263).

б) *Отношенія между родителями и дѣтьми*. Въ понятіе *привѣ* и *старшихъ* входятъ отецъ и мать, вообще *родители* и другіе восходящіе. Къ челяди принадлежатъ *остатки, порода, ближніе* или *присные*, — *дѣца* или *наслѣдники*, къ которымъ относятся: *синове, зѣри* (ѣри), *улуки* и т. д. Ближніе братья и сестры по преимуществу называются дѣтьми и наслѣдниками. Статутъ не говоритъ точно и подробно о родительской власти, главныхъ образомъ касается отношеній дѣтей къ *башинѣ*, т. е. отцовскому имуществу, которое можетъ перейти къ нимъ въ качествѣ наслѣдниковъ. По Статуту, ближнимъ всегда «гре» *племенщина* (родовое имущество семьи), — здѣсь отцовскія права ограничиваются правами дѣтей ближнихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, уставъ признаетъ также нѣкоторыя права дѣтей и на благоприобрѣтенное имущество отца. Предоставляя ему полное право распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, какъ угодно, законъ ограничиваетъ отцовскій произволъ въ моментъ посмертныхъ распоряженій и дѣлежъ семейнаго имущества между дѣтьми: «ни триби, да одному (дѣца) мимо другога премъ све на смрти оиде, а другога са свимъ ухили, него онако, како е достоино и подобно»¹⁾. Только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ отецъ можетъ «по души уилити» (устранить завѣщаніемъ) своихъ сыновей, дочерей и внуковъ отъ участія въ наслѣдствѣ (башинѣ). Такимъ правомъ пользуется отецъ въ слѣдующихъ случаяхъ: когда сынъ подниметъ руку на родителей, окажетъ имъ неуваженіе (непощеніе), когда обвинитъ ихъ въ какомъ либо преступленіи (поманѣванѣ), не касающемся вѣры и правительства (кое нне противъ впри или поглавици свитовному); когда сынъ

¹⁾ Не дозволяется одному мимо другога отдавать все при смерти, а другога вовсе устранять, но (слѣдуетъ дѣлить имущество) такъ, какъ (требуется) безпристрастіе и справедливость (75).

явный преступникъ или имѣть сношенія съ «злочинцами»; когда покушался отравленіемъ или инымъ образомъ на жизнь родителей; когда осквернить отцовское ложе; когда изъ мести (по осваѣнѣ) причинить родителямъ большія утраты (тешке тратѣ); когда не хотѣть вмѣсто отца вступить въ «сужанство» (закупничество Р. Пр.); когда препятствуетъ родителямъ сдѣлать посмертныя распоряженія (наѣпокоѣну наредбу), когда занимается промысломъ безчестнымъ (напр. будетъ шутомъ или дудочникомъ — олушцемъ или цавомъ); когда дочь или внука, не достигши 25 лѣтъ и имѣя возможность выйти замужъ, ведутъ распутную жизнь; когда дѣти не помогаютъ родителямъ, впавшимъ въ бѣдность; наконецъ когда не заботятся о выкупѣ ихъ изъ сужанства (281. Ср. 29, 47 — 50, 75, 114, 144, 200, 280).

Статуту вовсе неизвѣстно различіе между дѣтми законными, незаконными и усыновленными, какъ и мало говорится о положеніи *сиротъ*, оставшихся въ *сиротинствѣ* послѣ смерти родителей. Статутъ только запрещаетъ «с правомъ поприйти га или здвигнути нань нове парбу, кога би сиротинство затекло»¹. Обязанность отвѣчать по суду лежитъ на сиротахъ только со времени достиженія совершеннолѣтія, начинавшагося съ 18-ти лѣтняго возраста (200).

2) *Вервь*. Отъ братьевъ ближнихъ и присныхъ Статутъ отличаетъ *братьевъ дальныхъ* (даони) или *не премъ присныхъ*, вообще *ближиковъ*, состоящихъ въ *братствѣ*. Братство такое опредѣляется, смотря по близости или дальности степеней родства, какъ это показываютъ слѣдующія статьи устава:

«Ако ли би тко убио брата не премъ присного, толико има бити тиран, *ко-лико му е био близу у братству*»²).

«Ако ли се ноше кои ближии найде *ближе* од онога... ако ли ста (су та) оба *поеднако* ближиа, али би ихъ веѣе било, ки му су *еднако* близу»³).

Ближніе и дальные, кромѣ того, отличаются отъ *вервнихъ* (врвни), называющихся *вервными братьями*, *вервью*, *вервоной дружиной* и *племенемъ*. Вервь, дружина, племя — различныя названія одного и того же учрежденія семейной общины. Если ближніе и дальные соединены между собой братствомъ, единствомъ происхождения отъ одного лица, то вервные сближены соседствомъ, принадлежностію къ одному союзу, живущему на одной племенщинѣ, «ка е *врвита* (врвна). Членами (*главе*, *дионичи*, *братья*) верви могутъ быть, не только ближии, соединенные между собой братствомъ, но и другія лица, по своему происхожденію чуждыя между собой, безъ всякихъ кровныхъ связей. Названіе вервоной дружины одинаково примѣняется ко всѣмъ, кто бы ни жилъ на вервоной племенщинѣ. Въ сферѣ юридическихъ отношеній вервь имѣетъ значеніе *юридическаго лица*, пользуется общими

¹) Т. е. искать на нихъ по суду и вчинать новый искъ противъ того, кого постигло сиротское состояніе.

²) Если бы кто убилъ брата не родного, то онъ на столько долженъ быть наказанъ, на сколько онъ близокъ былъ къ нему по братству (48).

³) Если какой либо ближній пайдется еще ближе онаго... если тѣ оба одинаково ближии, или еслибы много было такихъ, которые одинаково ближии къ нему.... (79).

гражданскими правами лицъ физическихъ. Вервный союзъ основанъ на началѣ равноправія членовъ и солидарности интересовъ союза и отдѣльныхъ его братьевъ. Вервная племенщина имѣетъ значеніе общаго семейнаго имущества, составляющаго собственность не вервнаго главы (господаря), но цѣлаго союза. Пока братья живутъ на общей племенщинѣ, до тѣхъ поръ для нихъ все *заедно*: «и добро и зло, и корысть и щета, и дузи, кому су дужни и тко е нимъ дужанъ, то им е *заедно* *оплѣно* докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свои дно»¹). Послѣ раздѣла теряется юридическій характеръ верви: на своихъ «особитыхъ дионичахъ» братья живутъ безъ общихъ повинностей и солидарности верввой дружины (о верви см. 29, 47 — 49, 79, 114, 263, 264).

б) *О правахъ на вещи*. Полицкій Статутъ развилъ очень подробное ученіе о правахъ на вещи. Въ немъ встрѣчаемъ точныя понятія о различныхъ родахъ имущества; дѣлается различіе между правомъ полной собственности и простымъ владѣніемъ, между частнымъ и общимъ имуществомъ; наконецъ говорится о способахъ пріобрѣтенія и актахъ укрѣпленія правъ на имущества.

1) *Роды имущества*. Имущество имѣетъ нѣсколько общихъ названій. Сюда относятся: *ричь*, *благо*, *иманье*, *добро* и *стварь* (4, 11, 12, 17, 22, 26, 271 и др.). Хозяиномъ (*господарь*, *глава*) вещи считается тотъ, кто владѣетъ ею, кому она принадлежитъ, — «ови, ки ю држе, кому пристое» (29, 47, 71, 73, 87, 90, 144). Кромѣ имущества общественнаго (иманье *полничко*), бывшаго въ распоряженіи господоы, упоминаются *ствари цриковне*, благо и иманье *племенитыхъ людей*, *кметей*, *влашничей*, вообще лицъ, принадлежавшихъ къ свободнымъ состояніямъ (4, 17, 18, 21, 26, 29).

Статутъ точно опредѣляетъ различіе между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ капитулѣ — «ча е *стабуло* али *гибуѣ*»:

«Зове се *гибуѣ*, *ча се гибе* или *ча се море ласно гиба*, а зове се *стабуло* али *негибуѣ* оно, *ча се с миста негибе*»²). Къ вещамъ недвижимымъ отнесены: земля, кућа и полача «у ѣпно али у подъ», сельская полипа (мазанка), церковь, замокъ или пещера, «ка е становита» (неподвижна), также вода «жива», которая никогда не высыхаетъ. Напротивъ, вода «рваница (копанка), ка е руками учинена», также кућа — *гомноница* (гумно), покрытая соломой, считаются вещами движимыми (76, 77).

Иманье, *благо* и *стварь гибуа* имѣютъ спеціальное значеніе благопріобрѣтеннаго имущества и въ этомъ смыслѣ противоплагаются *племенщинѣ*, имуществу наслѣдственному (15, 17, 18). Имуществомъ благопріобрѣтеннымъ считается: «ча годи човикъ *принаиде* и *прибави*, али *прикути*, али *издвори*, али инако како годи

¹) И добро и зло, корысть и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ раздѣла всякій знаетъ только свою часть (31).

²) Движимымъ имуществомъ называется то, что движется или что можетъ легко двигаться, а недвижимымъ — что не движется съ мѣста.

сельской жизни: основанный на изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ, полицкій уставъ даетъ вѣрную картину хозяйственного быта сельскихъ общинъ, державшагося въ старое время у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Земля находится въ отдѣльномъ обладаніи селъ. Сельскіе *котаре* (пахатныя поля) отдѣляются межами, «оддионе и одтесите по границахъ». Котарь каждого села составляетъ общую (*опћено*) принадлежность всѣхъ сельчанъ, обрабатывается ими по отдѣльнымъ участкамъ, называвшимся *дио*, *ждрибове* и *пополна* земля. Владѣльцами такихъ участковъ могутъ быть верви, отдѣльныя семьи и подворники (дворы). *Дионикъ* (участковый владѣлецъ общинной земли) можетъ обрабатывать одну или вѣсколько попольныхъ земель. Земли попольныя, въ свою очередь, дѣлятся на *ниви*, или *тежаки* (тези), соответствующія нашимъ нивамъ или польскимъ рѣзамъ. Всѣ такіе поземельные участки отдѣлялись *межами*. Учреждать новыя межи, съ уничтоженіемъ старыхъ, можно было только съ согласія общины (95, 101, 104, 106, 111, 241).

Общинное обладаніе землей не было обязательнымъ для сельчанъ. Каждому дозволялось заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати» землю и просить для себя «дла»; общій раздѣлъ земель допускается, «какъ би све село било кунтенто, хотило меу собомъ раздѣлити гаи али котарь, рекући ако немогу али нете заедно пасти али држати»¹⁾. Въ селахъ, раздѣляющихся на верви и дио (изъ которыхъ каждый участокъ имѣетъ право на свою племенщину), земли и гаи дѣлятся по числу вервей и участковъ, а въ нихъ — по хозяевамъ, дворамъ и племенщинамъ (собственно хозяйствамъ), смотря по тому, сколько каждой верви идетъ въ бащину. Въ селахъ со многими участниками, безъ отдѣльныхъ вервныхъ племенщинъ, дѣлежъ производится по обычаю (почело од искони), — земли дѣлятся на «старе и законите ждрибове» (102).

Въ общинномъ владѣніи селъ находятся, далѣе, *сеоски гаи* (сельскіе лѣса). Общинные лѣса (*старе и законите гаи*) находятся въ безраздѣльномъ пользованіи сельчанъ: каждому селу дозволяется «свое гае гайти и понмати добитакъ», съ запрещеніемъ пасти въ нихъ скотъ, не только сосѣднимъ (сусуднимъ, сумежнимъ, суближнимъ) селамъ, но и «самимъ од себе и од селанъ своихъ». Право входа въ общинные лѣса, для пастбища, предоставляется только во время обработки по полной земли (95, 97, 104). — Наряду съ законными гаями, принадлежавшими отдѣльнымъ селамъ, допускаются *особити дио*, бывшіе въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, выдѣленные изъ общиннаго обладанія селъ. Каждому селу предоставлялось сообща владѣть лѣсами, или раздѣлить ихъ на участки, по числу вервей и дио, наконецъ, предоставить отдѣльные ждрибове въ собственность сельчанъ. Въ такомъ случаѣ лѣса дѣлятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и общинныя земли (97, 101 — 103).

Испаши и *испашища* (пастбища) — главный предметъ общиннаго пользованія селъ. Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ раздѣлъ пастбищъ: «тон

¹⁾ Т. е. если бы все село было согласно, хотѣло раздѣлить между собою лѣса или поля, говоря, что не могутъ или не хотятъ вмѣстѣ пасть или владѣть (101).

(испаши) се не море дилити меу собом, ере се и тако ли неби могло од селанина бранити пасти; не такам од свога селанина, но и од сусиднега села неима се бранити по закону пасти по испаши»¹⁾. Испаши составляютъ общую принадлежность «сумежныхъ или сусидныхъ» селъ; «третье село», не имѣющее съ ними общихъ межъ, не допускается къ пользованію пастбищемъ. Сельчане ближайшихъ селъ и называются *сусидями* въ томъ смыслѣ, что имъ предоставляется исключительное право на испаши. Испаши были мѣстомъ *становъ* — временныхъ стоянокъ пастуховъ (по преимуществу влаховъ), переходившихъ съ одного становища на другое. Статутъ запрещаетъ учреждать станы близъ чужаго «меаша» (межи), чтобъ удобнѣе пользоваться пастбищемъ на чужихъ земляхъ (95, 96, 99).

Дороги, подобно испашамъ, принадлежали къ предметамъ, не подлежащимъ частному усвоенію. «Пути *опћени* имаю бити *слободни свакому*, како е законъ». Въ Полицѣ былъ «пути *опћени* велики крозь жупу» и сельскіе «гоньники». Пути великій долженъ быть шириной «въ одну розгу» (какая-то мѣра); гоньникъ полагается достаточно широкимъ, если по немъ могутъ ходить два вола въ ярмѣ. Безъ дозволенія общины или суда, запрещалось уменьшать и переводить (стисковать или инамо одтиснути, одвраћати) пути въ другое мѣсто (201, 202).

Точно также вода жива считалась *опћена*, на чьей бы землѣ она ни протекала. Напротивъ, вода *рвеница* (рваница, — напр. копанка, колодезь и пр.) составляетъ частную собственность (особито), принадлежитъ тому, «тко ю на свомъ изрве». Вода *дажћева* можетъ быть частнымъ «добромъ и корыстью» того, кто соберетъ ее на своей землѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда вода не течетъ на чужую землю (205 — 206).

Млины и *коловаи* (млиanske и ступне) составляютъ принадлежность земли, на которой они устроены. На частныхъ земляхъ они принадлежатъ землевладѣльцамъ. На вервныхъ участкахъ мельницы строятся съ общаго согласія братьевъ, имѣющихъ равное право на доходы съ мельницъ. На «опћеномъ» устроеніе мельницы дозволяется только съ согласія общины; но если, при ея постройкѣ безъ вѣдома общины, никто не противился и мельница устроена мирно, безъ всякой «противщины», то ее никто не можетъ отобрать отъ владѣльца, — она остается «у дио неговъ». Но при этомъ требуется, чтобы мельница не строилась «у тми, ни ласно али брзо», т. е. тайно и въ теченіи самого непродолжительнаго времени (170 — 175).

Отдѣльный предметъ имущественныхъ правъ составляютъ, по Статуту, *ловища*, *рибнаки* и *затоци*, *ловы звирьи* и *птичыи*. Рыбная ловля на живой водѣ составляетъ свободный промыселъ. Въ частномъ владѣніи, гдѣ устроены особыя заведенія для ловли (затичи, рибнаки), запрещалась ловля безъ воли хозяина (187). Ловы звирьи и птичыи каждый можетъ устроить на своихъ и чужихъ земляхъ. Всякій звѣрь принадлежитъ поймавшему его «заводнику»; медвѣдь и лисица — тому,

¹⁾ Испаши нельзя дѣлить между собою, чтобъ чрезъ то не возбранить селянамъ пастбище. По закону не должно воспрепятствовать пасть на испаши, не только своему селянину, но и сосѣднему селу (101).

возникнуть, кромѣ того, при отчужденіи племенщины въ чужія руки. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ устанавливаются различные порядки наслѣдованія имущества,

1) Вопросъ объ открытіи наслѣдства можетъ возникнуть въ слѣдъ за обвиненіемъ владѣльца имущества въ совершеніи тяжкаго преступленія. Сюда относятся убійство, невірство (измѣна), рабство и другія публичныя преступленія, когда виновный объявлялся лихимъ человекомъ. Въ большинствѣ случаевъ имущество движимое переходило къ общинѣ, племенщина къ ближнимъ (17, 18, 51, 188, 266); по одному закону о невірствѣ, общинѣ отдается вообще все имущество преступника — движимость и племенщина (231). Позже ближніе освобождены отъ ответственности, получили право на весь «дио» преступника, безъ различія племенщины отъ движимаго имущества (169). Изложенныя правила касаются имущества племенщичей, — имущество кметей и влашичей дѣлилось между общинной и господиномъ, съ полнымъ устраненіемъ ближнихъ отъ наслѣдства (17, 18). Племенщина убійцы брата присаго, по Статуту, переходитъ къ ближнему, къ которому она должна перейти и при обыкновенномъ порядкѣ наслѣдованія. Кто убьетъ ближняго или вервиаго, съ цѣлью завладѣть его племенщиною (которая при обыкновенномъ порядкѣ перешла бы къ нему по наслѣдству), тотъ теритъ свою наслѣдственную часть, — она отдается другому ближнему «по разлогу од племена». Если убитый оставитъ однихъ дочерей, то племенщина достается имъ (47, 49, 50).

2) Самый обыкновенный случай открытія наслѣдства — *естественная смерть* лица, послѣ котораго имущество вступаетъ въ раздѣлъ между наслѣдниками. Статутъ различаетъ въ этомъ случаѣ два порядка — завѣщательные и законные, на которыхъ основана система наслѣдованія имущества послѣ смерти ихъ владѣльцевъ.

Статутъ говоритъ о *тасламентѣ*, предметомъ котораго можетъ быть одна прѣиа, т. е. имущество благопріобрѣтенное. При жизни каждый можетъ свободно распоряжаться имуществомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, можетъ отдать его «за душу» и пр. Если, по выраженію Статута, человекъ находится при смерти (ако би био човикъ на смрти) и имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей или наслѣдниковъ, «кому него остае, тада е волаъ све од тога учинити». Тоже самое положеніе Русская Правда выражаетъ такимъ образомъ: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти» (Троиц. ст. 87). Отцу предоставляется Статутомъ и Правдой право сдѣлать распоряженье между дѣтьми, указать — какою частью наслѣдства каждый изъ нихъ долженъ владѣть. Въ то время, какъ Правда, по видимому, предоставляетъ все дѣло произволу отца, Статутъ прибавляетъ къ предъидущему положенію слѣдующее замѣчательное мѣсто: «него само ние триби, да едному мимо другога премъ све на смрти оиде а другога са свимъ ухили, него онако, како е достоинно и подобно». Выше мы показали смыслъ этого мѣста. Обычай, несомнѣнно общій для всѣхъ Славянъ, устранилъ произволъ отца въ минуту посмертныхъ распоряженій, да и вообще свобода завѣщаній и посмертныхъ распоряженій долго не имѣла мѣста въ старыхъ славянскихъ законодательствахъ. Если и допускались завѣщанія, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ всѣ распоряженія дѣлались въ нихъ съ согласіемъ и при самомъ дѣятельномъ участіи законныхъ

наслѣдниковъ. Въ одной старой хорватской *sudovi* (судной грамотѣ) прямо говорится объ обычаѣ составлять завѣщанія по соглашенію съ наслѣдниками: «*ki testament est ucinil buduci v mali moći a v plni svoei pameti, ki testament e ucinil s moju dobru volju i dopuscenem vsih ki koli ns i nase hize* (кући, дома) *pristoe, bliznih i dalnih*» (Arkiv za pov. jugosl. I. 207). Завѣщательные порядки наслѣдованія имущества развились у Славянъ, по справедливому замѣчанію Ирѣчка, изъ «*prāv sizich*», — у насъ подъ вліяніемъ права византійскаго, у Славянъ западныхъ — права римскаго и германскаго (Ирѣч. Sl. pr. II. 280).

Подъ *бащиной* Полицкій Статутъ, какъ мы видѣли, разумѣетъ не одну племенщину, собственно родовое имущество, *дидинство* или *стару* башину, доставшуюся отъ предковъ (првихъ), но и *прѣию*, собственное имущество отца, пріобрѣтенное имъ собственнымъ своимъ трудомъ. Допуская личное распоряженіе отца при раздѣлѣ между дѣтьми своей прѣии, даже дозволяя отдать ее чужимъ, Статутъ говоритъ, что старая башина «да ѣе онде, гди е и застао», т. е. должна остаться въ семьѣ, перейти къ ближнимъ по самому закону. Право устранивъ ихъ отъ башины (т. е. дидинства и прѣии) предоставляется отцу въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ (73, 75, 281).

Самый порядокъ законнаго наслѣдованія имущества Полицкій Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Подобно Русской Правдѣ, Статутъ прежде всего опредѣляетъ положеніе вдовы, затѣмъ уже переходитъ къ дѣтямъ. Вдова (удовница), оставшаяся «пощено» (т. е. не выходя замужъ) съ дѣтьми на добру мужа, можетъ (до смерти) жить и распоряжаться «мужевѣлою» вмѣстѣ съ дѣтьми. Если она вступить въ другой бракъ, то ничего не беретъ съ собой изъ имущества мужа, кромѣ своей доты (приданого) и багаты, т. е. части, завѣщенной ей мужемъ, — правило, почти буквально сходное съ статьями Правды: «Аже жена сидеть по мужи» и «Аже жена ворчетъся съдѣти по мужи» (Тр. сп. 88 и 95). Мужниное имущество дѣлится между дѣтьми. Если умереть сынъ вдовы, вышедшей замужъ, то имущество переходитъ не къ матери, но къ его братьямъ, а если ихъ нѣтъ, его имущество переходитъ къ сестрамъ и ихъ ближнимъ (263, 264). Статутъ ничего не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ наслѣдства, когда вымрутъ всѣ члены семьи. Въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣли силу старые обычаи народныя, одинаково развитыя у всѣхъ Славянъ и перенесенныя въ большинство законодательныхъ памятниковъ другихъ Славянъ (напр. Винодольскихъ Законовъ, Р. Правды и пр.).

Русская Правда и Винодольскіе Законы даютъ наслѣдству строгій семейный характеръ: если нѣтъ дѣтей — законныхъ наслѣдниковъ, то имущество переходитъ къ князю, считается выморочнымъ. Загребскіе Законы пошли дальше: признать къ князю, считается выморочнымъ. Загребскіе Законы пошли дальше: признавая законными наслѣдниками однихъ дѣтей, они призываютъ къ наслѣдству когнатовъ на томъ же основаніи, какъ Правда призываетъ князя, т. е. на «правѣ выморочномъ», — если нѣтъ когнатовъ, то имущество отходитъ къ общинѣ.

По древнему чешскому праву, наслѣдство дѣлится между братьями поровну; сестры, не выданныя замужъ, живутъ при братьяхъ, а выданныя получаютъ отъ нихъ приданое. Вдова можетъ жить съ дѣтьми, или поселиться на своей части. Дочери призываются къ наслѣдству, когда нѣтъ въ живыхъ сыновей и ихъ нисходящихъ.

имѣнія записывались на имя послѣдняго *вмѣсть его дѣтьми*, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что у насъ, въ старое время, семья имѣла тоже устройство, какъ и у югозападныхъ Славянъ, т. е. допускала равныя права на вотчину для *всѣхъ* членовъ семьи, безъ существеннаго различія между отцомъ и дѣтьми. — *Выкупъ*, сходный съ полнцкимъ искупомъ, отчетливо развитъ Черногорскимъ Законникомъ (Даніила): кто хочетъ продать домъ, землю или иное движимое, тотъ долженъ предварительно предложить покупку своимъ близкимъ въ присутствіи свидѣтелей, а при ихъ отказѣ сѣдуетъ сдѣлать тоже предложеніе «мергипашѣ», т. е. своему сосѣду (*jus vicinitatis* Сеньскаго Статута), и только послѣ его отказа дозволяется продать имущество кому либо изъ своей деревни или «племени». Лица, согласившіяся на выкупъ, платятъ выкупную плату, соразмѣрную съ той, какую даютъ сторонніе покупатели (Зак. §§ 45, 46).

4) Старая задружная жизнь Славян имѣла въ своей основѣ законъ вѣко-жизненныхъ боговъ: «будета (дѣдина) имъ вѣдно власти, чи се роздѣлита ровну мѣру». Задружное имущество могло оставаться въ обществѣ, безраздѣльномъ обладаніи задруги, или вступить въ равный раздѣлъ между ея членами. Полицій Статутъ предоставляетъ раздѣлъ вервной племенщины свободному усмотрѣнію вервныхъ братьевъ, «кимъ се подоба раздѣлити». Порядокъ раздѣла опредѣляетъ въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ закона «од диленья».

«Гди се диле братаа ближина или даона (дална), или синови од оца, или иини ближника, ким се подоба раздипити: тада, ако е благо гибуће, тои е лажко право раздипити; него само ако би сода али провижиуњ (даровщина) од госпоре, тои гре онои главп, кому е писано» 1).

“Ако ли е племенщина, има понти на главе, и има бити млаему старо огни-
ше, и када се раздиге право, тада има сваке свое држати, и ако би се када по-
сли подиљивали али помиревали, волањ е сваке подиљивати вазда и примиревати
кал му годи драго, него само сваке е волањ стати на својој ждрилици” 2).

«И да брата али нини дионици докле се годирь не раздиге, тада им е све заедно: и добро и зло, и користиь и щета, и дузи, кому су дужни и тко е ним дужань, то им е заедно опћено докле се раздиге, а када се раздиге, тада е сва-
кому свои дио» з).

¹⁾ Когда делятся братья ближние или дальние, или сыновья съ отцомъ или другими ближними, желающими раздѣлиться, тогда все имѣютъ равное право при раздѣлѣ движимаго имущества; а если будетъ имущество, подаренное или пожалованное правительствомъ, то оно переходитъ лично къ тому, кому записано (29).

2) Племенная должна пойти (въ раздѣлѣ) между хозяевами, а младшему должно принадлежать старое огнище. После законнаго раздѣла всякій владѣть своимъ (участкомъ). И дѣлить и раздѣлять, когда ему угодно; но всякій также долженъ оставаться на своемъ участкѣ (30).

общее: и добро, и зло, и корысть, и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ дол-
женъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлается. Послѣ раздѣла всякому принадлежитъ
его часть (31).

Въ пространныхъ спискахъ Статута законъ о дилении оканчивается слѣдующей статьей:

«А сестре немају дил, кад имау брати или од ни остатки, него рухо и оброк на одаћу» ¹⁾).

Изложенныя статьи представляють не больше, какъ дальѣйшее развитіе положенія: «будета в іедно власти, чи се раздѣлита ровну мѣру». Члены верви могутъ владѣть семейнымъ имуществомъ «заедно опѣно», имѣя его «въ іедно власти», но могутъ и выйти изъ общаго обладанія племенщиной. Изъ первой статьи ясно видно, что Полицкій Статутъ допускаетъ, не только общій раздѣлъ племенщины между всѣми ближиками, по и частныя выдѣлы отдѣльныхъ братьевъ, ближиковъ или сыновей отъ отца и другихъ ближиковъ. Въ этомъ случаѣ ближики пользуются такимъ же правомъ на племенщину, какъ и сельчане, члены опѣны, на землю общинную (опѣну, пополу): каждый ближикъ, какъ и каждый сосѣдъ въ общинѣ территоріальной, могъ заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати», могъ просить для себя «дила». Точно также общій раздѣлъ имущества между всѣми ближиками зависѣтъ единственно отъ свободной ихъ воли. Статутъ устанавливаетъ для такихъ случаевъ только общія нормы, держась въ главномъ старыхъ народныхъ обычаевъ. Имущество движимое дѣлится по взаимному соглашенію братьевъ; даровщина идетъ тому, кому лично дана господой. Племенщина раздѣляется между хозяевами (главами) по равнымъ участкамъ (дио или ждрибенице). Младшему члену союза предоставляется старое *огнище*, или, какъ говоритъ Русская Правда, «а дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшему сынову»: на старомъ огнищѣ — жилищѣ раздѣлившихъ ся ближиковъ, заводилась новая семья или вервь младшаго брата, выдѣленнаго изъ старой отцовской верви. Право на жеребьи имѣють одни братья; сестры остаются при братьяхъ, обязанныхъ выдать ихъ замужъ, или по Русской Правдѣ: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но *отдаять ю замужь братия* како си могутъ». Послѣ раздѣла всякій держитъ свое, воленъ «стати» на своемъ жеребѣ, подлежащемъ послѣ раздѣлу, на основаніи обыкновенныхъ семейныхъ порядковъ наследованія имущества. вмѣстѣ съ раздѣломъ племенщины, съ выдѣленіемъ ближиковъ на «дионици особита», прекращалось юридическое значеніе распавшагося союза ближиковъ. Съ этихъ поръ каждый знаетъ только свой дио, безъ общихъ повинностей и солидарности «заедина».

Ръшительно тѣ же порядки держались въ чешскихъ задругахъ, называвшихся еще въ XVI вѣкѣ *rodove*, *hromady* и *spolky* (familiae aut uniones) и состоявшихъ подъ управленіемъ отца или выборнаго *zpravcu* (rector) изъ братьевъ, пріятелей и сполечниковъ (*bratry*, *prateli*, *společníci*, *socii*, *amici* и пр.). Въ старыхъ сборникахъ, напр. въ книгѣ Андрея съ Дубы, въ особенности въ *Zřízení zemské* 1500 г., находимъ много интересныхъ указаній на устройство чешскихъ задругъ. *Zřízení* говоритъ въ особенности подробно о порядкѣ раздѣла семейнаго имущества задругъ.

¹⁾ А сестры не получают участков (изъ племенщины), когда имеют братьев или их нисходящих, но (берут) одежду и имущество, дававшееся при выходе в замужество (280).

Постановленія этого устава тѣмъ болѣе важны для насъ, что они взяли изъ народныхъ обычаевъ много подробностей, мало затронутыхъ въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. Мы приведемъ главнѣйшія положенія старочешскаго права по наслѣдству въ задругахъ.

Выдѣлъ задругарей изъ союза предоставляется свободной волѣ каждого. Въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличались задруги, имѣвшія во главѣ отца, и задруги съ выборными справцами. Еще Андрей съ Дубомъ намѣкалъ на право сына требовать выдѣла своей части при жизни отца: отецъ *dluzen* дать сыновьямъ *diel* изъ наслѣдственного и благопріобрѣтеннаго имущества, кромѣ *sedenie* (старое огнище Полицкаго Статута), женнаго вѣна, постели и другихъ вещей, взятыхъ за женой (Archiv. II. 504), которыя вступаютъ въ общій раздѣлъ по смерти родителей. По *Zrizeni zemské*, требовать выдѣла не въ правѣ одни не женатые сыновья, — женатыхъ отецъ долженъ во всякомъ случаѣ «*slusne opatriti*» (Zriz. § 516). Задруги, состоящія изъ братьевъ и сполечниковъ, обязаны дѣлиться по первому требованію одного какого либо члена; кто противится раздѣлу, того можно принудить по суду (521). Все семейное имущество дѣлится поровну между сполечниками; въ общій раздѣлъ вступаетъ даже и то, что лично пріобрѣтено каждымъ сполечникомъ въ отдѣльности (кромѣ имущества, внесеннаго въ задругу женами, — § 493, 519). Сполечники и братья не могутъ «*od sebe odbyti*» (a se emancipare) не отдѣленныхъ сестеръ, ни сестры не въ правѣ требовать для себя выдѣла. Они должны жить при братьяхъ или сполечникахъ, на которыхъ лежитъ одна обязанность — выдать сестеръ замужъ, назначивъ имъ вѣно (*veno, dos*) по своему усмотрѣнію. Если сполечникъ умретъ бездѣтнымъ, не распорядившись судьбой сестеръ, т. е. не выдавши ихъ замужъ, то къ сестрамъ переходитъ все его имущество; но если у него останется сынъ, то на немъ лежитъ обязанность выдать замужъ отцовскихъ сестеръ. Если съ сестрами останутся дочери сполечника, то имущество дѣлится пополамъ между тѣми и другими. Сыновья нѣсколькихъ сполечниковъ дѣлятъ между собой общее имущество не поголовно, но по праву представительства, т. е. сколько бы ни было дѣтей у одного сполечника, они всѣ вмѣстѣ получаютъ часть, какая слѣдовала ихъ отцу (§ 489). Несовершеннолѣтніе члены раздѣлавшейся задруги остаются съ своими частями при старшемъ братѣ. Въ этомъ случаѣ удерживаются задружные порядки, — въ случаѣ смерти кого либо изъ неотдѣленныхъ братьевъ, его часть отходитъ къ тѣмъ, при комъ онъ жилъ до своей смерти (§ 523).

д) *Обязательства и договоры.* Полицкій Статутъ относитъ сюда «увить, уговоръ, рокъ». Обязательства носятъ также общее названіе «такмине, дугованье, дуг и вообще стварь» (81, 123, 129, 130). Болѣе важные договоры, напр. мѣна или продажа племенщины, совершаются письменно, предъ судьями или на зборѣ. Въ особенности обязанности приставовъ состояли, между прочимъ, въ томъ, что они «чине и справляю продае и такмине и сваке ине ствари и дугованья меу дулами». Если не при всѣхъ договорахъ, то по крайней мѣрѣ при важнѣйшихъ, полагались свидѣтели, которые иногда въ качествѣ оцѣнщиковъ (цинци) опредѣляли стоимость предмета договора и пр. (83, 78, 80, 123, 129). Въ отдѣльности упоминаются въ Статутѣ слѣдующіе виды обязательствъ и договоровъ:

1) *Даровщина.* О ней упоминается только мимоходомъ. Изъ статей объ имуществахъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ видно, что дарить можно только прію, напр. «за душу», по завѣщанію или инымъ образомъ. Особый видъ даровщины составляетъ *провизиунъ* — пожалованіе господою какого либо имущества частному лицу; оно совершается письменно, на имя того, «кому е писано». Въ задругѣ пожалованіе было однимъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества въ личную собственность (29, 74, 263).

2) *Замина.* Договоръ мѣны считается въ Статутѣ вполне дѣйствительнымъ, если предметомъ мѣны служатъ вещи, принадлежащая хозяину на правѣ собственности, также если стороны вступаютъ въ договоръ по добровольному согласію и не окажется при этомъ никакого подлога (небудући ке приварке, — не будучи ке ханьбе, али вале, валсе, невоѣле вола приварке). Дозволялось мѣняться вещами съ ханьбе, али вале, валсе, невоѣле вола приварке). Дозволялось мѣняться вещами съ «придавомъ» и безъ него, доплачивая «пинези али циномъ». Договоръ различно совершался при мѣнѣ движимыхъ вещей и племенщинъ. Движимыми вещами (скотомъ, лошадьми, платьемъ и пр.) дозволялось мѣняться безъ особенныхъ формальностей: если обѣ стороны помѣнялись вещами и, ушедши за тѣмъ домой, удержали ихъ у себя до слѣдующаго дня, то договоръ считался окончательно заключеннымъ. Племенщины мѣнялись «свитло и билодано»; договоръ утверждался «письмомъ али приста-ви»; при томъ, до истеченія давности, допускался при мѣнѣ, какъ и продажѣ, выкупъ племенщины ближними (81 — 84).

3) *Купованье — продажа.* Статутъ различаетъ продажу племенщинъ и другихъ предметовъ. Племенщина продается на зборѣ или предъ княземъ. Въ этомъ случаѣ Статутъ строго держится старыхъ славянскихъ обычаевъ, по которымъ всякій торгъ (*trh* у Чеховъ было названіемъ самой сродки и договора купли — про-дажи) долженъ производиться на сходкѣ сосѣдей (Ирѣчка Sl. pr. II. 287 — 288). Въ Полицѣ, какъ мы видѣли, дѣлалась предварительная оповѣдь о продажѣ племенщины, съ вызовомъ ближиковъ, желавшихъ выкупить племенщину, — обычай, извѣстный древнему чешскому, русскому (напр. Псковской судн. гр.) и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Продажа считается «права и законита», если она произведена по предварительной оцѣнкѣ добрыхъ людей, — «по цинцихъ достоинихъ, ки процие и стимаю по своѣои кушенциви (усмотрѣнію, совѣсти) оном, чинча е таи племенщина вридна» (78 — 80. См. примѣч. къ 67 ст.). Полицкимъ цинцамъ вполне соответствуютъ чешскіе *prostředníci* или *odbadníci* (*mediatores, taxatores*. Ирѣч. II. 285). Продажа вещей движимыхъ предоставляется свободному договору сторонъ. Исключеніе составляли съѣстные припасы. Ихъ продажа допускалась не по договору, а по законной таксѣ, установленной Статутомъ за скотъ, козъ, свиней и другихъ животныхъ, за пшеницу, рожь и т. д. Торговля припасами производится на *торгу* (мяса — у бикарню), съ допущеніемъ вольныхъ цинцъ только въ большіе праздники (по три дня — о божичу и о повладихъ. 210 — 215, 253).

4) *Наймъ.* Договоръ найма можетъ заключаться для работъ дворовыхъ и иныхъ. *Господарь* — хозяинъ, нѣмущій у себя *наѣмниковъ* (наѣмниковъ), *кметей* и *власовъ* (168, 189 — 191, 193 — 194). Извѣстенъ также наемъ имущества. Статутъ упоминаетъ о виноградникѣ на чужой землѣ; наемщикъ обязанъ

за землю давать хозяину «доходакъ» и торговать продуктомъ съ «повидаья» хозяину (204).

5) *Дуи, застава (залои, закладъ, заставленіе)*. Этотъ договоръ соответствуетъ долгу Русской Правды, долгу Душанова Законника или *rujska, lichva, základ, zastava* и *dluh* старочешскаго права. Подъ дугомъ разумѣетъ Полицкій Статутъ заемъ чужой вещи, съ обязанностью возвратить ее въ срокъ, вмѣстѣ съ условленнымъ вознагражденіемъ, а подъ заставою и залогомъ — ссуду, обеспеченную залогомъ движимой вещи или «заставленіемъ» недвижимой. Должникомъ (*дужникъ*) считается тотъ, «тѣко е дужавъ», кредиторомъ — «кому су дужни». Залогомъ и заставою назначается всегда срокъ (рокъ). Въ заставу дозволяется обращать землю, вообще племенщину. Владѣлецъ, заставившій свою землю, удерживаетъ право на «доходакъ» съ нея, именно на половину «очества», т. е. всѣхъ поземельныхъ платежей и поборовъ, уплачивавшихся кметами въ пользу господина. При этомъ Статутъ соразмѣряетъ доходакъ съ такой или иной системой обработки земель, существовавшей въ Полицѣ. Если земля обрабатывается *на по*, т. е. по системѣ половничества, то положено давать хозяину заложенной земли четвертую часть (четверто) всѣхъ доходовъ; при обработкѣ «на треть» — давать «шесто» и т. д. Долгъ, не обеспеченный заставою, по истеченіи срока взыскивается изъ движимаго имущества должника, а при его недостаткѣ — изъ племенщины; должникъ вправе удержать за собой одно оружіе и одежду (*халинь*) жены (71, 78, 134, 137 — 139).

6) *Зарука, изступъ*. Полицкій Статутъ, подобно древнему русскому праву, раздѣляетъ поруку на два рода: *заруку судебную*, имѣвшую мѣсто въ дѣлахъ по убійству и другимъ дѣламъ и состоявшую въ ручательствѣ за другаго, обязаннаго явиться на судъ въ положенное время, — и *изступъ*, имѣвшій мѣсто въ другихъ случаяхъ, напр. при уплатѣ долга и пр. Разъ поручившись за другаго, нельзя было отказываться отъ поруки и соединявшихся съ ней обязанностей (иступъ неима одступа); но никто не можетъ ручаться «од неужможного» (112, 113, 129).

7) Наконецъ договорное начало лежало въ основаніи вервныхъ дружинъ, имѣвшихъ характеръ *товарищества*, поземельныхъ ассоціацій. Происхожденіе верви изъ взаимнаго договора диониковъ одного села ясно доказывается слѣдующимъ мѣстомъ Статута: «ако би дионици од села, сви се ставиш, договорили се опѣно заедно (заедвѣ), и тако би могли учинити у своему селу ча им драго» (100). Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не объ учрежденіи новой территоріальной общины (опѣна): дионикъ и до договора жили въ общинѣ; стало быть, имъ не для чего договариваться о своей опѣнѣ, тѣмъ болѣе, что Статутъ, какъ мы уже видѣли, рѣшительно не допускаетъ полного разрушенія общинъ. Договорный характеръ товариществъ имѣли задруги и у другихъ Славянъ. Ирѣчекъ весьма основательно относитъ къ учению о договорѣ товарищества (*spolek*) старочешскія *sstupky, spolky* и *hromady* (280). Вся ошибка Ирѣчка заключается въ положительно невѣрномъ воззрѣніи его на происхожденіе такихъ громадъ и сполковъ. По мнѣнію Ирѣчка, они являются

главнымъ образомъ при королѣ Янѣ, при которомъ много имѣній начало отходить въ казну по праву выморочному; какъ бы въ предупрежденіе этого дѣла, клонившагося къ ослабленію старыхъ родовъ (семей), послѣдніе стали соединяться въ задруги (въ нихъ не имѣетъ мѣста выморочное право). Объясненіе Ирѣчка кажется намъ не совсемъ основательнымъ. Въѣды роды, которымъ грозило выморочное право короля, всегда имѣли подъ рукой много другихъ, болѣе подручныхъ средствъ, вовсе не прибѣгая къ хлопотливому дѣлу товарищества: бездѣтный владѣлецъ могъ свое имѣніе продать, могъ по завѣщанію передать его въ другія руки или инымъ способомъ не допустить его до передачи въ казну князя. Дѣло въ томъ, что Ирѣчекъ смотритъ на старочешскую задругу съ точки теоріи родового быта и, встрѣчая позже факты, не подходящіе къ этой теоріи, старается увѣрить, что сполки и громады XIV — XVI вѣковъ принадлежатъ новому времени, имѣютъ мало общаго съ родами стараго времени. Напротивъ, памятники ясно говорятъ, что вся разница между старыми и новыми задругами Чеховъ состояла лишь въ томъ, что въ прежнее время они свободно развивались, путемъ однихъ обычаевъ, — въ новое время законодательство стало налагать на нихъ руку: опредѣливъ болѣе точно основной характеръ задругъ (по началамъ договорнымъ, имѣвшимъ силу и въ прежнее время), законодательство подчинило ихъ контролю общественной власти, напр. поставило учрежденіе и раздѣленіе родовъ и сполковъ въ зависимость отъ правительства и пр. (См. напр. въ *Zríz. zem. § 62*, гдѣ говорится о родахъ, учреждавшихся по договору и съ королевскаго «*provolenia*»). Самая суть дѣла одинакова въ старыхъ и новыхъ родахъ и сполкахъ. Можно говорить, что съ Яна сполки умножаются (въ слѣдствіе политическихъ и иныхъ причинъ), но нѣтъ никакихъ оснований отвергать тождественность ихъ съ старыми родами.

III. *Уголовное право*. Полицкій Статутъ даетъ богатый матеріалъ для изученія старой системы уголовного права Славянъ. Встрѣчаемъ институты позднѣйшаго происхожденія; но рядомъ съ ними удерживаются и институты глубокой древности, какова *мѣсть*, *потокъ* и пр. Мы сдѣлаемъ общій обзоръ ученія Статута объ уголовномъ вѣнчаніи, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

A. Преступленіе имѣетъ различныя названія. *Кривина, узрокъ* и *стварь* — самые употребительные термины, соответствующіе понятію преступленія. Сюда относятся также *трихъ* или *зриха*, *худоба*, *нечистота*; наиболѣе тяжкія преступленія обозначаются въ особенности терминами *зло* и *позлобица* (8, 17, 21, 27, 39, 52, 62, 67, 99, 129, 169). Преступникомъ считается *криваць*, «онъ, ки е кривъ». Иногда преступникъ называется *непослуха*, *злой човикъ*. Лхкимъ людямъ древняго русскаго права соответствуютъ *злѣй луде*, *невирникъ*, *очить музувиръ* (вѣдомый лихой челоуѣкъ). Находимъ и спеціальныя названія — *гусаръ*, *разбойникъ*, *лупежъ* и т. д. (10, 16, 21, 24, 169, 256, 266, 267).

Ученіе объ уголовномъ вѣнчаніи гораздо болѣе развито сравнительно съ Византийскими Законами. *Злой узрокъ* принимается, какъ главный признакъ вѣнчаемости преступленія (62). Убійство въ свадѣ отличается отъ убійства преднамѣреннаго, совершеннаго «закономъ ашашинскимъ (разбойническимъ), вола изъ приварке, али му *васедши*» (56); шкода случайная, учиненная «нехотомъ», отличается отъ школы

умышленной, произведенной «хоте али захвалив се» (182). Въ ученіи о личныхъ преступленіяхъ, въ особенности объ обидахъ, считается важнымъ обстоятельствомъ, — за кѣмъ былъ первый починъ: «да ли ови, ки *почине*, негова е крпви-на»; «они, кон наприа чини затачь», тотъ и платитъ пеню (23, 33, 34, 62); впрочемъ, если обиженный, на котораго сдѣлано нападеніе, отвѣчалъ такой-же обидой, то это засчитывалось ему «у займу» (62). Дѣлается различіе между покуше-ніемъ и исполненіемъ злаго умысла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказывалось одно покушеніе, если при этомъ были другія обстоятельства, усиливавшія виновность лица; напр. поднятіе руки, палки или оружія для боя на зборѣ или предъ княземъ (155, 156). Въ повторенномъ преступленіи Статутъ видитъ болѣе тяжкое дѣйствіе, чѣмъ въ преступленіи, учиненномъ впервые (246). Съ другой стороны, не вполне выяснено различіе между главнымъ зачинщикомъ и простыми помощниками, какъ это видно напр. изъ постановленій объ измѣнѣ: «ако би тко у томъ (измѣнѣ) по-могао али занъ стао за брацтво, али за ину приазанъ, да *му е друъ*», подлежатъ одинаковому наказанію съ главнымъ преступникомъ. Точно также при умищаніи (похищеніи женъ), помощникъ наказывается наравнѣ съ главнымъ преступникомъ, — «только ономе, ки би ту умака, только оному, ки би му помага». Различіе между зачинщиками и пособниками принимается во вниманіе только въ ученіи о татѣбѣ: «ко за лупежа (тата) узговори, ко лупежу у чемъ поможетъ ричѣу али *диломъ*», тотъ подлежитъ меньшей пенѣ сравнительно съ самымъ татемъ (92, 247, 258). Статутъ опредѣляетъ степень наказуемости преступленій, смотря по ихъ причинамъ (зачъ е тои учинено и почемъ, с кога узрока и на коемъ дугованью, — 39, 42, 65 и пр.), мѣсту ихъ совершенія (гди е и у комъ мѣсту учинено, — 42), по личнымъ отношеніямъ преступника къ обиженному (47, 48, 218) и свойствамъ и тяжести самыхъ преступленій. Статутъ предписываетъ — при назначеніи наказаній «про-зрити и процинити, ка е рана од кое жеща (жесточе), али луща (лютѣ), али од смрти сумнелиа, али од кое се првме веѣе болести и тешкоѣе и траѣниа (утратъ), вола ликарие (лѣкарствъ) али шкоде, али паке гди се згоди, да се виде кости, али плуѣа (легкія), али можчани (мозгъ), али иве ствари од живота», — «има се разабрати, како е и по кои начинъ, и с коимъ узрокомъ и тко е чловикъ (преступ-никъ) и ке врсте, и женска глава (обиженная) од ке е прави и од кога гласа и од кое работе» (64, 218; ср. 36, 38 — 40).

Полицкому Статуту извѣстны случаи полной невмѣняемости преступленій. Сюда относятся поимка преступника на мѣстѣ преступленія, когда онъ не отдавалъ добровольно, или для обиженного настояла необходимость личной обороны. Та-кимъ образомъ, остается безнаказаннымъ убійство татя, пойманнаго на кражѣ, «конъ креде али силомъ води», — убійство гусара (разбойника), «ки га хоѣе дерати, а ови, ки се брани, убие га» (21, 23, 65). Въ ученіи объ убійствѣ и обидахъ имѣетъ важное значеніе различіе между преступленіями, учиненными «займито и не-займито»: *придна кровь* безнаказанно допускала кровную месть, какъ и за обиду дозволялось отплатить равной обидой (52, 53, 57, 62).

Отвѣтственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на самого ви-новнаго, но и на другихъ лицъ. Община отвѣчала за своихъ членовъ, семья — за дѣтей. Въ случаѣ преступленія члена семьи и задруги, послѣднія теряли право

наслѣдованія въ движимомъ имуществѣ преступника, а иногда и недвижимомъ, — наказанія личные не касались другихъ членовъ семьи: «тко гредѣ главомъ, да е дужанъ, а има челадь да ни дужна главомъ» (17).

Слѣдуетъ замѣтить наконецъ, что Полицкій Статутъ допускаетъ возможность преступленій и со стороны животныхъ. Въ немъ упоминается слѣдующій случай: если чья либо собака ранитъ челоуѣка на дорогѣ, такъ что раненный умретъ или ка-кой либо членъ его останется искалѣченнымъ, то хозяинъ собаки, приведя ее къ «шетнику» или его дѣтямъ, съ словами: «ото ти *твои криваць*», можетъ этимъ «бити простъ» отъ всякой отвѣтственности. Если хозяинъ собаки не дѣлаетъ этого, то раненный можетъ обратиться къ нему съ словами: «твое ѣе бранино, учини ми тои зло», требуя отъ него вознагражденія. Тоже самое касается коня и всякаго другаго животнаго (208, 209).

В. Система преступленій имѣетъ довольно законченный видъ. Ихъ можно свести въ слѣдующія шесть группъ:

- 1) Преступленія съ публичнымъ характеромъ:
невирство, разврха, застава, робство, новщина (проти опѣини) и преступленія по службѣ.
- 2) Преступленія церковныя (и волшебство).
- 3) Преступленія частныя — противъ права на жизнь:
убійство и разбойство (ашашинство).
- 4) Преступленія частныя — противъ правъ личныхъ:
заря, раны, свада, бой, заточъ, модрица, скубана и срамота.
- 5) Преступленія частныя — противъ правъ семейственныхъ:
разбниае женске, грихъ неподобни (соломски) и умищаніе женъ.
- 6) Преступленія частныя — противъ правъ имущественныхъ:
креа и лупещина (меусобщина); сила, надворе, новщина, самосегъ, сича, по-паша, шета и шкода.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ родѣ исчисленныхъ преступленій. Начнемъ съ публичныхъ преступленій.

1) *Преступленія публичныя*. Сюда относятся три главные рода преступленій и проступковъ: преступленія съ государственнымъ характеромъ (невирство, разврха, застава и робство); преступленія и проступки, входившіе въ попятіе «новщины, ча би проти опѣини» (учрежденіе града, царны, торговли, уничтоженіе путей, незаконный торгъ виномъ, припасами и пр.); преступленія по службѣ (катуварей, приставовъ и пр.).

а) Подъ *государственными преступленіями* въ собственномъ смыслѣ Статутъ разумѣетъ преступныя дѣйствія противъ «господы и мѣста нашего», куда относятся: измѣна, нарушеніе земскаго мира, сопротивленіе власти и такъ называемое: робство. Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ, болѣею частію, при-надлежатъ позднѣйшему времени.

Невирство. Измѣнникомъ (*невирникомъ и традигуромъ полицкимъ*) считается

тотъ, кто «проповидао виѣ поличко, — тко разбиаѣо али противио ча учини по одличу купан зборъ Полицъ, — тко придава сам себе и мисто наше иному господину, него оѣе (хочетъ) ини племенити луди поличани». Поличанинъ обвиняется неврникомъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ, будучи на службѣ внѣ Полицы, «учини господарю кою невиру али срамоту, али га ображо, али му ино кое зло учини». Съ главнымъ неврникомъ вполне уравниваются и его помощники: «ако би га тко у томъ помагао али занъ стао за брацтво али за ину приазанъ, да му е другъ». Измѣнникъ наказывается сожженіемъ; имущество его подвергается грабежу въ пользу общины. За простое неповиновеніе вѣчевой одлукѣ грозитъ денежная пеня (въ 25 либръ). Скрывшійся преступникъ наказывается потокомъ, «да се изрене ванъ, веѣе да ни поличанинъ». Законами XVII стол. положено было вписывать измѣнниковъ въ Статутъ: «да ѣе неврникъ, и да има главомъ платити, и од ѣе гове куѣе да се нима никадъ примит у зборъ ни у ниѣедно виѣе братинско ни си ромашко», — самъ измѣнникъ наказывался смертной казнью, его семья лишалась права посылать своихъ кућниковъ на зборъ и вѣча (91 — 94, 169, 231, 276, 282).

Неврниками «госпоцкими» считаются по закону 1576 г. лица, производившія смуту — *разерху* (сметну, лиге, парте), изъ которой можетъ возникнуть нарушеніе земскаго мира. Домъ виновнаго сжигается (да му се куча ужеже); самъ преступникъ предается смерти (188).

Застава — насиліе въ присутствіи князя и судей, въ особенности сопротивленіе ихъ власти (тко би помевую силу пруйи се придъ кнезомъ и суди). Застава наказывается наравнѣ съ неврствомъ (231 — 233).

Въ понятіе *робства* входятъ слѣдующіе случаи: «ако ки коли би с Турци пошли на войску или с мартолоси, — ки голи би поличанинъ, ке хоѣе врсте буди, робнио с Турци али с мартолоси, али се придао Туркомъ, али у Турке пошало хоте, од свое воле, али да поѣде у Турке али у аѣдуке, али да би се нашло, до коѣми поможе продавати али куповати чѣладъ, али друге коѣе му драго врсте, ке би могле наудити пуку али господи¹⁾».

3) Къ преступленіямъ *проти оплини* относятся: учрежденіе новыхъ гаевъ и путей, также уничтоженіе старыхъ дорогъ безъ дозволенія общины; введеніе и взиманіе царины и торговли (русское мыто); заведеніе градовъ. Сюда относятся также продажа вина, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости сверхъ положенной таксы и не въ установленныхъ для того мѣстахъ; особенно строго запрещается продажа на торгу мяса «немоѣнаго» и мертвечины, или мрлины (100, 202, 212, 215, 235, 251 — 252). Постановленія, опредѣлившія исчисленные предметы, большею частію принадлежатъ позднѣйшему времени.

¹⁾ Т. е. если бы кто пошелъ на войну съ турками или мартолосами, — если бы какой либо поличанинъ какого-бы то ни было сословія разбойничалъ (производилъ морскіе разбои) съ турками или мартолосами, или передавался туркамъ, или намѣревался пойти къ туркамъ по своей волѣ, — или если-бы поѣхалъ къ туркамъ или гайдукамъ, или если-бы открылось, что кто либо помогать продавать или покупать челядь или людей другихъ сословія, что могло бы повредить народу или правительству (17, 18, 20, 266).

4) Изъ преступленій *во службѣ* Статутъ упоминаетъ о неявкѣ катунара на зборъ безъ законной причины и неисполненіи приставомъ своей приставщины (127, 270). Безъ сомнѣнія и другіе главари подлежали взысканіямъ, при неисполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Подъ *проклятыми* разумѣются люди, находящіеся «у проклетству», отлученные отъ церкви и общенія съ людьми, преимущественно за преступленія противъ вѣры. На ряду съ проклятыми стоятъ «очити ожурники» — лица, не бывшіе у исповѣди и св. таинъ, также «вишѣицы, чаровницы и вражарицы» (вражалицы, вороженъ) — люди, занимавшіеся волшебствомъ. Проклятые и ожурники, въ случаѣ смерти, лишаются христіанскаго погребенія; чаровницы, впервые обвиненныя, подлежатъ обыкновеннымъ наказаніямъ, а при вторичномъ обвиненіи сжигаются (27, 28, 246).

Неврство, застава и другія преступленія съ публичнымъ характеромъ принадлежатъ къ институтамъ позднѣйшаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ Статутъ много могъ заимствовать изъ чуждыхъ источниковъ. Не то нужно сказать о преступленіяхъ частныхъ: большинство относящихся сюда статутныхъ постановленій несомнѣнно коренится въ старыхъ народныхъ обычаяхъ. Разсмотримъ прежде всего сущность убійства и другихъ преступленій противъ правъ личныхъ.

3) Изъ частныхъ преступленій Статутъ ставитъ на первомъ планѣ убійство и отдѣльные его виды — самоубійство, удушеніе дѣтей и разбой.

Убийство (крвь). Статутъ представляетъ въ ученіи объ убійствѣ капитальное различіе отъ Русской Правды и большинства другихъ славянскихъ памятниковъ въ томъ отношеніи, что въ немъ убійство не опредѣляется сословными началами, имѣвшими мѣсто въ ученіи объ убійствѣ почти по всѣмъ средневѣковымъ законодательствамъ. Статутъ положительно говоритъ: «ако ли би грихомъ убио поличанинъ поличанина у Полицихъ али инди, *еднако поси*» (51), т. е. убійца подлежитъ одинаковому наказанію, гдѣ бы ни былъ убитъ и къ какому бы состоянію ни принадлежалъ убитый. Въ то время, какъ напр. Русская Правда устанавливаетъ различную вину за убійство княжскихъ мужей, людиновъ и т. д., Статутъ Полицкій одинаково наказываетъ убійцу, не смотря на то, принадлежитъ ли убитый къ племенитымъ людямъ, или къ кметямъ и другимъ общественнымъ разрядамъ. Нужно вообще замѣтить, что въ уголовномъ правѣ Статута весьма мало развиты сословныя различія. О нихъ говорится въ статьѣ — о срамотѣ, соответствующей вполнѣ статьѣ Правды объ усъ и бородѣ: срамота, нанесенная племичу, наказывается различно, смотря по тому, кто ее нанесъ — племенитый ли человекъ, или кметичъ (62). Впрочемъ, и здѣсь Статутъ далеко не такъ точенъ въ таксаціи пеней, какъ это мы видимъ въ Правдѣ, — говоря о пенѣ за срамоту, нанесенную племичу, онъ просто говоритъ — «томуи вече иде» (тотъ подлежитъ большому наказанію). Кроме того, вліяніе сословныхъ различій отчасти замѣтно въ ученіи о кражѣ, имен-но о кражѣ, произведенной зависимымъ человекомъ у своего господина (162, 168, 190).

Статутъ различаетъ въ убійствѣ различные признаки и основанія виновности или безответственности преступленія и большей или меньшей тяжести самаго

наказанія убійцъ. Такимъ образомъ, въ Статутъ обращается вниманіе на *братство*, т. е. болѣе или менѣе близкія семейныя связи между убійцей и убитымъ. Иначе разсматривается убійство, учиненное *изванскимъ* (чужеземцемъ) и *поличаниномъ*, и при томъ въ *свадь* (ссорѣ) или въ *разбоѣ*; дѣлается различіе между такъ называемой *мертвой кровью* (мртва кровь), т. е. убійствомъ на мѣстѣ ссоры, и *кровью живой* (когда прибитый умираетъ послѣ ссоры), — между убійствомъ по злому умыслу и въ состояніи *необходимой обороны* (убійство разбойника и грабителя), также при *поимкѣ татя* на мѣстѣ преступленія и вообще при поимкѣ всякихъ *лихихъ людей* (невирниковъ, лицъ, учинившихъ робство и пр.). Статутъ говоритъ наконецъ объ *удавленіи дидяти* матерью и о *самоубійцахъ*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Статутъ даетъ указанія на множество институтовъ глубокой древности. Общинное устройство Полицы, съ его нивелирующими порядками, не дало развиваться сословнымъ вліяніямъ въ дѣлѣ гарантіи жизни отдѣльных лицъ. Тамъ же нужно искать корни такихъ институтовъ, какъ убійство, учиненное изванскимъ и поличаниномъ, братомъ вервнымъ, дальнимъ или близкимъ, — институтъ общинной и семейной правды (дикой виры Правды), кровной мести и т. д. Вліяніе новаго времени можно видѣть лишь въ постановленіяхъ о самоубійцахъ и удавленіи дѣтей.

У народовъ, стоящихъ на ступени патриархально — родового быта, убійца отца, матери, главы рода, наказывается гораздо строже, чѣмъ убійца братьевъ и другихъ членовъ рода. Подобное же различіе, хотя и на иныхъ основаніяхъ, строго развито въ уголовномъ правѣ эпохи позднѣйшей государственности. Не то видимъ тамъ, гдѣ семья развивается въ формѣ задругъ, по типу общинъ территориальныхъ. Ничѣмъ не отличая юридическаго положенія семейнаго старшины отъ другихъ братьевъ и задругарей, законодательство одинаково гарантируетъ ихъ на случай убійства и другихъ обидъ. Полицкій Статутъ, вполне развившій ученіе о семейной общинѣ, не даетъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы законъ дѣлалъ различіе между убійствомъ и обидами, наносимыми отцу или господарю вервной дружины и другимъ вервнымъ братьямъ. Законъ «од синов и отацъ» (281) говоритъ только о частной дисциплинарной мѣрѣ, которою *можетъ* воспользоваться отецъ, въ случаѣ обиды со стороны дѣтей; въ случаѣ поднятія на него руки, при неуваженіи и пр., отцу предоставляется напр. завѣщаніемъ устранить такихъ дѣтей отъ наслѣдства, и только. Здѣсь, очевидно, нисколько не идетъ дѣло объ уголовномъ наказаніи, назначавшемся общественной властью. Говоря въ 47 — 50 статьяхъ объ убійствѣ *ближнихъ* и *вервныхъ*, *братьевъ* присныхъ и *непрѣмъ* присныхъ, т. е. членовъ семьи въ строгомъ смыслѣ и членовъ вервной дружины. Убійца брата приснаго, говоритъ Полицкій Статутъ, «ча не даи бог, неима веѣ бити поличанинъ». Онъ подвергается потоку; племянница его отходить къ другому ближнему, которому она можетъ принадлежать по наслѣдству. Здѣсь говорится о скрывшемся убійцѣ; если онъ послѣ показывался въ Полицѣ, то «га имаю тирати сва Полица у негову главу», — убійца подлежитъ общинной мести. Напротивъ, онъ близокъ къ убитому по братству (коликому е био близу у братству), т. е. смотря по тому, убитъ ли дальній, или вервный братъ (47 — 50).

Статутъ различаетъ, далѣе, убійство *изванскаго поличаниномъ* и наоборотъ, также убійство *изванскаго изванскимъ* или *поличина поличаниномъ*.

Въ дѣлахъ между изванскими и поличанами допускается кровная месть, какъ общее правило, въ дѣлахъ же между одними поличанами — только въ крайнихъ случаяхъ. Если поличанинъ убьетъ изванскаго «за придну кровь», т. е. мстя за прежнее убійство, то «за тои имаю Полица стати», — община защищаетъ своего поличанина — отместника. Напротивъ, убійство «незаймито», безъ предыдущей причины, «е ствар онога, ки кровь учини» (община не въ правѣ его защищать). Точно также изванскій можетъ убить поличанина «за придну пизму» и община не въ правѣ за то ему мстить (тирати). Если изванскій убьетъ или ранитъ изванскаго въ Полицѣ, то община не вмѣшивается въ это дѣло (за то се Полица неимпачаю), — убійство судится и наказывается по національному праву изванскихъ (52 — 54).

Что касается убійства между поличанами, то въ обыкновенныхъ случаяхъ кровная месть замѣняется системой денежныхъ выкуповъ и другихъ наказаній. Местъ допускается только въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

Если бы случилась, говоритъ Полицкій Статутъ, «мртва кровь од нас меу нами», т. е. между поличанами, то хотѣтъ старый законъ, чтобъ была тому цѣна 240 либаръ (55). Местъ допускается только въ особенныхъ случаяхъ и противъ «очитыхъ музувировъ» (явныхъ лихихъ людей). Убійство остается безъ всякихъ послѣдствій, если вынуждено состояніемъ необходимой обороны: не считалось преступленіемъ убійство разбойника, «ки га хоѣ дерати, а ови, ки се брани, убие га» (21, 57). Не подвергалось никакой отвѣтственности убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, — право мести въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, при *сопротивленіи* вора, не отдававшагося добровольно въ руки настигшихъ его на кражѣ; при томъ, право такое предоставляется, не только обиженному, но и всякому другому поличанину (21, 58). Наконецъ не вмѣнялось въ вину убійство *лихихъ лихихъ людей* (очити музувири, злѣи люди), напр. измѣнниковъ, уличенныхъ въ робствѣ и пр. (напр. 24 и др.).

Убійство въ *свадь* (ссорѣ), «свадив се и скарав се» (ако би се тко с ким свадио, тере убио един другога), отличается отъ убійства въ засадѣ, по злому умыслу, въ разбоѣ. Убійство въ первомъ случаѣ наказывается денежной пеней, во второмъ — смертной казнью (21, 55, 56). Въ свою очередь, убійство въ свадь можетъ быть *мртва* или *жива кровь*, смотря по тому, убитъ ли кто либо на мѣстѣ (ако ли би га убио на мисти), или смерть послѣдовала вскорѣ послѣ свадьбы (жива кровь). Мртва кровь оплачивалась двойной пеней, или такъ называемой мртовой враждой (55, 57, 58, 65), (или двѣ вражды); кровь жива — пеней одинарной, живой враждой (55, 57, 58, 65), — институты, напоминающіе виру Правды, платившуюся вслѣдствіе поимки убійцы при трупѣ и отличающуюся отъ такъ называемой поклепной виры.

Статутъ напоминаетъ наконецъ объ особыхъ видахъ убійства: объ *удавленіи дидяти* матерью и о самоубійствѣ. Мать, виновная въ удавленіи дитяти, какъ бы это ни случилось (ка би дите удавила водом како годирь хоѣ на свиту али ким хоѣ путемъ али начиномъ), должна быть «по сваки путь огнемъ сажгана» (178). Са-

моубійцы (то би сам себи учинио смръ), подобно проклятымъ, лишаются христ-
анскаго погребенія (28).

Разбойство (ашишничество). Подобно Русской Правдѣ, Статутъ опредѣляетъ сущность разбоя, какъ особаго вида убійства. Подъ разбойствомъ разумѣется убійство, соединенное съ насильнымъ отнятіемъ чужаго имущества. Въ понятіе разбоя входятъ слѣдующіе случаи: «ако ли би убио тко кога закономъ *ашишнскимъ* (разбойнически), вола изъ приварке, али му *заседши* (изъ засады); али га убио при комъ благу, али за кою користь, али га одрьо (ограбить) убивши» (56); «ако ли би тко кога убио *нашад на негову кућу*» (59); вообще если кто убьетъ другаго при грабежѣ — «разбивао и *дерао на путу* (на дорогѣ) вола *инди*, али му засео» (65). Разбой изъ засады отличается отъ разбоя дорожнаго (*сила*) и разбоя, учиненнаго при нахождѣ на домѣ или дворѣ (*надворе*). Свои *разбойники* (*ашишны*, *очить музувирь*) отличаются отъ *гусарь* (*гуси*) — разбойниковъ, нападающихъ извнѣ, ночью и днемъ, воинскимъ образомъ (*гуса ночна* и *очита, воиска*, — см. 21, 196). Убійство разбойника дозволяется вездѣ и во всякое время, особенно если онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; въ другихъ случаяхъ онъ наказывается повѣшеніемъ и четвертованіемъ. Гусары воиски наказываются по обычаямъ военнымъ (21, 56, 196).

4) Членоповрежденія, побои и другія личныя обиды. Статутъ допускаетъ увѣчья и побои въ дракъ (*зарвъ, кавтъ*), ссоръ (*свадъ*), также во время грабежа и находа на чужой домъ. Зарва и свада могутъ происходить съ нанесеніемъ ранъ и обидъ или безъ нихъ (23, 33, 65, 66). Наиболее тяжкими преступленіями считаются увѣчья — *сича* и *грубота*: изувѣченіе цѣлой руки, ноги, глаза; отсѣченіе или поврежденіе пальцевъ ручныхъ и ножныхъ, зубовъ и другихъ членовъ (37 — 46). *Раны* опредѣляются самымъ подробнымъ образомъ: раны большія отличаются отъ малыхъ ранъ и простыхъ царапинъ (*жодрица*); обращается вниманіе на свойство оружія, которыми произведены раны; раны подъ одеждой отличаются отъ ранъ на открытомъ мѣстѣ, въ особенности на лицѣ (*на образу*), или на *сридокрачу* (т. е. мѣстѣ, подузкакрытомъ платьемъ). Статутъ требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнки увѣчий и ранъ чрезъ добрыхъ людей и цинцевъ (23, 34 — 36, 39, 61, 64). Отъ груботы и ранъ отличается *бой* — нанесеніе простыхъ побоевъ. Побои женщинъ оплачиваются возвышенными пенями, какъ и поднятіе руки или оружія на господина, также побои на зборѣ и въ присутствіи князя (35, 61, 63, 66, 155, 156). Изъ другихъ видовъ личныхъ обидъ упоминаются: *скубана* (ако би тко ухитио и скубао за власе), наносимая плечамъ и лицамъ другихъ сословій, — *затачъ* (толчп) и *исость* (ругательство). Всѣ обиды считаются болѣе тяжкими, если они нанесены кому либо на зборѣ и предъ княземъ (33, 34, 62, 154). Увѣчья и обиды носятъ общее названіе *груботы* и *срамоты*. Самыя большія пени назначаются за сичу и груботу, въ особенности за поврежденіе руки и другихъ главныхъ членовъ: назначенная за нихъ «живая вражда» (120 лб.) вполне соответствуетъ полвиру Правды, — живая вражда составляетъ половину мертвой (240 лб.), т. е. простой виры Правды. Кромѣ денежныхъ пеней, допускаются и членовредительныя наказанія; напр. кметю, виновному въ поднятіи руки на господина, грозитъ лишеніе правой руки (37, 64, 82, 156).

5) Къ преступлѣніямъ противъ *правъ семейственныхъ* относятся: уицаніе разбиванье женщинъ и неподобный грихъ.

Подъ *разбианьемъ женскимъ* разумѣется изнасилованіе женщинъ («ако бы тво рабѣѣ и силова женьску главу прежь не воле»). Изнасилованіе наказывается *жертвой кровью*, т. е. обиженная можетъ потребовать головы разбойника, или ограничиться однимъ выкупомъ, равнымъ вирѣ за убійство. Если будетъ изнасилована женщина замужняя или обрученная (сужата или рукована), то мертвая кровь платится мужу и самой обиженной. Незамужней женщинѣ предоставляется право требовать отъ своего разбойника, чтобъ онъ женился на ней, или (если онъ женатъ) доставилъ ей всѣ средства къ жизни, приличной ея состоянію. За изнасилованіе блудницы платится, за обиду, меньшая пеня (въ 25 либрѣ). См. 176, 217 — 221.

Подъ «неподобнымъ» грѣхомъ Полицкій Статутъ разумѣтъ *грѣхъ содомскій*. Виновныхъ въ такомъ «нечистомъ» грѣхѣ предписывается сожигать безъ всякаго помилованія (1777).

Умищанье — насильное похищенье женщинъ. Закономъ 1605 г. предоставляется общинѣ право мести надъ виновными: «да му иде опѣина на куѣу и да му развали куѣу». Имущество виновнаго подлежитъ грабежу въ пользу общины (247).

6) Изъ преступлений противъ имущественныхъ правъ упоминаются: кража, грабежъ и другіе виды насильнаго присвоенія чужаго имущества, истребленіе и порча вещей.

Креа (*лупештво, лупещина, меусобицина*). Креа Полицкаго Статута соответствует татѣбѣ Русской Правды. Татѣба имѣетъ, по Статуту, характеръ вполне развитаго института. Въ немъ находимъ очень интересныя данныя по отдельнымъ частямъ этого института, — опредѣлительно рѣшаются главнѣйшіе вопросы касательно *лица преступника, предмета, мѣста и времени* совершенія татѣбы. По вѣсьмъ этимъ вопросамъ Статутъ преслѣдуетъ одну главную цѣль — опредѣлить условія болѣе или менѣе *наказуемости* преступленія. Сравнительно съ Правдой, Статутъ излагаетъ ученіе о татѣбѣ въ болѣе обобщенномъ видѣ; въ немъ менѣе казуистическихъ постановленій, составляющихъ отличительную черту Правды и другихъ старославянскихъ законодательствъ.

Лутежъ (статья Правды) — общее название вора. Учение Статута о лицах преступника весьма важно для насъ, потому что Статутъ въ этомъ случаѣ даетъ указанія на порядки глубокой старины, когда вся общественность первичныхъ родовъ построилась на розни и враждебности автономическихъ союзовъ — родовъ, общинъ, семей. Лицо, не принадлежавшее къ союзу, считалось въ немъ безправнымъ, чуть ли даже не врагомъ; только свой пользовался въ общинѣ юридическими гарантиями. Въ уголовномъ правѣ это отражалось въ признаніи мести противъ лицъ, не принадлежавшихъ къ общинамъ, въ случаѣ совершения ими какихъ либо проступковъ противъ чужаго союза и отдѣльных его членовъ. Съ ослабленіемъ общинной розни, начало мести смягчается и вовсе устраняется, уступая мѣсто

повымъ началамъ и порядкамъ, соотвѣтствовавшимъ измѣнившимся условіямъ общегитія. Полицій Статутъ въ ученіи о татьбѣ, какъ и объ убійствѣ, представляетъ слѣды стараго порядка, ясно указываетъ на старую рознь общины, съ ихъ местью и самоуправствомъ во взаимныхъ между собой отношеніяхъ. Все ученіе Статута о татьбѣ построено на различіи между *изванскими* и *поличанами*, уличенными въ совершеніи татьбы. Объ изванскихъ Статутъ немного распространяется: лупежь «од инуде» (т. е. изъ другаго мѣста, изванскій, не поличанинъ), пойманный и уличенный въ совершеніи татьбы въ Полицѣ, «има се ли по сваки пут обисити» (165). Въ отношеніи къ изванскому Статутъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на условія, при которыхъ совершено имъ преступленіе; достаточно съ его стороны самое незначительное воровство для того, чтобы онъ подвергся полной мести полицкой общины, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Полица относилась къ не-членамъ своей общины съ точки старой розни и враждебности союзовъ.

Болѣе подробно говорится о татьбѣ *поличана*. Правда, и въ отношеніи къ нимъ дѣлается различіе между татьбой, совершенной внѣ и въ самой Полицѣ; но здѣсь мѣсть и смертная казнь, болѣею частью, замѣняются денежными выкупами. Статутъ вникаетъ во всѣ подробности предмета, опредѣляетъ разнообразныя условія совершенія преступленія, влѣстѣ съ системой соотвѣтственныхъ имъ наказаній.

Статутъ, во 1-хъ, дѣлаетъ различіе между обыкновеннымъ воромъ и *ворожъ по ремеслу*, относя послѣдняго къ разряду явныхъ лихихъ людей (256). Главный преступникъ отличается отъ *помощниковъ* (ко за лупежа узговори, — ко лупежу у чем поможе ричѣу али дилом), которые подлежатъ меньшей отвѣтственности сравнительно съ главнымъ коноводомъ (258).

Во 2-хъ, отвѣтственность за татьбу можетъ быть различной, смотря по *покрепѣ* — предмету татьбы. Различается кража домашнихъ вещей, иманья, — кража скота (живини), огородныхъ овощей, винограда, жита и проч. (11, 58, 163, 257).

Въ 3-хъ, иначе отвѣчаетъ за татьбу свободный и зависимый человѣкъ: кметти и наймтиты, за кражу у своихъ господъ, подлежатъ болѣе отвѣтственности, чѣмъ за кражу у другихъ лицъ (168).

Въ 4-хъ, поличанинъ подлежитъ различному наказанію, смотря по *времени и мѣсту* совершенія татьбы. Татьба ночная отличается отъ дневной: «ча се отме у ноћи, то е една стварь, а ча се отме у дне, то е друга стварь» (203). Различная отвѣтственность падаетъ на преступленія, совершенныя поличаниномъ внѣ Полицы и въ ней самой, и при томъ — въ своемъ селѣ или чужомъ, изъ «прага», дома (клѣтная татьба Правды), двора, огорода или въ виноградникѣ и на полѣ (жита и пр.). Кража въ своемъ селѣ по преимуществу называется *меусобицой*, какъ и самъ тать — *лупежь* — *меусобаць*, или просто *меусобаць*; кража внѣ своего села носитъ специальное названіе *лупежины* (*лупештва*), — самый воръ называется *лупежемъ* (8—11, 21, 58, 163 — 166).

Наконецъ въ 5-хъ, татьба имѣетъ различныя послѣдствія, смотря по тому,

пойманъ ли преступникъ въ моментъ совершенія преступленія, или противъ него предъявленъ поклепъ (21, 58), — начало, вполне извѣстное Русской Правдѣ и другимъ славянскимъ законодательствамъ.

На основаніи исчисленныхъ началъ, Статутъ устанавливаетъ слѣдующую систему *наказаній* за различные виды татьбы поличанъ. Ихъ можно свести къ тремъ главнымъ группамъ:

а) Тать, пойманный при лицѣ, можетъ быть тутъ же убитъ (во пса мѣсто, по выраженію Правды), если онъ сопротивляется, — и подвергается повѣшенію, если добровольно отдается въ руки того, кто его настигъ на преступленіи.

б) За лупежину (кражу въ чужомъ селѣ) назначается *приамшина* (или *пособа*) — вознагражденіе обиженному за «щету», состоявшее въ дачѣ «за кокошь (курницу) козы, за козу вола и т. д., при чемъ цѣнность пособы возвышается тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе и цѣннѣе воровская вещь; если цѣнность поличнаго превыситъ положенную норму (100 либровъ), то виновный наказывается повѣшеніемъ. Кромѣ приамшины, тать платитъ «господскую и сельскую глобу», т. е. денежную пеню въ пользу общины и господы, смотря по цѣнѣ поличнаго. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ поличанинъ, уличенный въ татьбѣ внѣ Полицы, какъ и наймитъ, обокравшій своего хозяина, платятъ дублицу (двойную пеню). Помощники при татьбѣ платятъ только господскую глобу (163, 164, 168, 203, 257, 258).

γ) За меусобицу, безъ различія между лицомъ и поклепомъ, назначается повѣшеніе, — наказаніе, угрожающее вообще явнымъ татамъ, также кметямъ, обокравшимъ своихъ господъ (166, 168, 256).

Грабежъ (сила, надворе) и присвоеніе чужихъ вещей (новщина, самосей) составляютъ второй видъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдельныхъ лицъ.

Сила и надворе означаютъ вообще насильное отнятіе, или *грабежъ чужаго имущества*. Обозначая всякаго рода насиліе, сила специально входитъ въ понятіе грабежа, произведеннаго *на дорогѣ* или въ другомъ мѣстѣ, изъ засады, или открытымъ нападеніемъ на чужое имущество («ако ли би тко кога разбиѣо али крытымъ нападеніемъ на чужое имущество (нако ли би тко кога разбиѣо али *дерао* на путу вола инди, али му засео, небуѣи му кривъ»). Сила въ этомъ смыслѣ вполне соотвѣтствуетъ чешскому наречу (*nárok, laupéz*. См. Ирѣчка Sl. рг. II. 257). Отъ силы, или грабежа дорожнаго (внѣ дома), отличается такъ называемое *надворе*, т. е. грабежъ, произведенный посредствомъ находа или наѣзда на чужой дворъ или домъ («нашад на куѣу»). Сила и надворе оплачиваются различными пенями. За грабежъ внѣ дома полагается денежная пеня (100 либръ различными пенями. За грабежъ внѣ дома полагается денежная пеня (100 либръ общинѣ и столько же обиженному); напротивъ, надворе по старому закону наказывалось «крвью» (смертной казнью). Статутъ принявъ «полагли законъ», установивъ денежную пеню, какъ и за дорожный грабежъ. Виновный обязанъ также возвратить хозяину все пограбленное имущество (59 — 60, 65, 70).

Новщина, позлобица и самосей означаютъ вообще вторженіе въ чужія права. Новщина можетъ быть противъ общины и частныхъ лицъ. Въ отношеніи къ имуществу, здѣсь можно разумѣть институтъ, сходный съ чешскимъ *hrdost a vyboj* —

насильное вторжение въ чужой добытокъ, соединенное съ растратой и порчей (hrdost) или грабежемъ (vyboj) чужаго имущества. Новщиной называется, напр., пастьба скота въ чужомъ лѣсу или на полѣ, вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣса п хлѣба. Самосегомъ и вообще позлобцей, новщиной, называется также насильственное пользованіе чужой племенщиной или другимъ имуществомъ, съ устраненіемъ отъ него законнаго его хозяина. За новщину по имуществу назначается денежная пеня — 25 либръ. (15, 32, 97, 99).

Послѣдній родъ преступленій противъ правъ имущественныхъ составляютъ: «сича, попаша, щета и шкода» — истребленіе и порча чужихъ вещей.

Въ ученіи Статута объ истребленіи и порчѣ вещей стоитъ на первомъ планѣ уничтоженіе границъ и межъ (ки би границу «истукаѣ» туѣу отаѣнимъ начиномъ, али границу «истлачиѣ» през допушѣна правде, али паке толикоѣ ако би тко «сикаѣ» и чиниѣо границе нове отаѣно по своѣѣ воли през допушѣна правде). Виновиный въ такой «худобѣ» лишается руки и части своей племенщины, равной присвоенному имъ участку чужой земли (241).

Подъ «щетою и шкодою» разумѣется вообще порча и уничтоженіе чужихъ вещей. Полицкій Статутъ говоритъ въ особенности о шкодахъ, произведенныхъ скотомъ и другими домашними животными и птицами въ чужомъ огороѣ, виноградникѣ и на полѣ (собственно *попаша*). Малая шкода отличается отъ большой, ночная — отъ дневной, какъ и шкода большого животнаго отъ шкоды малаго (лробнаго). Малое животное, занятое на шкодѣ и попашѣ, дозволяется убить на мѣстѣ; за большое платится его хозяиномъ цѣна за каждую шкоду. Ночная щета оплачивается вдвое противъ обыкновенной. Что касается шкоды, учиненной человекомъ, то по Статуту виновный вообще долженъ сдѣлать за нее вознагражденіе — «да му плати и учини задовољно». Если шкода произведена случайно (нехоте), то она удовлетворяется по согласію сторонъ (има му бити разумаѣ); за шкоду, учиненную съ умысломъ, «хоте али захвалив се», виновный несетъ большую пеню, «има тежу покору подвести» (85 — 90, 106 — 107, 182 — 185, 216).

С. Система наказаній Полицкаго Статута представляетъ замѣчательную смѣсь институтовъ различныхъ порядковъ и временъ. Удерживая кровную месть, имѣвшую мѣсто главнымъ образомъ въ дѣлахъ между изванскими и поличанами, Статутъ допускаетъ бандъ или «покору» (159, 182, 188), въ двойной формѣ: денежныхъ выкуповъ (*вражда* и *осудъ*) и наказаній публичныхъ (*глава*, *сича* и др.) въ строгомъ смыслѣ этого слова. Композиціи исключали собой публичные наказания и на оборотъ: кто подвергался смертной казни или членовредительному наказанію, тотъ не платилъ ни осуди, ни вражды. Послѣднія имѣли значеніе денежныхъ «выкуповъ». Статутъ иногда выражается такимъ образомъ: «тко ли би кметѣѣ опсвоао свога господина, дужанъ е да му се езикъ урнже али «се искупп» либаръ .р.» (68); 110 или: «тере се ови одстао и правъ се нашао, тада му се има они «искупити пуномъ враждомъ» (159). Въ сколько нибудь важныя преступленія преслѣдуются, по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ законодательствъ, самыми строгими наказаніями — смертной казнью, членовредительными наказаніями или огромными денежными выкупами, — начало утрашенія уже вполне извѣстно

Полицкому Статуту. Назначеніе наказаній иногда мотивируется такимъ образомъ: «а тои затои, нека се ниткоръ неучини такове худобе и нечистоѣ чинити» (чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати, какъ выражается наше Уложеніе XVII вѣка). — О мести мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о наказаніяхъ публичныхъ и денежныхъ пеняхъ.

а) *Публичные наказанія* касаются лица и имущества преступника. Сюда относятся слѣдующія наказанія:

1) *Смертная казнь* (глава). Преступникъ, осужденный на казнь, «дужанъ главомъ или обнишенъемъ», — «има га обисити али разквартати, — преза свакога милосрѣѣа али умоления има бити сажганъ огнемъ». Сожженіе было тягчайшимъ видомъ смертной казни и назначалось за измѣну, вторичное изблеченіе въ волшебствѣ, за содомскій грѣхъ и удавленіе дѣтей. Четвертованіемъ преслѣдуются по преимуществу разбойники и лихіе люди. Обыкновенная казнь, въ видѣ повѣшенія, назначается за разврху, заставу, робство, убійство присныхъ братьевъ, изнасилованіе женщинъ и за болѣе тяжкіе виды татбы — меусобщину, надворе и лупещину, совершенную изванскими вообще, а поличаниномъ въ другомъ селѣ (если цѣна поличнаго превышаетъ 100 либрѣвъ). Обишенъе грозитъ поличанину и въ другихъ случаяхъ, когда онъ пойманъ на мѣстѣ татбы, а кметю, — за татбу у своего господина (17, 18, 47, 56, 58, 91, 163, 165, 166, 168, 177, 178, 188, 217, 246).

2) *Лишеніе политическихъ правъ*. По законамъ позднѣйшаго времени, въ особенности XVII вѣка, нѣкоторые преступленія, главнымъ образомъ измѣна, влекли за собой недопущеніе въ судби и вѣчники, не только самаго преступника, но и лицъ, принадлежавшихъ къ его куѣ (276 — 278, 282).

3) *Членовредительныя наказанія* (сича). Статутъ упоминаетъ объ отсѣченіи руки (за поднятіе оружія для боя на зборѣ или предъ княземъ, за порчу межъ и за побой господина кметемъ) и урѣзаніи языка (за ругательство господина кметемъ). Приставъ, оказавшійся кривымъ, лишался по старому закону трехъ ребръ, «изъсиди три ребра» (63, 68, 126, 156, 241).

4) *Изгнаніе* (изренене, прогнане). Преступникъ, особенно уходившій въ другую землю, извергался общиной изъ своей среды. Измѣнникъ, убійца роднаго брата и всякій явный злодѣй (музувиръ), по выраженію Статута, «да изрене ванъ, та и всякій явный злодѣй (музувиръ), по выраженію Статута, «да изрене ванъ, неима веѣ бити поличанинъ». Изгнанники такіе называются «ослуѣ, тко би прогнанъ за свои узрокъ». (47, 129, 231).

5) *Грабежъ*. Смертная казнь и другія личныя наказанія болѣею частію соединялись съ конфискаціей имущества преступника въ пользу общины. Иногда подвергалось грабежу только движимое имущество, иногда и племенщина. Грабежъ имѣетъ также самостоятельное значеніе выдачи преступника на полный произволъ общины (потокъ Правды): «пушѣамо опѣини, да нанъ руку ставе, — иде опѣина на куѣу и да развали или ужеже му куѣу» (17, 18, 166, 188, 247, 256).

6) *Проклятіе* (проклецтво). Это наказаніе назначалось по церковнымъ дѣламъ

и состояло въ запрещеніи сообщества (опѣити и живити) съ людьми, кромѣ своей собственной семьи. Лица, умершія въ проклятіи, лишались христіанскаго погребенія (27, 28).

б) *Денежныя пени* носятъ общее названіе *глобы* и *цѣны* (цина) и раздѣляются на два главные вида — *вражду* и *осудъ* (о глобѣ и цѣнѣ см. 55, 251, 257; о враждѣ — 14, 37, 38 и др.; объ осудѣ — 2, 9, 15 и пр.). Обѣ пени назначаются въ различномъ количествѣ и за различныя преступленія. Вражда соответствуетъ вирѣ Русской Правды и означаетъ по преимуществу пеню за убійство; осудъ равнозначительна съ русской продажей — пеней по другимъ преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ.

Подобно Правдѣ Ярославовой, допускающей однообразную виру (40 гривенную) безъ различія по состоянію убитыхъ, Полицкій Статутъ устанавливаетъ за убійство въ свадѣ однообразную «цину» въ 240 либровъ. Въ другихъ статьяхъ такая цѣна специально называется *мртва кровь* или *мртва вражда*. Кромѣ убійства въ свадѣ, мертвая вражда назначается за разбой и отсѣченіе или поврежденіе обѣихъ рукъ, ногъ или глазъ (38, 55, 65). Отъ мертвой вражды отличается *жива вражда или кровь* (120 либр.), которой оплачивалось увѣчья руки и другихъ главныхъ членовъ тѣла, также скубана между племенами (37, 62). Живая вражда, очевидно, соответствуетъ полувирѣ Правды, назначавшемуся также за увѣчья. Половина живой вражды платится за палецъ ручной или ножной (40). Наконецъ Статутъ положено наказывать криваго пристава, вмѣсто членовредительнаго наказанія, полагавшагося по старому закону, платежъ двойной мертвой вражды (127).

Осудъ платился за остальные преступленія, не влекушія за собой публичныхъ наказаній. Она раздѣляется на слѣдующіе семь видовъ:

- 1) Осудъ въ 200 либровъ — за грабежъ, безъ убійства (65).
- 2) Осудъ въ 150 либровъ — за отсѣченіе и изувѣченіе носа и другихъ членовъ, если послѣдствіемъ будетъ обезображеніе лица, «огрубленіе образа, грубота и рана» (44, 45).
- 3) Осудъ въ 100 либровъ — за отсѣченіе ушей, если послѣдствіемъ будетъ глухота, — за бой на зборѣ или предъ княземъ, — за побои, наносимые женщинѣ при нахождѣ на домѣ, — за псость господина со стороны его кмета и за надворе (46, 66, 68, 70, 155).
- 4) Осудъ въ 50 либровъ — за обыкновенныя раны на лицѣ или рукъ, за поврежденіе зуба или ушей (безъ глухоты), за побои женщинъ и за поднятіе руки или палки для боя на зборѣ и предъ княземъ (36, 43, 46, 66, 155).
- 5) Осудъ въ 25 либровъ (такъ назыв. *сиони осудъ*) — за раны въ мѣстахъ, покрытыхъ одеждой, за сваду, затачь, изнасилованіе блудницъ и за всякую новшину въ чужомъ имуществѣ (15, 33, 34, 36, 68, 176). Такая же пеня платится за неповиновеніе вѣчевымъ приговорамъ (94).
- 6) Осудъ въ 10 либровъ (*осудъ езични*) — за псость на зборѣ (68, 154).
- 7) Осудъ въ 5 либровъ — за маловажныя побои, раны и царапины, за псость, также за незаконную продажу съѣстныхъ припасовъ (35, 68, 212).

Исчисленныя пени уплачивались самымъ преступникомъ. *Дикая вира*, воплѣтъ известная Статуту, имѣла мѣсто главнымъ образомъ при платежѣ вражды, именно въ такихъ случаяхъ, когда самъ преступникъ скрывался или инымъ образомъ уклонялся отъ наказанія. Община платитъ виру по преступленіямъ, обложеннымъ не только враждой, но и смертной казнью (напр. по разбою и меусобищѣ). Платежъ дикой виры не снималъ ответственности съ преступника: пойманный послѣ платежа виры, онъ подвергался заслуженному наказанію (9, 14, 56 — 58, 65, 68).

Вражда и осудъ слѣдовали пополамъ оправданной сторонѣ и общинѣ или судьямъ. Подъ общиной иногда разумѣется вся Полица, иногда же отдѣльное село. Нѣкоторыя пени, напр. съ сельскаго лупежа, производившаго кражу въ огорождѣ, виноградникѣ или на нивѣ, дѣлились между селомъ, господой и обиженнымъ. Въ части, слѣдовавшей князю, имѣлъ опредѣленную долю ($\frac{1}{4}$ часть) общинный приставъ (9, 127, 151, 200, 257). Въ 153-й статьѣ, опредѣляющей общій порядокъ раздѣла всѣхъ пеней, вообще говорится, что одна половина осуди платится оправданной сторонѣ, другая — судьямъ, т. е. князю съ (заклетвенными) судцами, если дѣло судилось предъ ними, — судцамъ-ротникамъ, общинѣ (если судъ производился предъ зборомъ) и т. д.

IV. *Процессъ*. Полицкій Статутъ положительно противопоставляетъ частной (вѣйсудебной) расправѣ *правду и оправу*, которую «пятаю, уставляю и разгледаю» судьи по законамъ полицкимъ (6, 15, 16, 32, 143, 195 и пр.). Кромѣ многихъ случаевъ, указанныхъ нами выше, частная месть и расправа считалась кривдой, не допускаемой закономъ. Никто не могъ «самъ себѣ правде чинити». Статутъ отсылаетъ обиженнаго къ суду: «пони къ правди» Статута тождественно съ положеніемъ Душанова Законника — «да иже правдомъ по закону» (Зак. Душ. 127, 128). — Въ основѣ статутowychъ постановленій по судопроизводству лежатъ несомнѣнно старыя народныя обычаи и порядки. Подобно всѣмъ старославянскимъ законодательствамъ, Статутъ не устанавливаетъ большаго различія между процессомъ гражданскимъ и уголовнымъ, одинаково построеннымъ на *обвинительныхъ началахъ*. Процессъ Статута, какъ и Винодольскихъ Законовъ, отличается замѣчательной простотой и несложностью формъ. Нѣкоторыя особенности старославянскаго процесса, напр. ордалий, сводѣ и слѣдѣ, неизвѣстны Полицкому Статуту. Ничто не мѣшаетъ, впрочемъ, допустить, что эти учрежденія, встрѣчавшіяся въ старое время у южныхъ Славянъ (Законникъ Душановъ говоритъ напр. объ испытаніи водою и желѣзомъ, также о сводѣ, какъ объ изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ), были когда-то въ обычаѣ и у Поличанъ; быть можетъ, ихъ касался древнѣйшій, не дошедшій до насъ Статутъ. Въ Статутѣ XV вѣка сгладились старыя рѣзкія особенности процесса по отдѣльнымъ дѣламъ; напр., мѣсто ордалий заступила рота съ очистниками — учрежденіе, получившее въ Статутѣ самое широкое развитіе, безъ ограничений, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ, Законникѣ или Винодольскихъ Законахъ. — Мы рассмотримъ главнѣйшія постановленія Полицкаго Статута, относящіяся къ судопроизводству, скажемъ о сторонахъ, предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, доказательствахъ и постановленіяхъ судебныхъ приговоровъ. Вездѣ мы встрѣтимъ множество положеній, въ одинаковой мѣрѣ развитыхъ другими

славянскими законодательствами, — постановлений, несомненно коренящихся въ общеславянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

а) *Стороны*. Статутъ даетъ тяжущимся общее названіе «странъ» (125, 133, 144 и пр.). Истцомъ считается тотъ, «ки позива или пре, — ки добива правду, — кому е криво» (6, 7, 16, 132); отвѣтчикъ — «ови, кога позиваю, ки одговара, ки е кривъ, узреченъ», — вообще «кривацъ» (7, 15, 24, 158). Каждая сторона, въ отношеніи къ другой, называется «супроѣ» (противникъ), «супарижъ» (113) — *sapierz, súper*, супоръ и сутяжца другихъ славянскихъ памятниковъ. Подобнымъ образомъ старосербское право говоритъ вообще о парцахъ и странѣ, въ частности объ истцѣ — «ки се пре или зове на соудъ», объ отвѣтчикѣ — «кои е позванъ или сырѣшно»; истца означаетъ иногда отвѣтчика, а иногда и истца (Николитъ Спом. 13, 129. Пуцича Спом. 79. Mikl. Mon. 29, 411). По старочешскому и польскому праву *póvod* и *stosona powodowa* — истецъ, какъ *pohnány* (*otproviedac*) и *stosona winna* — отвѣтчикъ (Arch. I. 450, 460).

По вопросу о допущеніи отдѣльныхъ лицъ на судъ въ качествѣ истца и отвѣтчика, Статутъ выставляетъ слѣдующее основное правило: «правда се свакому има *еднако* дилити» (120), т. е. другими словами, предъ судомъ всѣ равны, — право судебной защиты одинаково для всѣхъ. Каждый племянъ, кметъ и лица другихъ состояній могутъ отыскивать свои права общимъ судебнымъ порядкомъ: «да га они могу позвати и прити прид кнезомъ, али прид суци, али прид сборомъ» (8). Все различіе людей записанныхъ отъ племянныхъ и редовниковъ заключалось въ томъ, что они, въ значеніи отвѣтчиковъ, подлежали прежде всего суду господскому, отъ котораго могли за тѣмъ обратиться къ правдѣ жупской (см. ниже, объ апеллици).

Статутъ говоритъ о судебномъ положеніи сиротъ, также отдѣльныхъ союзовъ (семей, задругъ и общинъ), рѣшительно въ духѣ всѣхъ славянскихъ законодательствъ.

Сироты, находящаяся въ «сиротинствѣ», только съ совершеннолѣтія (18 лѣтъ) вступаютъ въ общее положеніе по вопросу о судебной защитѣ. До того времени сиротъ «ниткоръ неморе с правдомъ поприти га али здвигнути нанъ нове парбе, кога би сиротинство затекло»; имъ предоставляется на волю — дать ходъ дѣлу, или отложить его до своего совершеннолѣтія (200). Почти буквально сходное правило развилъ чешское право. По закону Вацлава 1395 г., до возраста сиротъ никто не можетъ «*vdavati*» (Archiv. I. 58). Нѣсколько иначе говорится о томъ же предметѣ въ Душановомъ Законникѣ: «сирота, коя нѣсть яка прѣти или отпирати, да дае прѣца (уполномоченнаго), кои кѣ отпирати за ню» (62).

Задруга призывается Статутомъ на судъ, какъ юридическое лицо, владеющее племянщиной, и какъ союзъ, несущій судебную отвѣтственность за своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ господарь считается представителемъ цѣлаго союза, обязаннымъ являться на судъ по всякому позву, обращенному къ задругѣ (137). У Сербовъ время Душана на судъ являлся господарь дома или одинъ изъ братьевъ; позвы подавались обыкновенно на имя «старіега брата» (Душ. Зак. 56).

Интересныя указанія на судебное положеніе чешскихъ задругъ даютъ старые чешскіе сборники, въ особенности *Zrizeni zemske* 1500 г. *Knihá stareho pána z Rozenberka* говоритъ: если будетъ много истцовъ «*s jednoho chleba*», то они разсматриваются «*jakoby jeden pódvod*» (Archiv. I. 452). Въ качествѣ истца и отвѣтчика можетъ, по *Zrizeni*, являться отецъ съ *дѣтьми*; *rodove*, *prateli* и *spolecnici* посылаютъ отъ себя на судъ своихъ старшинъ, — *zpravca* (*rector*) имѣетъ въ этомъ случаѣ значеніе простаго уполномоченнаго со стороны своей задруги (*Zrizeni* §§. 61 — 63, 66).

Полицій Статутъ иногда призываетъ на судъ территориальную общину. Село и жупа выступаютъ обвинителями противъ татей и лихихъ людей: «кога наѣ село али жупа, да га придаду господи» (256, 257). Въ силу круговой поруки, община могла являться также отвѣтникомъ по дѣламъ своихъ провинившихся членовъ, — могла вмѣстѣ съ тѣмъ защищать на судѣ свои собственные права и интересы (по землевладѣнію и пр.). Такіе же порядки равно извѣстны сербскому, чешскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Законникъ Душановъ говоритъ о селахъ и околинахъ, несущихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебную отвѣтственность за отдѣльныхъ лицъ; общины являются также истцами и отвѣтчиками по взаимнымъ спорамъ «мею собомъ» (52, 68 и пр.). На такихъ же основаніяхъ старочешское право иногда призываетъ на судъ «*mesta a obce*» (*Zriz.* §§ 70, 71, 161, 162).

Стороны могутъ лично являться въ судъ, но могутъ и посылать вмѣсто себя уполномоченныхъ, подъ названіемъ *прокаратуровъ*, соответствующихъ сербскимъ и дубровницкимъ парцамъ, винодольскимъ одговоринкамъ (одветникамъ) или чешскимъ поручникамъ и речникамъ (*rogusnik, resnik*). Полицій Статутъ допускаетъ уполномоченныхъ по судебнымъ дѣламъ, въ особенности въ случаѣ болѣзни истца или отвѣтчика, или когда тяжущійся, явившись на судъ, покажетъ — «не умим сам говорити» (7 — 9, 15, 118).

б) *Предварительныя судебныя дѣйствія*. Въ Полпкомъ Статутѣ, подобно всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, дѣлается строгое различіе между двумя главными актами вчинанія процесса: поимкой преступника при лицѣ, на мѣстѣ преступленія, и тужбой — простымъ обвиненіемъ, безъ поимки подсудимаго при лицѣ.

Полицій Статутъ даетъ огромное процессуальное значеніе факту поимки преступника при лицѣ. Наказывая лицованнаго преступника безъ особеннаго изслѣдованія дѣла, Статутъ принимаетъ въ этомъ случаѣ за основаніе одно изъ главныхъ положеній славянскаго процесса — признаніе поимки при лицѣ полнымъ доказательствомъ вины преступника. Положеніе такое особенно ярко выступаетъ въ Статутѣ: запрещая самосудъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, онъ считаетъ его дозволительнымъ, когда преступника «стигао и ухитио *лицемъ*». Сюда относятся слѣдующія статьи:

«Ако ли е чловикъ, ки има господара, оному е правда, да неима човикъ сам себе плаћати и одвазети, него само ако би стигао и ухитио *лицемъ*, иди лужезъ негово води или носи, воланъ би свое вазети». «Ако ли би се крео отав,

гди годи га господарь *стише*, волянъ му е све вазети и нега свезати како неврна;
«Ере ли свакоѣако ако би се дупежъ *ушито у креи*, има се обисити»¹⁾.

Частная расправа допускается, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ людямъ зависимымъ, пойманнымъ при лицѣ. Лицованный преступникъ изъ племичей немедленно отводился предъ судей, которые безъ особеннаго изслѣдованія дѣла и присуждали виновнаго къ наказанію. Статутъ не говоритъ, чтобъ при этомъ необходима была предварительная оповѣдь лица сосѣдямъ (кличъ Винодольскихъ Законовъ). «Оповиданье» имѣетъ мѣсто только при открытіи какой либо škody со стороны животныхъ (87 — 90). Поймка при лицѣ вообще имѣетъ одинаковое значеніе во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ, — считалась «обличеніемъ» виновнаго; судебный приговоръ опирался на показанія истца, предъявлявшаго преступника съ полицнымъ сосѣдямъ или просто однимъ судьямъ (Ирѣчка Sl. рг. I. 183 — 185).

Если преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, то процессъ устанавлился путемъ *парны* или *тужбы*. Оба термина иногда обозначаютъ не больше, какъ синонимы, примѣняются къ гражданскимъ искамъ и уголовнымъ обвиненіямъ; иногда же подъ парной разумѣется одинъ искъ или тужба по гражданскимъ дѣламъ, какъ и подъ тужбой — собственно обвиненіе въ уголовномъ преступленіи лица, не пойманнаго при лицѣ (6, 8, 10, 15, 16, 69 и пр.). Въ послѣднемъ смыслѣ тужба Полицкаго Статута равнозначительна съ тужбой Душанова Законника и Винодольскихъ Законовъ, съ *нарокомъ* или *соченьемъ* чешскаго права и *поклепомъ* Правды. Значеніе тужбы имѣетъ, по Полицкому Статуту, также *узречене* и *узрѣ* (158, 159). Для дѣйствительности тужбы требуется, чтобъ она была «права». Кто «неправо тужно, узрекао (порекао), озлогласио, или зло урекао», и не докажетъ (не достигаетъ) поклепа, тотъ по общему правилу подлежитъ тому же наказанію, какое грозило обвиненному при дѣйствительности поклепа. Если въ данномъ случаѣ послѣдній подлежалъ смертной казни, то ложный обвинитель долженъ былъ отъ нее выкупиться (се искупити) уплатой полной вражды (69, 126, 127, 159). — Есть еще нѣсколько общихъ положеній, ближе опредѣляющихъ сущность парны и тужбы. Таковы положенія: разъ начатой искъ слѣдуетъ довести до конца (достигнути); до истечения одного дѣла (докде се онои прва правда несврши) нельзя поднимать новаго иска: «да ние подобно, да правда узреть гре, али да една парна другу смета». Статутъ дозволяетъ вчинять тужбу (уголовное обвиненіе) въ теченіи гражданского иска, если одна сторона въ это время совершила какое либо насиліе надъ другой (32). Наконецъ Статутъ положительно запрещаетъ «прити» по всякимъ дѣламъ по истеченіи земской давности, какъ и возобновлять парну, когда

¹⁾ Если воръ есть человекъ, живущій господина, то онъ подлежитъ суду, — никто не можетъ самъ собою требовать удовлетворенія и наказывать. Исключеніе представляетъ тотъ случай, когда (воръ) настигнутъ и пойманъ при лицѣ, когда онъ ведетъ или несетъ (воровскую вещь); тогда (обиженный) можетъ взять свое. — Если бы кто кралъ тамъ, гдѣ настигъ его хозяинъ, то (хозяинъ) можетъ взять у него все и связать его, какъ неврѣннаго (измѣнника). — Во всякомъ случаѣ, если воръ пойманъ на кражѣ, онъ подлежитъ повѣше-нію (58, 162, 190).

она пришла уже въ полное забвеніе, — «ако би се прва парна од толико давна врмена како у непомну запустила» (32, 114).

Изъ предварительныхъ судебныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ формальному суду, Полицкій Статутъ упоминаетъ объ оповѣди, осмотрѣ и позвѣ, опредѣляя сущность ихъ рѣшительно въ духѣ славянскаго права.

1) *Оповидъ* равнозначительна съ винодольскимъ указаніемъ, чешскимъ *opoved* (*opovidání*) и *nárok*, заповѣдью и закличемъ древняго русскаго права, поволаньемъ польскимъ и литовскимъ. Статутъ упоминаетъ объ оповѣди только въ статьяхъ о порчѣ чужихъ вещей, напр. о попашѣ, щетѣ и пр. Но нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла мѣсто въ процессѣ и по другимъ дѣламъ, въ особенности уголовнымъ. У всѣхъ Славянъ изстари было въ обычаѣ — въ случаѣ какой либо škody и преступленія немедленно заявлять о томъ общинѣ, звать сосѣдей на мѣсто škody, для предъявленія имъ объ учиненномъ преступленіи. Показанія сосѣдей принимались послѣ въ число главныхъ судебныхъ доказательствъ, на которыхъ опирался истецъ въ поклѣпѣ. Тотъ же обычай записанъ и Полицкимъ Статутомъ. Господарь поля или огорода, замѣтивъ у себя škodu, долженъ былъ «оповидити га придь свидочбѣмъ», или — «инимъ (т. е. стороннимъ людямъ, сосѣдямъ) усвидочити», и за тѣмъ искать удовлетворенія за škodu (87 — 90, 110, 161). Свидочба и ини, очевидно, соответствуютъ чешской *osadъ* и литовской *kopъ* — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (стороннихъ) людей, созванныхъ обиженнымъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и убыткахъ (Ирѣчка I. 182. II. 22).

2) *Разгледъ* — другой процессуальный актъ, слѣдовавшій за оповѣдью. Сущность его одна и таже съ чешскимъ *ohlédání* или *opatření* (Ирѣч. II. 233). Разгледъ означаетъ судебный осмотръ, составлявшій существенную часть, въ особенности уголовного процесса, до наступленія окончательнаго разбирательства дѣла со стороны судей. Для осмотра истецъ испрашивалъ у судьи пристава, который и отправлялся на мѣсто съ тяжущимися и добрыми людьми (осадой чешскаго права). Разгледъ полагался при имущественныхъ шкодахъ, особенно при тужбѣ объ увѣчь-яхъ, ранахъ и пр. Главная роль на разгледѣ принадлежала истцу, указывавшему — «вз чеса га пре», и добрымъ людямъ, производившимъ на разгледѣ въ особенности оцѣнку škody и убытковъ. При осмотрѣ ранъ добрые люди, въ качествѣ цинцевъ (оцѣнщиковъ) и свидокѣвъ, должны были «процинити» (промыслити, видѣти, разгледати, сагнути и примирити) раны по закону и обычаю, какъ и по своему усмотрѣнію и совѣсти (ничъ по закону и обычаю, ничъ по домисли и кушенци). Добрые люди опредѣляютъ: *зачъ е тои учинено и по чемъ, гди е и у комъ мисту*, — «ка е рана од кос жеща (жесточе), али луѣа (лютѣ), али од смрти сумненна (смертельна), али од кое се приме веѣе болести и тешкоѣе и траѣна, вола лика-рпе али шкоде, али паке гди се згоди, да се виде кости, али плуѣа (легкія), али можбани (мозгъ), али ине ствари од живота, — топ се све има сагнути и примирити» (36, 39, 40, 42, 61, 64). Подобнымъ образомъ, при тужбѣ въ изнасилованіи, слѣдуетъ предварительно «разабрати» — какъ учинено преступленіе, «по кои начинъ» и при какихъ обстоятельствахъ, — кто преступникъ и обиженная, какого «врсте, гласа и работе» (218). При попашѣ и другой щетѣ должно также «стимати»

тѣхъ *правъ* (доказательствахъ), которыя представляютъ сами стороны. Доказательства могутъ имѣть полную силу, могутъ считаться «вирднѣ, веровани, боли или подобни»; представивъ такія доказательства, тяжущійся «добывалъ себѣ правду». Сторона, которая не будетъ «справна и купна с правми своимъ», теряетъ правду. Великимъ правомъ считались письменные акты и показанія свидѣтелей — очевидцевъ и поротниковъ; улики считались малымъ правомъ, требовали еще подтвержденія другими доказательствами (119, 144 — 147, 230 и пр.). Статутъ говоритъ о слѣдующихъ родахъ судебныхъ доказательствъ: о письменныхъ актахъ, свидочбѣ, ротѣ, лицѣ и простыхъ уликахъ.

1) *Письменные акты (прави письмени)*. Мы уже сказали выше объ отдѣльныхъ родахъ актовъ. Здѣсь сдѣлаемъ замѣчаніе только о процессуальномъ значеніи листовъ, писемъ и другихъ актовъ и записей. Акты считаются въ Статутѣ полнымъ доказательствомъ, причисляются къ числу «вирднѣхъ и верованихъ правъ». Никто не въ правѣ представлять противъ листовъ другія доказательства, «неухиливъ прво и неразбивъ листа за *кривога*». На ряду съ законнымъ актомъ, всякое другое доказательство можетъ имѣть одну подкрѣпительную силу, или, какъ выражается Статутъ напр. о присягѣ, рота можетъ быть только «въ полагѣ листа, а не проти листу правому». Если тяжущіеся будутъ имѣть одинаковые акты, то ихъ нужно «видити и разгледати», — дѣло судей опредѣлить — какіе листы «боли и подобни и старѣи и с болімъ редом учинени и улизено ли по нихъ у *држанье*» (72, 83, 119, 124, 144, 145).

2) *Свидочба (свидочаство)*. Въ понятіе свидочбы входятъ показанія свидочковъ и поротниковъ.

Свидоки — простые свидѣтели — очевидцы, которые «видили очима» обстоятельства, требовавшія разбирательства на судѣ. Замѣчательно впрочемъ, что Статутъ далеко не съ такими подробностями говоритъ о свидѣтеляхъ, какъ это дѣлаютъ напр. Винодольскіе Законы. Объ обыкновенныхъ свидѣтеляхъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. о частныхъ сторонникахъ истца или отвѣтчика, въ Статутѣ нигдѣ ни слова. Свидоками, дающими свидочбу или свидочаство, въ немъ называются только *добрыя люди*, сосѣди, которымъ дѣлалась оповѣдь о преступленіяхъ и шкодахъ и которые также призывались для разгледѣи и цѣнки ошкеры, равъ и пр. Въ значеніи такихъ же свидочковъ являются въ Статутѣ и приставы: предъ судьями они производили свидочаство, по приглашенію сторонъ давали показанія по каждому дѣлу въ значеніи тѣхъ же добрыхъ людей и свидѣтелей (8, 39, 61, 110, 123, 124, 144, 161, 230). Такимъ образомъ, Полицкій Статутъ вполне удерживаетъ воззрѣніе на свидѣтелей, какъ на судебныхъ органовъ, — воззрѣніе, вообще лежавшее въ основѣ ученія славянскаго права о свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ болшей или меньшей степени развитое во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ.

Гораздо подробнѣе говорится о другомъ родѣ свидѣтелей, называвшихся *поротниками* (иногда *поротою*, *поротемъ*, *луди* и *човики*) и соотвѣтствовавшихъ чешскимъ помочникамъ и очистникамъ (10, 11, 22, 146 и пр.). Существенное отличіе поротниковъ отъ свидочковъ состояло въ томъ, что они не были очевидцами,

не касались никакихъ обстоятельствъ суднаго дѣла, но, подобно очистникамъ другихъ законодательствъ, присягали вмѣстѣ съ сторонами, подкрѣпляли ихъ присягу, утверждая этимъ справедливость тужбы истца или очищая своимъ словомъ невинность обвиненнаго. Частіе, — назначеніе поротниковъ полицкихъ состояло въ присяжныхъ показаніяхъ на судѣ по вопросу о личности сторонъ: подобно чешскимъ очистникамъ, утверждавшимъ «*dobru aneb zlu povest*» сторонъ, поротники могли показать противъ подсудимаго, «да ние *честань* ни *вистань*» (158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ истца.

Ученіе Статута о поротникахъ не представляетъ такихъ ограниченій, какія установлены напр. Русской Правдой и Винодольскими Законами. По всему видно, что Статутъ излагаетъ ученіе о поротникахъ въ томъ первичномъ его видѣ и тѣхъ формахъ, въ какихъ оно въ старое время развивалось въ правѣ всѣхъ Славянъ. Поротники допускаются по всѣмъ возможнымъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ — по крови, татбѣ, личнымъ обидамъ, по спорамъ и тяжбамъ изъ-за племенщинъ и движимыхъ вещей, по долгамъ и всякимъ другимъ стварямъ (10, 11, 22, 150). Поротники не имѣютъ мѣста — по уголовнымъ дѣламъ, когда преступникъ пойманъ при лицѣ, а по дѣламъ гражданскимъ, когда представлены положительные доказательства, въ особенности листы, не признанные «кривыми». При неявкѣ отвѣтчика на позовъ, истецъ вообще не имѣлъ надобности представлять другихъ доказательствъ, кромѣ однихъ поротниковъ (10, 144).

Въ качествѣ поротниковъ могутъ быть призваны на судѣ *луди, човики* — стороннія лица, тѣже добрые люди, которые, какъ выражается точнѣе Статутъ, «ниѣ од его (истца или отвѣтчика) кући али приѣтеѣлѣ» (11), не находятся въ близкихъ или пріятельскихъ связяхъ съ сторонами. Такое же положеніе вполне извѣстно чешскому праву: *Zrizeni* допускаетъ въ очистники тоже только лицъ, не жившихъ съ сторонами въ одной семьѣ и задругѣ и не бывшихъ у нихъ въ числѣ служебниковъ (*Zriz. §§ 36 и 279*). Съ другой стороны, поротниками, какъ и добрыми людьми, могли быть въ Полицѣ только дѣйствительные *члены общины*; на этомъ основаніи Статутъ положительно запрещаетъ, въ дѣлахъ между полицанами, призывать поротниковъ изъ изванскихъ (22).

Число поротниковъ было различно, соразмѣрялось съ важностью дѣла, по которымъ они призывались въ судѣ. По убійству или кражѣ домашней (изподъ прага) рота производилась самъ — 12-ть; по полесвой татбѣ призывалась порота «самшестъ». По маловажнымъ дѣламъ считались достаточными три и даже одинъ поротникъ (4, 146).

Лица, призванныя поротниками, собирались вмѣстѣ съ сторонами на «парномъ мисту», назначенномъ для пороты. Здѣсь, какъ говоритъ Статутъ, «една страна води поротнике, а друга носи *моѣи* с пристави и заклетвомъ», или по другой статьѣ — «ови, ки носи *моѣи*, има ихъ дати приставу, ки закина» (147, 149). Майковъ видитъ здѣсь тотъ случай пороты, когда поротниковъ представляетъ только одна сторона, а другая приноситъ съ собой свои «моѣи», т. е. документы, подлинность которыхъ подтверждается клятвенно приставомъ (Судъ присяжн., стр. 51). Толкованіе Майкова намъ кажется рѣшительно произвольнымъ. Дѣйствительно,

въ приведенныхъ статьяхъ говорится о поротникахъ, «водимыхъ» одной стороной; но моѣи и заклетву нельзя объяснить такъ, какъ объясняетъ Майковъ. У него дѣло представляется какъ-то странно: одна сторона приносила документы, а другая приводила поротниковъ, — для судей, значитъ, предстоялъ выборъ — признать ли правую сторону съ документами, или сторону съ поротниками. Ничего подобнаго не могло быть въ дѣйствительности. Мы видѣли, въ какія отношенія ставитъ Статутъ «письмени правн» къ другимъ доказательствамъ, въ особенности къ ротѣ (слѣдов. и къ поротникамъ): противъ актовъ никто не могъ выставить пороту и вообще опровергать акты можно было только актами. Дѣло въ томъ, что Майковъ не понималъ смысла статутныхъ статей о поротникахъ. Статутъ развиваетъ въ нихъ одну изъ деталей института поротниковъ, показываетъ, въ какихъ формахъ и съ какими обрядами производилась порота. Моѣи, очевидно, не документы, выставленные одной стороной противъ поротниковъ другой. Порота вовсе не имѣла мѣста при документахъ противной стороны; значитъ, въ моѣяхъ нужно видѣть не документы, а нѣчто иное. Моѣи упоминаются, не только въ Полицкомъ Статутѣ, но и въ старыхъ сербскихъ грамотахъ. Въ одной грамотѣ 1400 г. говорится объ обычаѣ «ставить роту на моѣхъ». Сербскіе краи имѣли привычку — при всякомъ пожалованіи имѣній частнымъ лицамъ испрашивать у мѣстныхъ жителей (осидниковъ) удостовѣреніе о принадлежности земель краю, — удостовѣреніе такое и утверждалось ротою на моѣхъ (Miklos. Mon. 248). Порядокъ исполненія такой роты и опредѣляется Полицкимъ Статутомъ въ приведенныхъ выше статьяхъ. Обрядъ пороты начинался тѣмъ, что стороны и поротники съ приставомъ являлись на мѣсто роты; здѣсь одна сторона «води» поротниковъ, другая «носи» моѣи. Когда наступало время роты, тогда моѣи, принесенныя сторонами, передавались приставу, который и заклиналъ поротниковъ, т. е. тѣхъ, кто становился на роту (присягу). Въ моѣхъ, на которыхъ ставилась рота, очевидно нужно видѣть не больше, какъ одну изъ обрядовыхъ принадлежностей пороты, равнозначительной въ этомъ случаѣ съ стариннымъ русскимъ цѣлованьемъ (собственно крестоположеніемъ). Лучшее объясненіе полицкихъ моѣй можно находить въ книгѣ Винодольскихъ Законовъ и въ крестоположеніи Псковской судной грамоты. Винодольскіе поротники, какъ мы видѣли, давали клятвенныя показанія, въ присутствіи дворскаго челоуѣка (пристава Полицкаго Статута), касаясь рукой книги (евангелія). Въ Псковѣ также извѣстенъ былъ очень сходный обычай — крестное цѣлованье или крестоположеніе: спорная вещь полагалась у креста, предъ которымъ ротившіеся и произносили свою клятву. Въ такомъ же смыслѣ мы объясняемъ и полицкую пороту съ моѣями. Въ моѣхъ нужно видѣть книгу, крестъ, или, что еще вѣроятнѣе, мощи или иной священный предметъ, предъ которымъ присягали поротники.

Заклетва также не означаетъ клятвеннаго подтвержденія приставомъ подлинности документовъ, какъ думаетъ Майковъ. Значеніе заклетвы, какъ нельзя лучше, объясняется слѣдующимъ весьма интереснымъ мѣстомъ одной сербской грамоты 1325 г.: по случаю спора о принадлежности земли между игуменомъ Авонской Горы и братьями Гардамилами, краи порѣшилъ: «да поведу 12 старинникъ жуплянъ достоверныхъ члоуѣкъ, да се заклъну страшнымъ заклетіемъ». И посла крадествомъ (говоритъ грамота) Градслава Воишика пристава и придоше старинници на медиу (межу) и закле изъ пристава тако: «да нѣсте проклетѣи од Господа

Бога и пречистіе Матере Божіе и ваши домове и дѣтца ваша, како не кете криво, куде е медиа». И они се заклеше страшнымъ заклетіемъ вспъ единомъ и указаше медиу (Мацѣйов. Historia. VI. 407). Заклетва Полицкаго Статута означаетъ собственно форму присяги (роты), произносившейся поротниками. Ихъ заклиналъ предъ моѣями приставъ, какъ ясно говорятъ 147 и 149 статьи Статута. По заклетвѣ ротился, давалъ присягу *воика* (воѣка), т. е. сторона, которая «води» поротниковъ (вожакъ — тотъ, кто ведетъ пороту); за нимъ присягали и всѣ поротники. Дѣло рѣшалось, смотря по тому, какъ исполнена присяга, т. е. согласно ли съ заклетвой пристава, «натаклили по заклетви у правъ», или нѣтъ (149).

Полицкій Статутъ записалъ еще другую, весьма оригинальную подробность, объясняющую юридическое значеніе поротниковъ. Въ только что рассмотрѣнныхъ статьяхъ трактуется о поротѣ одной стороны. Но Статутъ допускаетъ также *обоюдную пороту* тяжущихся, даетъ въ одно и тоже время истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться, т. е. очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклада. Пороту одной стороны можно было «узврути, вратити»; т. е. если напр. истецъ представилъ шесть поротниковъ и присягнулъ съ ними, то иногда дозволялось и отвѣтчику обратиться къ своимъ поротникамъ, своей поротой какъ бы возвращая пороту истца, дѣлая ее недействительной. Статутъ не во всѣхъ случаяхъ допускаетъ обоюдную пороту. Возвращать роту вообще запрещается въ дѣлахъ по татѣбѣ: «И неморе се из покреѣе рота узврути. И лупежъ, ки би приа поротнике (представленныхъ истцомъ), ние законъ, да море узврути роту ниткоре изъ лупешине» (10, 160). Можетъ быть, обоюдная порота не допускалась также по убійству и другимъ болѣе тяжкимъ преступленіямъ; но объ этомъ нѣтъ нигдѣ ясныхъ указаній. Въ случаяхъ, когда допускалась обоюдная порота, она считалась дѣйствительной только тогда, когда давалась въ слѣдъ за поротой противника: «тко неврати роте на парномъ (првомъ) мѣсту, послѣ неморе вратити по закону» (10). Кромѣ того, самымъ сторонамъ дозволялось отказаться отъ своего права обоюдной пороты, говоря одинъ другому: «возми себи роту или ю мени пусти» (145, 149). Во всѣхъ случаяхъ, когда не имѣла мѣста обоюдная порота, дѣло рѣшалось по односторонней присягѣ той или другой стороны съ поротниками. Напротивъ, вопросъ усложнялся при допущеніи пороты обоюдной. Статутъ упоминаетъ о ней въ двухъ мѣстахъ. Въ искахъ вещныхъ (из блага) истецъ можетъ отприсягнуть самъ-шестъ, а если рота опять возвращена, то истецъ присягаетъ самъ-третъ (11). Еще болѣе сложнымъ представлено дѣло въ другой статьѣ — о поротникахъ процесса по племенщинамъ. Если одна сторона присягнетъ съ 12-ю поротниками, то другая можетъ воротить роту, т. е. тотчасъ же присягнуть съ столькими же поротниками; первая сторона опять должна присягать, но уже съ «половицомъ» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ половицомъ — самтретъ; при новомъ возвратѣ — самдругъ. И эта порота можетъ быть возвращена; тогда первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «виromъ рѣни, т. е. произнести обыкновенную божьбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое сдѣлаетъ противникъ, то дѣло рѣшалось «простомъ ричью» первой стороны (146).

Порота соединялась съ соблюденіемъ различныхъ формальностей присяги.

Дѣло рѣшалось въ пользу того, кто съ поротниками исполнялъ присягу по заклетвѣ правильно: «ако ли-присегу сви, и вонка и поротници, по заклетви у правъ, тои е тая правда добита». И наоборотъ — дѣло считалось проиграннымъ, если не только всѣ, но и даже одинъ поротникъ не присягнулъ, или хотя бы и присягнулъ, но съ ошибками, вообще не согласно съ заклетвою пристава (149). Въ другомъ мѣстѣ просто говорится, что тотъ теряетъ дѣло, кто не «одстои» наложенной на него пороты, особенно если заклетва обнаружитъ, что онъ «нис честанъ ни вистанъ» (158, 159). Замѣтимъ въ заключеніе, что показанія поротниковъ имѣли огромное процессуальное значеніе. Кто согласился на пороту и результаты ея оказались въ пользу противной стороны, тотъ не могъ больше прибѣгать къ помощи никакихъ другихъ доказательствъ, — дѣло рѣшалось въ пользу его противника. Еще больше: подобно приговору присяжныхъ судей, приговоръ, основанный на показаніяхъ свидѣтелей — поротниковъ, считается въ Полицкомъ Статутѣ окончательнымъ. Дѣла съ поротниками, разъ оконченные, не подлежали новому перевершенію, путемъ апелляціоннаго переноса ихъ въ другую судебную инстанцію, — приговоры по такимъ дѣламъ немедленно приводились въ исполненіе. Все это, какъ нельзя больше, вытекаетъ изъ слѣдующаго положенія Статута: «када из чеса ѣур приме поротнике, ли неморе се апелати» (236). Такимъ образомъ, о полицкихъ поротникахъ мы должны повторить сказанное нами выше о поротникахъ винодолскихъ: безапелляціонно осуждая или оправдывая подсудимаго, они сближались съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ не сторонниками тяжущихся, но добрыми людьми, игравшими роль очень важныхъ судебныхъ органовъ. Осужденіе и оправданіе поротниковъ—свидѣтелей существенно разнилось отъ приговора поротниковъ—судей лишь тѣмъ, что первые не касались вовсе даннаго дѣла, подлежащаго судебному разбирательству, давали свидѣтельскія показанія лишь о личности сторонъ, утверждая «dobru aneb zlu povest» ихъ (ни честанъ ни вистанъ), — поротники судьи, напротивъ, вникали въ самое существо суднаго дѣла, указывали на правоту или виновность подсудимаго въ каждомъ данномъ случаѣ.

3) *Рота*. Полицкій Статутъ раздѣляетъ присягу на подтвердительную, дававшую истцомъ въ подкрѣпленіе своей парны или тужбы, и на очистительную, посредствомъ которой обвиненный свергалъ съ себя тужбу, очищая свою невинность. Въ обоихъ случаяхъ рота могла производиться съ поротниками и безъ нихъ. Полную доказательную силу имѣла рота, когда не было другихъ положительныхъ доказательствъ, въ особенности письменныхъ актовъ. Кромѣ того, рота могла имѣть значеніе вспомогательнаго доказательства, допускалась напр. въ подтвержденіе листовъ, если они не считались «задовольни», не вполне удовлетворяли требованіямъ полныхъ доказательствъ. Статутъ, какъ мы видѣли, допускаетъ роту обоюдную и одностороннюю. Последняя имѣла мѣсто въ такомъ случаѣ, когда на предложеніе одной стороны: «возьми дѣло себѣ на роту (на душу по сербскимъ грамотамъ), или пусти ее мнѣ», соглашалась другая, — дѣло въ такомъ случаѣ рѣшалось по одной присягѣ последней стороны. Наконецъ, тяжущіеся могли вовсе отказаться отъ роты, ограничиваясь другими доказательствами или просто показаніями по совѣсти (144, 115, 149, 159, 230).

4) *Лицо и улики*. Лицо, какъ мы уже замѣчали, считалось вполне рѣшитель-

нымъ доказательствомъ, явно изблѣчившимъ виновность пойманнаго при лицѣ, на мѣстѣ преступленія. Отъ лица отличались простыя улики — знаки отъ побоевъ, раны, поличное (покреѣа) и пр. При уликахъ необходимы были еще другія доказательства. Статутъ вообще требуетъ оповѣди и разгледу поличнаго со стороны добрыхъ людей и свидѣтелей (см. выше).

d) *Судебный приговоръ*. Статутъ даетъ нѣсколько указаній на порядокъ судебныхъ приговоровъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ.

Говорене — судововореніе, словесное препирательство тяжущихся предъ судьями. Говорене состояло въ томъ, что истецъ предъявлялъ свой искъ, на который давала отвѣтъ противная сторона, — истцу предоставлялось право *говорити* противъ отвѣтчика, а этотъ долженъ былъ ему *одговарати*. Судововоренія начинались тотчасъ послѣ явки сторонъ на судъ. На спросъ позваннаго: «ча е и гди е тои, из чеса на ме говоришь», истецъ долженъ былъ «повидити, из чеса говори». Путемъ такихъ переговоровъ стороны «улизу у парну». Порядокъ судововореній Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Явившись на судъ, стороны должны «еданъ другому одговарати, сваки отимаюћи и отежући прави (доказательства) свое. Ови, ки пита (истецъ), говори: држишь мое, али моихъ првихъ, ча пристои мене, хотио бихъ е правдом да би била мени моя племенщина: а ови, ки држи, тои одговара: паче ѣа држим племенщину мою и моихъ старѣхъ, кою сам имно и држао од вика, али говоре: да сам купно али изворно законом вуковичним, а не држим ни посидум твога ни твоихъ првихъ, недан бог!» (7, 118, 134, 144). Стороны «допирали» предъ судомъ одна другую доказательствами, представлявшими въ подтвержденіе или отрицаніе показаній сторонъ. Дѣтельность судей, присутствовавшихъ при говореніи и допираніи сторонъ, состояла въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ (питаю и разгледаю) доказательствъ обѣихъ сторонъ и въ постановленіи *одлуки, сентенцији* (судебнаго приговора). Статутъ ни слова не говоритъ, какъ постановлялась одлука. Видно только, что въ своей одлукѣ судьи объявляли подсудимаго оправданнымъ или виновнымъ (правъ или кривъ) и подвергали его соотвѣстному наказанію. Сторона, оправданная по суду, «добуде или достигне правду»; кто на судѣ «не одстои, не допре», тотъ считается кривымъ, губить правду (5, 13, 15, 72, 94, 130, 134, 159).

Одлука судей выдавалась оправданной сторонѣ. Противникъ долженъ былъ исполнить (напунити и извршити) приговоръ (13, 238). Исполненіе приговора (*напачиванье*) зависѣло прежде всего отъ уговора (чешская *umluva*) сторонъ. Если уговоръ не состоялся, то оправданная сторона могла обратиться къ принудительнымъ мѣрамъ (129, 130, 134), могла испросить у судьи пристава, который и принуждалъ отвѣтчика къ исполненію приговора. *Закладъ* былъ главной мѣрой исполненія одлукъ и вообще соответствовалъ чешскому *vzvodu* и *panovanju* или польскому *zukladu*. До окончательнаго удовлетворенія истца, имущество (движимое, а при его недостаткѣ — и племенщина) отвѣтчика отбывалось и отдавалось во владѣніе истца; съ истеченіемъ срока закладъ обращался въ полную его собственность. Статутъ допускаетъ также со стороны виновнаго *одбой* — открытое сопротивленіе пристава, отряженному судомъ для исполненія приговора. Въ этомъ случаѣ виновный платитъ штрафъ (осудъ одбойни); кромѣ того, въ помощь при-

ставу отражается воевода съ товариществомъ (дружествомъ). Иногда противъ сопротивлявшейся стороны выходила вся община, которой дозволялось грабить провинившагося, даже развалили и сжечь его домъ (130, 134, 139 — 141, 247, 248, 256 и пр.). Участіе воеводы и общины въ исполненіи судебныхъ приговоровъ вполне сходно съ повѣтовымъ возмущеніемъ старопольскаго процесса, установившимся при явномъ упорствѣ ответчика и состоявшимъ въ грабежѣ его имущества, съ цѣлью принудить его къ удовлетворенію судебного приговора. Подобныя же принудительныя мѣры были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. По старосербскимъ памятникамъ, кромѣ грабежа, дозволялось лишать свободы (связати и држати) провинившагося, пока онъ не удовлетворитъ истца (Николитч. Спом. 128).

Приговоръ приводился въ исполненіе, коль скоро стороны не заявляли суду о своемъ недовольствѣ приговоромъ. Сторона, считавшая приговоръ не правымъ (ако би му ча криво или неподобно учинио, -- ако му ние задовољно напуни правду учинио), могла объявить судьямъ, что ихъ одлука «не угодна, не би кунтентао». Въ такихъ случаяхъ Статутъ допускаетъ апелляцію (*апела, апео*), переносъ дѣла къ другимъ судьямъ для новаго его перевершенія. Въ Статутѣ находимъ слѣдующія правила объ апелляціи. «Здвигнути я апелати» предъ другихъ судей можно только послѣ постановленія приговора. Апелляція считается недействительной, если пропущенъ апелляціонный срокъ (мѣсячный, со дня постановленія приговора). Нельзя апеллировать «из силе али эле воле». Общинный прокаратуръ не можетъ апеллировать безъ общины, т. е. не представивъ «самостест луди», подтверждающихъ справедливость апелляціи. Апела не имѣетъ мѣста въ процессѣ по лупещинѣ, а по другимъ дѣламъ, когда приняты были свидѣтели — поротники. Подложные кметы пользуются правомъ апелляціи отъ господскаго суда не иначе, какъ послѣ выхода отъ господина. Апеллировать дозволяется отъ суда княжаго и вѣчеваго; но нѣтъ и намека на возможность апелляціи отъ судей — ротниковъ. Отъ збора идетъ апелляція на другой зборъ, также къ князю или къ судьямъ — ротникамъ; точно также отъ суда княжаго можно переносить дѣла предъ ротниковъ или на зборъ, а въ нуждѣ и къ князю сплитскому (5, 13, 16, 121, 122, 237 — 240).

* * *

Сочиненіе мое въ большей части своей было уже отпечатано, когда я получилъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ сочиненій по хорватской исторіи и литературѣ. Нѣсколько данныхъ относительно стараго хорватскаго права, сообщаемыхъ въ особенности въ сочиненіи S. Ljubic'a *Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske* (Riecki. 1864), я изложу здѣсь въ видѣ дополненія къ общему обзору хорватскихъ памятниковъ. Кромѣ того, глубокий знатокъ славянской старины, профессоръ В. И. Григоровичъ дозволилъ мнѣ помѣстить въ своемъ сочиненіи сообщенныя имъ указанія и замѣтки о значеніи нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ и терминовъ, встрѣченныхъ имъ въ Винодолскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ.

Говоря на 5-й стр. (по Ранчу) о книгѣ законовъ Сильвестра, я слѣдовалъ показаніямъ одного изъ мѣстныхъ знатоковъ южнославянскаго права, именно Крстича,

который, въ своемъ обзорѣ старосербскаго права, считаетъ вполне достовѣрнымъ извѣстіе Ранча о древнѣйшемъ сборникѣ хорватскихъ законовъ, составленномъ при Сильвестрѣ. Между тѣмъ, Шварцъ, въ своей исторіи Хорватовъ (*Iv. Svar, Ogledalo Iliruma, iliti dogodovstina Ilirah, Slavinah, straznji put Horvatah zvanih. I — IV. U Zagrebu. 1839 — 42*), перечисляя старыхъ хорватскихъ князей, нигдѣ ни слова не говоритъ ни о какомъ Сильвестрѣ. Обстоятельство это, впрочемъ, нисколько не можетъ служить опроверженіемъ сказаннаго мной о сборникѣ или книгѣ законовъ X вѣка. Дѣйствительное существованіе этого памятника, къ сожалѣнію не дошедшаго до нашего времени, вполне подтверждается показаніями стараго хорватскаго лѣтописца (*metodios*). Кромѣ указаній памятниковъ IX и X вѣковъ на древнѣйшіе хорватскіе законы и статуты (*leges, statula et privilegia*), Любичъ приводитъ изъ хорватскаго лѣтописца очень любопытное извѣстіе о томъ, что «na saboru hlievanskom mnoge dobre zakone postavise, ke bi mnogo govoriti, da ako tko hoće napuno znati naredbu, ku ucinise... vazmi knjige, ke pri Hrvatih ostase i pri njih se nahode» (Ljubic *Ogledalo*, 104; ср. 114). Это извѣстіе относитъ Любичъ къ концу IX вѣка, именно времени Мутимира.

Любичъ, далѣе, касается позднѣйшихъ уставовъ хорватскихъ. Кромѣ сборниковъ, указанныхъ мной въ введеніи, ему извѣстны еще слѣдующіе статуты далматскаго Приморья:

Statuta Civitatis Fluminis.

Statuta Civitatis et insulae Vegliae.

Statuto di Cherso et Ossero.

Statuta Civitatis Arbae.

Statuta Civitatis Scardonae.

Statuta Civitatis Budae.

Statuta Tersacensis.

Кромѣ Статутовъ Cherso, отпечатанныхъ въ Венеціи въ 1640 г., остальные доселѣ хранятся въ городскихъ архивахъ и частныхъ библіотекахъ. Составленные на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ въ теченіи XIII и XIV столѣтій, они по словамъ Любича имѣютъ въ основѣ своей по большей части славянскіе источники.

Винодолскимъ Законамъ посвящаетъ авторъ нѣсколько общихъ замѣтокъ. По словамъ Любича, этотъ памятникъ составленъ старѣйшими Винодола и особенно важенъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о демократическомъ духѣ винодолскихъ князей и о силѣ и свободѣ общины. Вліяніе общины простиралось въ значительной степени даже на церковь и духовенство (католическое) и, что не менѣе замѣчательно, отражалось въ общинномъ устройствѣ рода Франгепановъ — старыхъ народныхъ князей, жившихъ по народному обычаю въ задругѣ, на манеръ всякихъ частныхъ лицъ. Члены задруги носили общее названіе князей (*knezi*) и, въ качествѣ обыкновенныхъ задругарей, подчинялись старшему князю, управлявшему своей задругой въ значеніи ея старшины (*domasina*). Владѣтельныя права и частное имущество Франгепановъ находились въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи княжеской задруги. На такихъ же основаніяхъ Франгепаны владѣли со второй половины XIII вѣка Винодоломъ, Кркомъ и другими хорватскими землями. Замѣтимъ

кстати, что задружные порядки вообще были въ обычай во всѣхъ слояхъ хорватскаго народа. Даже дворъ старыхъ хорватскихъ кралей (напр. Крезимира Великаго) устроился по образцу простой задруги: дворскій *ded* или *djad*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ общее значеніе задружнаго старосты, *domasina*. Указанія на подобные же порядки можно найти и у другихъ Славянъ.

Наконецъ, Любичъ говоритъ о государственномъ устройствѣ хорватской земли до подчиненія ея Коломану, опредѣляетъ значеніе и устройство задругъ, общинъ, жупъ (жупаній) и наконецъ цѣлой хорватской земли. Задруга устроилась вообще по типу общины (территориальной). *Domacin* — задружный старшина — избирался задругой на томъ же основаніи, какъ и община избирала своего старшину. Жупа — союзъ нѣсколькихъ общинъ, съ однимъ общимъ главой (жупаномъ). Во главѣ цѣлой земли стоялъ великій жупанъ, князь, позже король.

Великіе жупаны и крали избирались народомъ на общихъ вѣчахъ. При Крезимирѣ Великомъ утвердилось начало наслѣдованія королевской власти. Наслѣдникъ назывался *svietli vojvoda* (*dux illustris*). Дворъ хорватскаго князя состоялъ изъ нѣсколькихъ чиновъ, отправлявшихъ при князѣ различныя должности. При Мутимирѣ (въ концѣ IX вѣка) въ составъ двора входили слѣдующія лица: *dvorski zupan* (*Palatii Jupanus* или *Palatinus*, *dvornik* или *nadvornik*) — княжескій намѣстникъ; *Capellanus Ducis*, отправлявшій также должность княжого дьяка (*cancellar*); *posteljniak dvorski* (*camerarius* или *cubicularius regis*); *peharnik* (*pincenarius jupanus*); *konjusnik* (*cavallarius jupanus*); *buzdovanar* или *buzdovnik*, мечникъ (*maccecharius jupanus*); *oružanik* или *stitionosa* (*armiger jupanus*); *nadzornik manastira* (*superpositus monasteriis*). Позже дворъ усложняется. При Крезимирѣ Великомъ старшій дворскій жупанъ назывался *dvorski knez* или *udvornik* (*curialis comes* или *comes curiae regiae*). За тѣмъ слѣдовали: *dvorski sudac* (*regalis curiae judex* или *causidicus regis*) — главный органъ королевскаго суда; *dvorski biskup* (*regalis episcopus*), отправлявшій также должность канцлера (*aulae regiae cancellarius*), ему подчинялись, какъ епископу, — *dvorski zupnici* (*sacellarii regio sacello praepositi*) и *kapelani*, а какъ канцлеру — *biljeznici* (*notarii*) и *pisari* (*scribae*). Четвертое мѣсто занималъ *dvorski ded* или *djad*, *naddvornik* (*majordomus*, *starosta*). Низшія должности при дворѣ занимали постельники, конюшіе, щитоноши и проч. Дворскіе чины составляли княжій совѣтъ и сопутствовали князю во время его разъѣздовъ по землѣ.

Власть княжеская была ограничена народной сходкой. Въ концѣ IX вѣка сходки раздѣлялись на *državno vijeće* и *sabor* (*narodna skupština*). Сходки перваго рода составляли жупаны, которые въ присутствіи князя рѣшали обыкновенныя государственныя дѣла. Болѣе важныя дѣла представлялись на соборъ, составлявшійся не изъ однихъ вельможъ (*velikasi*), но изъ всего народа (*ruk*). На такихъ соборахъ Хорваты избирали князей, бановъ и жупановъ; здѣсь рѣшались дѣла о войнѣ и мирѣ, составлялись законы для всей земли хорватской, разрѣшались важнѣйшія судебныя дѣла и пр. Вообще въ компетенцію собора входило все, что касалось интересовъ цѣлой земли. Въ такомъ значеніи хорватскія вѣча удерживались и позже; *congregationes* XIII и слѣдующихъ вѣковъ цѣлкомъ коренятся въ старыхъ вѣчахъ и соборахъ.

Въ областяхъ — жупахъ и общинахъ, были свои отдѣльныя сходки (жупскія, градскія и обкинскія или сельскія), на которыхъ разсматривались и рѣшались дѣла, касавшіяся жупъ, градовъ и общинъ. Къ областнымъ старшинамъ относились: баны, жупаны, сатники и общинные старѣйшины. По грамотамъ временъ Крезимира В., банъ считается послѣ короля первымъ областнымъ главой, дѣйствуетъ въ значеніи его намѣстника. Жупаны — старшины отдѣльныхъ жупъ; имъ подчинялись *podzupani*, *satnici* и другія должностныя лица. Жупаны управляли своими жупами вообще свободно, подчинялись только народу и королю, какъ общему народному главѣ. Главной обязанностью жупановъ было отправленіе суда. Дѣла и споры меньшей важности подлежали суду общинныхъ старѣйшинъ (*obcinski staresina*). Судъ присяжныхъ (порота), по словамъ Любича, былъ «*najdragocieniji biser javnosti i sudbenosti hrvatske*».

Указанія на внутренній бытъ Хорватовъ въ различныя эпохи исторической ихъ жизни можно находить, кромѣ сочиненій, перечисленныхъ мной въ введеніи, еще въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ по хорватской исторіи и литературѣ, которыя я привожу здѣсь въ добавленіе къ сдѣланному мной перечню: *Kalancsich, De Istro* (Budae 1798.; *Carrara, Chiesa di Spalato* (Spalato 1844); *Fabianich, Memorie storico-letterarie di alcuni conventi della Dalmacia* (Ven. 1845); *Eucic, Razgovor ugodni naroda Slovinskoga* (u Becu, 1836); *Katon, Historia critica regum hungariae stirpis Arpadianae* (I — VI. Budae. 1778 — 82).

Закончу свои добавочныя замѣтки объясненіемъ нѣкоторыхъ терминовъ, встречающихся въ Винодолскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ замѣчаніями, сообщенными мнѣ В. И. Григоровичемъ. «Улетн блюени» (въ введеніи къ Винодолскимъ Законамъ) значить *облегчить блюденіе*. «Архипрвад» (тамъ-же) — *Archipresbyter*. «Вернез» (1 ст. Вин. Зак.) — *Währung*. «Боланач» (ib.) — *boloneso, moneta*. «Нере гда он сам пошле» (3 ст.), — *koida on sam* (епископъ) *совершаема обряды*, «послюеть» (священнодѣйствуетъ). «Перман» (5 ст.) — отъ *ferma, la condotta per far servigi, — parlandosi di soldati engagement, enrôlement*. «Мошуне» (10 ст.) — *мошья, мошенничество*. «Стихъ редн» (16 ст.) — *stigma* (помазаніе, знакъ), *ordinis*. «Бусовитъ» (25 ст.) — у Гундуляча *busiti — scovare, aufscheuchen, busone la trompela*; Бусовитъ Винодолскихъ Законовъ — *бурить, герольдъ* (ср. Слово о плѣку Игоря, изд. Тихонравова — бусово, бусови). «Ляча» (39 ст.) — *denunciatio publica*. «Ключаръ» (42 ст.) — *Beschlusser* (гадатель?). «Конобъ» (ibid) — ср. слѣд. мѣсто мнѣн. Новгородской Софійской библіотеки, л. 13: «Конобныхъ варени и прѣстомъ оутятне и свѣштнихъ опаление терпѣль еси»; можетъ быть, конобъ соотвѣтствуетъ *копцу* Душанова Законника и *водъ* Р. Правды. «Лякуфъ» (45 ст.) — *ляхва*. Раченне» (75 ст.) — *βασκανία, fascina*. «Опашно» (83 ст.) — ср. ошѣстникъ, *отшѣстникъ*. «Остачене» — ср. сътъчненіе, *сѣтъчненіе*. «Матене» — отъ *мышленіе* (съ перемѣной в — въ а, шт — въ т). «Придна кровь» (Полиц. Стат.) — *честная кровь* (убійство). Замѣчу отъ себя, что Бусовитъ, въ указанномъ значеніи, извѣстенъ крскскому статуту: «*da bude zvan (na vice) vas plk po busovici*» (Ark. II. стр. 292).

ПОПРАВКИ и ОПЕЧАТКИ.

Въ сочиненіе мое, печатавшееся слишкомъ мелкимъ шрифтомъ, вкралось множество опечатокъ. Укажу важнѣйшія изъ нихъ:

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
I	10 (снизу)	законодательствѣ	законодательствѣ
II	10	» обтипъ	оптинъ
III	1	» Cuzubae	Corculae
IV	11	» Frajo	Franjo
VI	11 (сверху)	Zandru	Zadru
VI	18	» Werbosz	Werbosz
VII	16 (снизу)	Jesafata	Jozafata
IX	3 (сверху)	Knj'ga	Knjiga
IX	14	» drzanvoga	drzavnoga
IX	3 (снизу)	feadi	feudi
X	11	» Fresne	Fresne (Du Cange)
XI	15 (сверху)	Harvath	Horvath
XI	9 (снизу)	Pojestnica	Povjestnica
1	13 (сверху)	въкъ	вѣкъ
2	7	» жупапа	жупана
2	10	» Sigraga	Sidraga
2	11	» Гадска	Гадка
2	26	» или Рама	и Рама
5	16	» Арбе	Раба (Arba)
6	7 (снизу)	generale	generalis
8	12	» reotoris	rectores
9	3, 4, 10 (сверху)	officialis, rectoris, hominis	officiales, rectores, homines
11	8	» Травы	Трогира (Trau)
12	2	» въ Утинѣ	въ Удино (Видимѣ)
12	8	» Травъ (Trohir, Traguri- um, Trau). Сборникъ законовъ Травы	Трогиру (Trogir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Трогира
12	17 (снизу)	Арбе, Полы, Спалато	Раба, Полы, Сплита
21	2 (сверху)	regennis	regenne
36	5 (снизу)	дикаи	дикая
38	8 (сверху)	княщихъ	княжихъ
39	9 (снизу)	вчннаться	вчинаться
40	12	» княча	клича
45	2	» школахъ	шкодахъ
48	5 (сверху)	епископу	епископу
49	5	» krodriez	kradziez
52	14 (снизу)	Белы	Беллы
53	10 (сверху)	civis	cives
53	11	» hospitis	hospites
53	2, 5, 15 (снизу)	jobadiones	jobagiones
54	1 (сверху)	convocationis	convocationes
54	12	» judicis	judices
54	15	» assessoris	assessores
55	15 (снизу)	cognatos	cognati
55	4	» gerede	haerede
57	7 (сверху)	majoris et causae pecu- niatis	maiores et causae pecuniales.
59	11 (снизу)	testis	testes
62	12	» comitis	comes
70	4 (сверху)	имѣтъ	имѣютъ
76	3 (снизу)	odgovorno	odgovorno
77	11	» себровы	себровы
80	10 (сверху)	воѣдом	волом
82	6	» общияъ	общихъ

Изданіе Императорскаго Новороссійскаго университета.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПЕЧАТЬ:

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ФИЗИОЛОГІИ

Д-РА Н. БЕРНШТЕЙНА.

Доцента Анатоміи и Физиологіи при Императорскомъ
новороссійскомъ университетѣ.

Руководство выйдетъ отдѣльными выпусками, которые послѣдуютъ

одинъ за другимъ съ возможно короткими промежутками.

Первый выпускъ, содержащій: *Пищевареніе, Всасываніе* и начало

Кровообращенія, выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ с. г.

22733

1948

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждый 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА